

ОШО

РОЖДЕННЫЙ С ВОПРОСОМ В СЕРДЦЕ

*«Человек рождается с вопросом в сердце — именно
этим он и отличается от животного».*

Ошо

УДК 141.339
ББК 87.3
О-96

Перевод с английского Е. Мирошниченко

Ошо

О-96 Рожденный с вопросом в сердце / Перев. с англ. —
М.: ООО Издательство «София», 2013. — 288 с.

ISBN 978-5-399-00478-5

«Вопросы заложены в нас с самого рождения, человек приходит в этот мир с большим вопросительным знаком прямо в сердце — и это на самом деле большая удача. Ведь иначе мы были бы совсем другим биологическим видом. У деревьев нет вопросов, у птиц нет вопросов — только у человека есть такая привилегия. Во всем Сущем лишь он один способен спрашивать.

С самого детства я непрестанно спрашиваю. Мне возражали, меня осуждали, меня критиковали, но никто не ответил ни на единый мой вопрос — ответов нет.

Невольно задумываешься, а что, если все существующие ответы случайны, что они созданы людьми просто для того, чтобы нам стало спокойнее?..»

Ошо

УДК 141.339
ББК 87.3

Copyright © 1985, 2013 OSHO International Foundation, Switzerland.
www.osho.com/copyrights.
All rights reserved.

English title: BORN WITH A QUESTION MARK IN YOUR HEART, by Osho

Эта книга представляет собой 1–10 главы транскрипта серии из 30 выступлений Ошо под названием «From Personality to Individuality» перед живой аудиторией. Все выступления Ошо были опубликованы в виде книг и доступны также в виде аудио- и видеозаписей.

Аудиозаписи и полный текст архива доступен на сайте: www.osho.com.

OSHO is a registered trademark of Osho International Foundation,
www.osho.com/trademarks

Website:

<http://OSHO.com/resort>

<http://OSHO.com/AllAboutOSHO>

<http://OSHO.com/shop>

<http://www.youtube.com/OSHO>

<http://www.oshobytes.blogspot.com>

<http://www.Twitter.com/OSHOtimes>

<http://www.facebook.com/pages/OSHO.International>

<http://www.flickr.com/photos/oshointernational>

OSHO International Foundation: www.osho.com/oshointernational,
oshointernational@oshointernational.com

ISBN 978-5-399-00478-5

© ООО Издательство «София», 2013

Содержание

<i>Глава 1</i>	
Человек рожден с вопросительным знаком в сердце	6
<i>Глава 2</i>	
Определения ограничивают, а у мироздания нет границ	34
<i>Глава 3</i>	
Берегись! Я пришел разрушить твои грезы	61
<i>Глава 4</i>	
Зависть: инструмент общества, чтобы разделять и властвовать	90
<i>Глава 5</i>	
Одиссея самодостаточности	120
<i>Глава 6</i>	
Тревога или терзания?	152
<i>Глава 7</i>	
Просветленный аромат революции	180
<i>Глава 8</i>	
Лоно для трансформации	204
<i>Глава 9</i>	
Заговор священников для манипуляции твоим сознанием	230
<i>Глава 10</i>	
Посторонний, просто гость	258
<i>Об авторе</i>	285
<i>Международный центр медитаций Ошо</i>	286

ЧЕЛОВЕК РОЖДЕН С ВОПРОСИТЕЛЬНЫМ ЗНАКОМ В СЕРДЦЕ

*Ошо,
какое место в твоей религии занимает мистицизм?*

Моя религия — чистейший мистицизм, ничего другого в ней нет. В других религиях места для мистики нет и быть не может по той простой причине, что у них *готов ответ на любой вопрос* — и это фальшивые ответы, не подкрепленные свидетельствами, не подкрепленные аргументами. Но они успокаивают легковерных людей; они лишают Сущее мистического оттенка. Любое знание лишает мироздание мистического оттенка.

Я не даю тебе знания. С другой стороны, все религии занимаются именно этим: *наполняют людей знаниями*. Они говорят, что мир сотворен Богом. И у них есть посланники Бога, приносящие все ответы из Первоисточника — неоспоримого и непогрешимого. Религии имеют возможность эксплуатировать людей вот почему: когда у человека есть вопросы, а ответов нет, он испытывает особого рода внутреннее беспокойство. А вопросы есть всегда — они заложены в нас с самого рождения, человек приходит в этот мир с большим вопросительным знаком прямо в сердце — и это хорошо.

Это большая удача, что человек рожден с вопросительным знаком, — иначе мы были бы совсем другим биологическим видом. У быков нет вопросов, они принимают все что есть, без вопросов — они по-настоящему верующие, религиозные существа. У деревьев нет вопросов, у птиц нет вопросов — только у человека есть такая привилегия. Во всем Сущем лишь он один способен спрашивать.

Старые религии пытались лишить тебя этой привилегии. Они старались низвести тебя до уровня животных. Именно это они называли «непоколебимой верой». Они хотели, чтобы прихожане были быками и ослами, а не людьми, ибо единственная особая черта, отделяющая человека от животного царства, — вопросительный знак. Да, он доставляет беспокойство.

Конечно, жить без вопросов спокойнее — но этот покой означает смерть, в нем нет жизни. Эта тишина принадлежит кладбищу — полю могильных холмов. Я предпочитаю, чтобы человек был преисполнен беспокойства, но *жив*. Мне не хотелось бы, чтобы он превратился в обитателя кладбища. Этот покой, эта тишина дается большой ценой: ты теряешь жизнь, теряешь разум, теряешь любую возможность узнать экстаз жизни. Ведь вопросительный знак оказался в сердце не просто так. Отнюдь не дьявол сделал так, чтобы каждому ребенку от рождения было дано именно сомнение, а не вера. *Сомнение естественно*.

Каждый ребенок задает тысячи вопросов. Чем больше вопросов задает ребенок, тем больший у него потенциал делать открытия. Существуют и немые дети — не в прямом смысле, немые психологически. Родители очень любят таких детей, потому что с ними меньше забот, они не задают вопросов: ведь даже маленький ребенок может свести к нулю все твои знания.

Мне вспоминается собственное детство — множество случаев, которые помогут тебе понять, в чем красота вопросительного знака. А если ты не понимаешь, что вопросительный знак является неотъемлемой частью твоей человеческой природы, твоего достоинства, — тогда ты не поймешь, что такое мистицизм.

Мистицизм — это не мистификация. Мистификацией занимаются священники — они любят окружать все ореолом таинственности. Они отнимают твой вопросительный знак, подтачивают твою способность исследовать тайны бытия. Но им нужно дать тебе что-нибудь взамен, какой-нибудь леденец — и это мистификация, атмосфера таинственности. И то же самое делают все писания — они используют ту же базовую методологию. Например, индуистские писания написаны на очень сложном язы-

ке, — санскрите. Ни один индеец не разговаривает на санскрите — это мертвый язык. Я пытался выяснить, были ли этот язык вообще когда-нибудь живым, — и не нашел ни одного свидетельства. Он всегда был мертвым — с самого начала. Это мертворожденный язык. Его придумали священники. Люди никогда на нем не разговаривали — люди и не могли бы разговаривать на нем. Он настолько сложен, настолько грамматически правилен, настолько математически выверен, настолько фонетически замысловат, что люди просто не могли бы им пользоваться.

Когда люди используют язык, он становится менее правильным грамматически, но более живым; менее выверенным математически, но зато вмещает больше значений. Он становится несовершенным, утрачивает лоск, утрачивает замысловатость — и начинает расти. Мертвый объект расти не может. Именно так обстояли дела с санскритом уже пять тысячелетий назад: никакого роста. Понятно, что мертвая вещь расти не может.

Живой язык, используемый людьми, постоянно растет. Его слова становятся все более округлыми — как камешки в горной речке. Речной поток непрерывно сталкивает камни между собой, и они приобретают округлую форму. Когда язык растет, это можно видеть: ты сразу можешь описать и определить, какой язык мертв, а какой жив.

Мертвые языки всегда остаются *совершенными*. Живые языки никогда не совершенны — поскольку ими пользуются несовершенные и склонные к ошибкам люди, они изменяются, шлифуются бесчисленными устами. Они становятся все более удобными.

Например, английский язык был принесен в Индию извне. И вместе с ним в повседневное использование вошли некоторые совершенно новые слова — например, слово «станция» (*station*). Прежде в Индии не было ничего похожего на станцию — это явление пришло уже после появления здесь английского языка. Только с приходом англичан здесь появились железные дороги, а вместе с ними, естественно, и слово «станция». Но если ты проедешь по всей Индии, то в деревнях не найдешь ни единого индийца, который говорил бы «станция», — я имею в виду девяносто восемь процентов нашего населения, не знающих

английского. «Станция» — это как-то слишком трудно, слишком замысловато. В процессе использования люди превратили это слово (не нарочно, просто так получилось в ходе использования) в «тесан» (*tesan*). Слово «станция» слишком сложное, нужно напрягаться — поэтому говорят «тесан».

Или вот еще, англичане принесли слово «рапорт» (*report*) — ты приходишь в полицейское отделение, и тебе нужно подать «рапорт». Но пройдишь по деревням, и ты удивишься: никто не использует слово «рапорт», все говорят «рапат». Слово округлилось — «рапат» — слово «рапорт» утратило свою сложность и замысловатость. *Rapat* звучит так по-человечески. Великое множество слов, и каждое из них рассказывает очень глубокую историю: когда слова используются людьми, они приобретают свою собственную форму. Они непрерывно изменяются просто в силу того, что их используют.

А санскрит остается неизменным. Иврит, арабский, греческий, латынь — все они остаются неизменными, они нависают высоко над головами людей, до них не дотянуться рукой. Санскрит никогда не был языком народа — он использовался для мистификации. Вся страна зависела от священников, а они говорили полную чушь — на санскрите. Если ты узнаешь, о чем речь, то удивишься — что тут такого священного? Но когда священник поет на санскрите, ты не понимаешь его слов — и погружаешься в атмосферу таинственности.

Чтобы писания оставались священными, нужно было держать их в секрете. Они не должны были дойти до людей, люди не должны были прочесть их. Если кому-то нужно прочесть текст, на то есть священник — он и прочтет. Когда появились печатные станки, индуисты очень не хотели, чтобы их писания были напечатаны, — а что станет с искусством мистификации, что станет с атмосферой таинственности, которую они поддерживали в течение тысячелетий?

Индуисты сделали жертвой мистификации целую страну, внушая людям мысль, что в их священных книгах содержатся все тайны, — но эти священные книги на девяносто девять процентов представляют собой коровий

навоз! Возможно, для индуистов он и священен — но ни для кого более. Когда эти священные книги перевели на другие языки, процесс мистификации заглох — индуизм утратил свое величие, свое сияние, поскольку появилась возможность прочесть его тексты на любом языке — писания стали доступными.

Махавира не говорил на санскрите, Гаутама Будда не говорил на санскрите — по той простой причине, что они сознательно бросали вызов священникам. Они говорили на языке народа. И священники их осуждали:

— Это неверный путь. Нужно говорить на санскрите. Ведь у вас обоих прекрасное образование, — и Будда, и Махавира были из царских семей, — вы знаете санскрит, зачем же говорите на языке простолюдинов?

А они отвечали:

— У нас есть на то причина: мы хотим, чтобы люди поняли, что за вашими мистификациями ничего не стоит. В ваших писаниях ничего нет, но поскольку они созданы на никому не понятном языке, люди многое дорисовывают в своем воображении.

Даже священники не всегда понимали, что они декламируют, ведь санскрит изучали через зубрежку, а не через понимание. А это совсем разные вещи. Санскрит нужно было учить наизусть — запоминать. Ударение делалось на запоминании, а не на понимании. Нет нужды задумываться о смысле: все, что от тебя требуется, — это правильно петь слова во время службы.

Нужно признать, что санскрит — очень красивый язык, напевный. Песню запомнить проще, чем отрывок в прозе такого же размера. Поэзия запоминается легко: потому что все языки, требующие крепкой памяти, поэтичны — они похожи на песни, они звучат красиво. А смысл... О нем лучше даже не спрашивать, потому что смысл может оказаться таким же нелепым, как статьи в любой современной газете, а может быть и хуже, ведь этой газете пять тысяч лет.

Пение брамина может заморозить тебя — ты попадешь во власть мистификации, поскольку его песня создает определенную атмосферу. А каков смысл его песни? Вполне возможно, что он обращается к Богу с молитвой: *«Молю тебя, пусть враг мой останется без урожая, а мой*

урожай умножится вдвое. Пусть соломо иссякнет в вымени соседских коров и перейдет в вымя моих коров». Если ты поймешь, что поется в его песнопениях, то скажешь: «Что за бред! Где здесь священный смысл? Где здесь религия? Вот это и есть ваша религия?» — но на самом деле смысл никого не волнует.

Заслышав призыв к мусульманской молитве с минарета, ты будешь очарован его напевностью. Арабский язык звучит необычайно трогательно — он проникает прямо в сердце. Так и задумано, чтобы он шел к сердцу, — он и не адресован интеллекту, рассудку. Он должен всколыхнуть твои чувства — и это происходит. Поэтому, слыша арабский, ты испытываешь волнение: «Должно быть, эти слова означают что-то прекрасное». Но тебя волнует и чарует только звук — а каково значение? О значении лучше даже не спрашивать...

Поэтому простому люду и не дозволено изучать священный язык — святой язык. Он предназначен лишь для священников, это их монополия.

Это мистификация. Это суррогат. Ведь они отняли у тебя колоссальный потенциал — твой вопросительный знак, — который превращал все Сущее в загадку. И им пришлось дать тебе что-то взамен — какую-нибудь цацку. У них есть наготове все ответы. Еще до того, как ребенок задаст вопрос, его начинают пичкать ответами. Но приглядись к этому процессу. Пока не задан вопрос, ответ не имеет смысла.

Вот об этом я и хочу тебе рассказать...

В детстве меня тоже решили пичкать ответами — при джайнистском храме проводились особые занятия по джайнизму, по одному часу каждый вечер. Туда надлежало ходить всем детям. А я отказался.

Я сказал отцу:

— Начнем с того, что я не задавал всех этих вопросов, на которые мне там отвечают. Это глупо. Когда у меня будут вопросы, я сам к ним приду, услышу их ответы и попытаюсь выяснить, верны ли они. Но пока меня даже вопросы эти не интересуют. Кто создал мир? Что за бред!.. Мне это не интересно. Лишь одно известно мне наверняка: я его не создавал.

— Странный ты ребенок, — сказал отец. — Все дети из нашей семьи ходят на эти занятия, и все соседские дети ходят...

Джайнисты стараются селиться компактно и живут сплоченно. Меньшинства всегда боятся тех, кто в большинстве, поэтому держатся друг друга — так безопаснее. Их храм расположен в центре джайнистского микрорайона, и все дети туда ходят. Такое расположение храма тоже способствует безопасности: если бы он находился в индуистском районе или в магометанском, то его могли бы в любой момент сжечь. Да и другие трудности возникали бы: нельзя было бы попасть в свой храм во время межконфессиональных столкновений.

Некоторые люди даже и поесть не могут, пока не сходят в храм. Вначале нужно помолиться в храме и только потом приступить к трапезе. Поэтому джайнисты селятся компактными микрорайонами — посередине храм, а жилища вокруг него.

— Все ходят на эти занятия! — сказал отец.

А я ответил:

— Ну, может быть, у них есть соответствующие вопросы, а может быть, они просто идиоты. Я не идиот и у меня нет этих вопросов, потому я отказываюсь туда ходить. И я вижу: все, что говорит детям учитель, — полнейшая чушь.

— И как ты это докажешь? — спросил отец. — Ты всегда требуешь, чтобы я тебе все доказывал. А теперь сам ответь: как ты докажешь, что слова учителя — чушь?

— Пойдем со мной! — отвечал я. Отцу часто приходилось ходить со мной куда-нибудь, чтобы разрешить тот или иной спор.

Когда мы пришли в школу, учитель рассказывал детям, что у Махавиры есть три качества: всемогущество — то есть он все может; всеведение — он все знает; и вездесущность — он присутствует везде.

А я сказал:

— Ты это слышал. Теперь пойдем со мной в храм. — А класс для занятий примыкал к храму. — Давай-давай, входи в храм.

— Но зачем? — удивился отец.

— Пошли, я предоставляю тебе доказательство.

А я заранее положил *ладду* на голову статуи Махавиры — это такая индийская сладость в форме шарика. Итак, я положил *ладду* на голову Махавиры, и туда, конечно же, взобрались две крысы, чтобы полакомиться. И я сказал:

— Вот он, ваш всемогущий Махавира. И ему на голову мочатся крысы.

— Несносный ребенок! — возмутился отец. — Ты сам это устроил, чтобы доказать мне?

— А что мне было делать? — парировал я. — Как еще доказать? Ведь самого Махавиру мне не найти. Зато есть статуя — это единственный Махавира, которого я знаю, и ты знаешь, и учитель знает. Он ведь вездесущий, а значит, присутствует и здесь, наблюдает, что делают с ним крысы. Он мог бы прогнать крыс и сбросить мое *ладду* на пол. Меня тут не было, мне ведь нужно было сходить за тобой, так что у него было полно времени. Вот теперь и доказывай мне, что этот человек вездесущий! В принципе, мне безразлично — пусть даже и вездесущий. Какое мне до этого дело?

Но прежде чем ребенок задаст вопрос, общество вдалбливает ему в голову ответ. Это самое распространенное и вопиющее преступление всех религий. Это программирование, дрессировка. Разные религиозные деятели обвиняют меня в том, что я программирую людей, — а я-то как раз *удаляю программы*. Программировали именно они — это они наполнили твой ум всякими ответами. А я уничтожаю их ответы, чтобы ты дошел до собственных вопросов. Эти люди погребли твой вопросительный знак под таким толстым слоем ответов, что ты совсем забыл, что у тебя вообще были вопросы.

Фактически, ты так и не задал ни одного вопроса. Тебе просто не дали возможности познакомиться со своим вопросом — со своим вопрошающим разумом. Религии слишком боятся: ведь стоит тебе задать один вопрос — всего один, — и им станет сложно вдалбливать свои ответы против твоей воли, ибо вопрошающий разум станет сомневаться. Ты и представить себе не можешь, сколько вопросов он выдвинет против каждого их ответа. Так что наилучшее решение состоит в том, чтобы с самого начала

совершить это злодейство: поймать малютку (чем раньше, тем лучше) и напичкать его теологией, догмами, доктринами, катехизисами. И тогда он будет знать все ответы еще до того, как хотя бы помыслит о вопросе.

Если ты христианин, откуда тебе известно о существовании Троицы? О том, что Бог Отец, Дух Святой и Сын обладают монополией на верховную власть, — о том, что они правят миром, как самые настоящие диктаторы. Откуда ты это знаешь? *Тебе так сказали.* Возможно, ты даже не помнишь, кто сказал. Тебе это сказали слишком рано — и для того, чтобы узнать, кто загрязнил твой ум, тебе придется копать очень глубоко.

Непорочное зачатие... Если ты не христианин, то у тебя тотчас же возникнет возражение: как могла девственница родить ребенка? Но если ты христианин, то не задаешься этим вопросом — ведь в тебя вложили ответ еще до того, как возник вопрос. С тобой обращались как с компьютером: просто загружали в тебя ответы. И если чьи-то слова противоречат христианству, ты готов убить этого человека, защищая весь этот бред, — хотя это отнюдь не твои собственные открытия. Да и тот человек, который тебе все это навязал, тоже сам ничего не знает — просто с ним когда-то обошлись точно так же, как он с тобой.

Все это продолжается веками. Каждое поколение передает свои глупости и предрассудки следующему поколению, считая, что дарит тебе знания. Но стоит усвоить все эти знания, как мистические двери для тебя закрываются.

Мистицизм означает способность смотреть на Сущее без предрассудков.

Поэтому я говорю, что ни в одной так называемой религии нет настоящей мистики — мистификация, несомненно, есть, но не мистика, ведь они не выполняют основного условия, необходимого для мистического взгляда на мир. Тебе нужно отринуть все свое знание — необходимо спустить в унитаз все, что ты принял на веру. Там нет ничего ценного, так что не волнуйся — это не сокровище, а одно только несчастье. Если ты сумеешь от всего этого избавиться, то увидишь свет — с тебя вдруг свалится бремя и твой взгляд станет свеж, как у младенца.

Все это лишь слои знаний: индуизм, христианство, магетанство, иудаизм... Все это лишь слои знаний, и не имеет значения, кто именно совершил против тебя преступление, ибо все религии находятся в одной лодке, все они совершают одно и то же злодейство. Поскольку преступление у них общее, никто не возражает. Все человечество у них в кулаке.

И всякий раз, когда такой человек, как я, начинает возражать, все его осуждают, все его критикуют — но не отвечают на заданные вопросы. Как никто и никогда не отвечал мне. С самого детства я непрестанно спрашиваю. Но никто не ответил ни на единый вопрос — ответов нет. Когда понимаешь, что все ответы случайны, что они созданы людьми просто для того, чтобы тебе стало спокойнее...

Как будто мать утешает ребенка, который не хочет спать один в своей комнате: «Не бойся, Иисус рядом с тобой. Можешь спать спокойно. Ты не один». Разве ребенок может подумать, что мама его обманывает? Родная мать? Да и сама мать не думает, что врет малышу, — она верит в то, что говорит. Этот яд дала ей собственная мать, и вот теперь она делает то же самое со своим ребенком. Это же естественно — что еще делать?

Ребенок боится остаться один, но ему нужно научиться быть одному — спать одному. Скоро его отправят в интернат — нужно научиться постоять за себя. До каких пор он будет хвататься за мамину юбку? И у нее есть все причины думать: «Если он ошутит присутствие Иисуса или Бога и сумеет заснуть...»

И ребенку станет легче — не так страшно. Ничто не изменилось — та же комната, он один, темно, но теперь появилось маленькое утешение, что Иисус присматривает за ним, Бог присматривает за ним, Бог повсюду. Так говорит его мама, так говорит папа, так говорит учитель, так говорит священник — не могут же все они ошибаться. Малыш не видит Бога, ибо тот невидим, и все же ему становится намного спокойнее.

Вот что делают с тобой все эти знания. Они освобождают тебя от исследования — ведь исследование доставляет проблемы. В этом мире ты ничего не получишь, если

не готов чем-то рискнуть ради этого. А Бог достался тебе слишком дешево — даже просить не пришлось. Так какую же ценность может иметь этот Бог? Религия далась тебе слишком дешево. Эта религия, этот Бог постоянно занимаются мистификацией Сущего, чтобы подавить твои вопросы. А я стараюсь разрушить их мистификацию.

Возможно, именно поэтому возник вопрос о том, какое место занимает в моей религии мистицизм, — ведь я постоянно разрушаю мистификации. Тот, кто спрашивал, не понимает разницы между мистицизмом и мистификацией. Он думает, что это синонимы. Но нет: это явления противоположные. Именно мистификация мешает развитию мистического видения. И у нас нет другого пути, кроме как полностью разрушить мистификацию, искоренить ее.

И тогда нет нужды давать тебе какие бы то ни было ответы. Есть твой вопрос и есть мироздание. Кто я такой, чтобы становиться между тобой и Сущим? Обратись к мирозданию лицом. Посмотри на восход, посмотри на закат. И тогда у тебя больше не останется ответов — ты просто будешь видеть то, что есть: поразительно красивый закат.

Ты будешь потрясен. Тебе захочется петь или танцевать, рисовать или просто лечь на траву и ничего не делать — просто смотреть. И тогда между тобой и великолепием заката возникнет единство. Начнет проявляться нечто — это и есть мистика. Ты ничего не знаешь — и в то же время *знаешь*.

Есть знание, которое ничего не знает. И есть невежество, которое знает все, ибо невежество — это невинность.

Я могу сказать тебе: *блаженны невежественные*. Но я не закончу фразу словами: «ибо они унаследуют Царство Божье». Нет — потому что это было бы мистификацией. Я скажу: *блаженны невежественные, ибо Царство Божье уже принадлежит им — здесь и сейчас*. Речь не о том, что они нечто унаследуют когда-то, где-то, в какой-то посмертной жизни, — это мистификация.

Мистицизм — наличные. Мистификация — облигация. Никто не знает, сможешь ли ты обналечить облигацию. Правительство может рухнуть, банк — обанкротиться. Только банки могут банкротиться — кто кроме них? А эту

твою облигацию можно обналечить только после смерти — таковы условия займа. «В Бога мы веруем и бестрепетно предаем себя в руки Его». Попы вечно обещают, что после смерти ты получишь то-то и то-то — но всегда *после смерти*. Они постоянно эксплуатируют людей при помощи исключительно простых средств — и каждый, у кого есть хоть немного ума, может видеть это.

Жизнь — мистика, мистерия; святыя писания — мистификация. Писания мертвы, а жречество живет с этих мертвых писаний. Подлинный, настоящий человек живет жизнью, а не писаниями. И уже просто в силу того, что он живет — ярко и тотально, — он погружается в мистику весь, без остатка. Каждый момент для него — мистика. Ты можешь ощутить ее на вкус, но не можешь свести к объективному знанию. В этом смысл мистики: существует способ познать ее, но нет способа свести ее к знанию. Она никогда не превращается в знание, но всегда остается *познанием*. У тебя есть ощущение, что ты нечто познаешь, но если кто-то попросит: «Если ты знаешь, тогда дай мне ответ», то, будучи настоящим человеком, будучи честным человеком, ты ответишь: «У меня есть ощущение познания. Но есть и ощущение того, что это невозможно свести к знанию».

Вот почему Лао-цзы всю свою жизнь отказывался писать что бы то ни было — по той простой причине, что в момент, когда ты пытаешься что-то записать, из-под твоего пера выходит что-то другое. Но заметить это может лишь тот, кто сам в какой-то мере знаком с мистическим мировосприятием.

И вопрос тут не в учености: ученый муж не найдет никаких ошибок в писании Лао-цзы. Современник Лао-цзы Конфуций был большим ученым. И естественно, мир знал Конфуция намного лучше, чем Лао-цзы: ведь он был человеком знания, прославленным мудрецом. Великие правители обращались к нему за советом. Сам китайский император, который был самым могущественным императором Земли в те дни — ведь Китай всегда был огромен и могуч, — назначил Конфуция своим премьер-министром, чтобы тот всегда был под рукой, когда понадобится совет. Но знаешь, что случилось, когда Конфуций пошел зна-

комиться с Лао-цзы? У него едва не случился нервный срыв...

Лао-цзы был известной личностью — во всяком случае, среди *искателей*. И когда ученики Конфуция поняли, что он пришел именно к Лао-цзы, они предпочли подождать снаружи — Лао-цзы жил в горной пещере.

Да и сам Конфуций не горел желанием, чтобы его сопровождали, ибо знал, что этот человек странен и непредсказуем. Как он себя поведет, что сделает, что скажет — никто не знает. Он может порвать тебя в клочья прямо на глазах у твоих собственных учеников. Так что лучше вначале зайти одному. Поэтому Конфуций сказал сопровождавшим:

— Подождите снаружи, а я войду один.

Через некоторое время он вышел, весь дрожа.

— Что случилось? — спросили ученики.

— Просто отвезите меня домой, — сказал он в ответ. — Я не в себе. Этот человек — дракон. Никогда к нему не ходите.

Что же произошло в пещере? Там присутствовали ученики Лао-цзы — потому-то мы и знаем, что там случилось, иначе эта великая встреча была бы утрачена для нас навсегда. Ученики Лао-цзы тоже были потрясены — даже его ученики, потому что Конфуций был старше их учителя и намного известнее. Он пользовался огромным уважением. А кто знал Лао-цзы? Очень немногие.

То, как Лао-цзы повел себя с Конфуцием, было просто возмутительно. Но не с точки зрения Лао-цзы. Он был простым человеком — ни высокомерным, ни смиренным, просто *чистым* человеком. И что он мог поделать, если Конфуций так болезненно воспринял его чистоту, его невинность и его обыкновенность?

Ты подходишь к зеркалу, и оно показывает, что твое лицо уродливо, — виновато ли в этом зеркало? Тут есть лишь один выход: избегать зеркал, никогда не смотреться в них. Или же ты можешь изготовить зеркало, в котором твое лицо будет выглядеть прекрасным. Это возможно. Существуют сотни разновидностей зеркал, вогнутые и выпуклые, и кто знает... в таких зеркалах ты можешь

выглядеть высоким, можешь выглядеть толстым, а можешь — красивым. Возможно, имеющиеся у тебя зеркала тебя обманывают. Возможно, производители делают зеркала специально, чтобы тебя утешить — чтобы ты казался себе красивым. Особенно это важно для женщины: стоя перед зеркалом, она забывает обо всем. Трудно оторвать женщину от зеркала. Она все смотрится и смотрится... Должно быть, в зеркалах есть какие-то чары — без них люди выглядят невзрачно.

— Что ты наделал? — спросили Лао-цзы ученики.

— Ничего я не делал, — ответил он, — просто отражал. В этом и был мой ответ. Этот идиот считает себя знающим человеком, а он всего лишь ученый. А я только показал ему, что ученость — ерунда, и объяснил: «Ты совсем ничего не знаешь».

Когда ты встречаешь такого человека, как Лао-цзы, невозможно быть неискренним — по меньшей мере перед ним. Конфуций был застывшим, словно статуя, ибо верно то, что сказал ему Лао-цзы, «Ученость — это не знание. Ты цитируешь других ученых мужей, но можешь ли ты сказать что-то свое?» Но ничего своего у Конфуция не имелось. Он был великим ученым и мог процитировать все древние писания... но что-то свое? Он никогда и не думал, что кто-то может спросить: «Есть ли у тебя что-то свое?»

Едва Лао-цзы на него взглянул, Конфуций понял, что этого человека не обманешь. Конфуций о чем-то спрашивал, а Лао-цзы отвечал:

— Не знаю. Я ничего не знаю.

— Что происходит после смерти? — спросил Конфуций.

Лао-цзы вспыхнул, словно огонь, куда плеснули масла, и сказал:

— Ну вот, опять! Может быть, прекратишь заниматься глупостями? Ты жив — можешь ли ты сказать, что есть жизнь? Ты жив — можешь ли ты свести свой опыт жизни к объективному знанию и сформулировать, что есть жизнь? И ведь обрати внимание: сейчас ты жив, поэтому должен знать. Ты не знаешь жизни, когда ты жив, — и при этом задаешься вопросами о смерти! Для этого у тебя будет до-

статочно времени в могиле. Тогда—то и медитируй о том, что такое смерть. А сейчас живи! И живи в полную силу.

Многие люди живут так, как будто их регулятор мощности поставили на минимум. Они едва теплятся, тлеют. Они не умирают, а угасают — просто их накал сходит на нет. Смерть приходит лишь к очень немногим — к тем, кто действительно жил, и жил жарко. Они знают разницу между жизнью и смертью, потому что испытали вкус жизни, а этот опыт жизни дает им возможность распробовать и смерть. Поскольку эти люди знают жизнь, они могут познать смерть. Если живя ты упускаешь жизнь, тогда умирая ты пропустишь смерть.

— Ты просто зря тратишь свое время. Иди и живи! — сказал Лао—цзы Конфуцию. — Когда—то ты умрешь. Будь уверен: я никогда не слышал, чтобы кто—нибудь жил вечно, так что однажды ты умрешь. Смерть не делает исключений — будь ты хоть великий ученый, хоть премьер—министр. Ты умрешь: это я могу тебе предсказать. Все остальное непредсказуемо, но это предсказать можно: ты умрешь. И в могильной тишине сможешь спокойно размышлять о том, что такое смерть.

Конфуций вышел от него, весь дрожа. А потом и император спросил у него:

— Ты ходил навещать Лао—цзы — что там у вас произошло?

— Произошло именно то, чего я боялся, — отвечал Конфуций. — Он выставил меня полным идиотом... прошло сорок восемь часов, а я все еще дрожу. Лицо этого человека до сих пор внушает мне страх — эти две ночи он снился мне в кошмарах! Он преследует меня, и боюсь, что будет преследовать всегда. А какие у него глаза! Они пронзают тебя, как мечи. Как ваш советник, скажу вам только одно: не вздумайте встречаться с этим человеком. Это дракон, а не человек.

Мистицизм — это познание жизни, когда между тобой и жизнью не стоит знание.

Но ты все живешь заимствованной жизнью — словно бы живет кто—то другой. Ты как зомби, лунатик, сомнамбула. И вся эта ситуация создана религиями. Проблема в том,

что люди думают, будто религии — это великое благословение для мира. Наоборот: они — величайшее проклятие. Они разрушили все, что было в тебе живого, и подменили мертвечиной. Твой вопрос был живым. Сомнение было дыханием — биением твоего сердца. Но они сказали: «Не сомневайся, иначе будешь страдать».

Мой отец говаривал мне:

— Я за тебя беспокоюсь. Ты так резко высказываешься о религиях, о Боге, о Небесах, об учениях... я беспокоюсь. Как бы тебе не пришлось страдать впоследствии.

— Я готов, — ответил я, — но прежде, чем начнется это страдание, позволь мне жить моей собственной жизнью. Я не буду сетовать, не буду жаловаться. На самом деле, это я о тебе должен беспокоиться, ведь все ваши знания — сплошное надувательство, но ты веришь, будто эта бумажная лодка доставит тебя к дальнему берегу. А я говорю, что ты утонешь.

— Я с самого начала учусь плавать, — продолжал я, — чтобы не зависеть от бумажной лодочки. Если я утону, ладно, это мой выбор. Никто другой за него не в ответе, и мне не на что жаловаться. Мне нравится жизнь. Мне нравится отрицать все фальшивое и заимствованное. Мне нравится быть собой. И какую бы участь ни уготовило Сущее человеку за неподдельность — я готов принять ее.

Но что будешь делать ты, когда твоя лодка из бумаги — священной бумаги, взятой из писаний, — станет тонуть? Ты упустил свою жизнь. Ты не можешь испытывать благодарность, ибо за что благодарить? Та жизнь, за которую можно было бы испытать благодарность, просочилась сквозь пальцы, а теперь ты тонешь, ибо не умеешь плавать — ведь ты никогда не сомневался в надежности своей лодки. А у меня есть все шансы добраться до другого берега, потому что я плавать научился.

В действительности он был хорошим пловцом. И я так сильно любил плавать, что всякий раз, когда родные не могли найти меня возле дома, они уверенно отправлялись к реке — я наверняка был где—нибудь там. Я проводил в воде по четыре—шесть часов в день. Время от времени мы ходили купаться вдвоем. Я даже в сезон дождей звал отца поплавать.

А он говорил:

— Лучше не надо!

Потому что в сезон дождей река ведет себя непредсказуемо, как горный поток. Она вдруг вздувается и становится такой широкой! Хотя обычно это довольно небольшая речка. Летом ты и не догадаешься, насколько она может разлиться — не меньше, чем в сотню раз, до нескольких миль в ширину. А течение такое сильное, что, если я хотел переплыть реку — и я переплывал ее сотни раз в сезон дождей, — меня относило на две-три мили вниз. А попасть в точку прямо напротив того места, где ты вошел в воду, было практически невозможно. Поток настолько стремительный, что, переплывая реку, я оказывался не менее чем в трех милях вниз по течению.

И я говорил отцу:

— Даже мне это удастся. А ты наверняка лучше плаваешь, чем я, — ты ведь сильнее. Я всего лишь ребенок. А ты взрослый сильный мужчина — у тебя получится.

Он пошел со мной лишь один раз, и то потому, что я создал ситуацию, когда отец просто не мог отказаться.

Моя сестра вышла замуж, и ее муж приехал к нам погостить. Он был борцом — чемпионом университета. В университете даже ходила шутка... Когда я поступил в университет (а это был последний год его обучения, он как раз готовился к защите диплома), я поселился с ним в одной комнате. И в университете шутили, что в нашей комнате живут два чемпиона... Я был чемпионом университета по дебатам, а он — по борьбе.

И все беспокоились, как мы уживемся, ведь я постоянно затевал споры, а он знал только один аргумент: силу. Он легко поступил в университет и сдал все экзамены, но дело было не в твердых знаниях — просто администрация университета хотела, чтобы он учился там, потому что был чемпионом Индии. Чемпионы в цене — они поднимают авторитет университета.

Он не готовился к экзаменам и ничего не знал. Зато с самого утра начинал многочасовую тренировку. Вечером опять упражнения и борцовские поединки с другими участниками секции и с тренером. Вне всяких сомнений, это был отменный борец. Я бывал на его соревнованиях.

В конце концов он стал нашим санньясином, но, к сожалению, умер слишком рано — ему было всего пятьдесят пять.

Однажды, когда мы вместе пришли из университета, я сказал своему отцу:

— Сегодня мы пойдем плавать. — А муж моей сестры был не только борцом, но и хорошим пловцом. — Пойдем с нами.

Отец не мог отказаться, чтобы не ударить в грязь лицом перед зятем — могло бы показаться, что он боится. Зять тоже не мог отказаться, потому что согласился тесть — человек пожилой. Да и разве мог он, чемпион Индии по борьбе, признаться мне, юнцу, что ему страшно? Увидев реку, он спросил:

— Мы правда хотим ее переплыть?

— Конечно! — ответил я.

Нас пыталась остановить мать. Сестра пыталась остановить своего мужа, но я подзадоривал мужчин. Я говорил им:

— Такая возможность может больше не представиться. Давайте попробуем. В худшем случае течение снесет нас на три-четыре мили. Нам придется просто пройти четыре мили.

Итак, когда я все-таки нырнул в реку, они прыгнули вслед за мной. Было очень трудно. Течение было просто бешеное. Наш зять запричитал:

— Уж лучше бы я сразу сказал, что боюсь. Теперь уже возвращаться нет смысла. Мы посередине, и нет никакой надежды добраться до берега.

— Я всегда знал, что однажды этот мальчишка втянет всех нас в какую-нибудь жуткую авантюру! — поддакнул отец.

Но я сказал:

— Если мы проплыли половину пути, это уже служит достаточно надежным доказательством, что мы можем проплыть и вторую половину.

Несколько раз они совсем уже были готовы повернуть обратно, но я твердил:

— Это глупо, ведь возвращаться придется столько же, сколько плыть вперед. И при этом вы до конца жизни будете считать себя трусами. Какой смысл сейчас возвра-

щаться? За то же время и с теми же затратами сил мы доберемся до другого берега... Если хотите, возвращайтесь, а я поплыву вперед.

Это их остановило. Они подумали: «Он это сделает, он ведь и так плавает туда-сюда постоянно. Если мы сейчас вернемся, а он переплывет реку, то ославит нас на весь город: “Вы только поглядите: вот чемпион Индии, а вот папа, занимавшийся плаванием всю свою жизнь. Они оба повернули назад с поддороги и оставили мальчишку переплывать реку в одиночестве!”».

«Ладно, — решили они. — Что бы ни случилось — пусть даже смерть, — нам не остается ничего, кроме как плыть за ним. Он не повернет».

Мой отец сказал зятю:

— Ты его не знаешь. Он не привык отступать. Он скорее умрет — и мы вместе с ним! Зря мы позволили втянуть себя. Много лет я избегал этого, а теперь вот уступил — из-за тебя.

— А я согласился из-за вас, — подхватил муж моей сестры. — Он развел нас обоих!

Но в конце концов мы доплыли до противоположного берега, и я сказал им:

— Ну и что же вы скажете сейчас? Немного отваги, немного готовности рискнуть и отправиться в неизвестность... А вы все пытались повернуть назад, хотя расстояние до нашего берега уже было такое же, как и до этого, — но свой берег хорошо известен. Тот берег вам знаком, а этот нет. Вас пугала неизвестность, иначе разве вы пренебрегли бы простой арифметикой?

Итак, мы доплыли до другого берега. Нам пришлось пройти три-четыре мили вверх по течению, но они были не готовы плыть обратно, ведь если мы хотели вернуться в ту же точку, откуда вошли в реку, то нам пришлось бы подняться еще на три-четыре мили вверх по течению. Они сказали:

— Еще четыре мили пешком? И снова ринуться в борьбу со смертью? Уж лучше мы найдем здесь лодочника! — А мы как раз дошли до пристани, где можно было арендовать лодку.

— А ты поступай как знаешь! — сказали они. — Хочешь пройти еще четыре мили — топай! Мы с тобой не пойдем. Мы оба решили — твердо решили! — что пусть уж лучше люди окрестят нас трусами. Нам все равно.

— Нет, я не стану распускать о вас слухи и не пройду еще четыре мили лишь для того, чтобы доказать, что вы трусы. Хотя обычно я делаю именно так: возвращаюсь до того места, напротив которого начал путь, а потом прохожу еще столько же вверх по течению, чтобы вернуться вплавь туда, где оставил свою одежду. Но сегодня я так делать не стану — это было бы уже слишком.

Я и так уже сделал больше, чем можно ожидать от сына. Достаточно. Но помните одно: лучше быть готовым плыть самому, чем надеяться на лодку, на которую не всегда можно положиться. Лучше уж полагаться на собственные руки, чем на какие-то там знания, — ведь вполне возможно, что они просто наугад сострепаны какими-нибудь ловкачами.

Мистицизм не требует никакой особой подготовки — достаточно открытого ума.

Ты не индуист, ты не мусульманин, ты не джайнист, ты не буддист — ты просто ты. И теперь увидь: в жизни нет ответов. Все ответы — мистификация.

Жизнь можно прожить, пролюбить, протанцевать, выпить, вкусить. С жизнью можно сделать много чего. Просто убери этот регулятор мощности, который заставляет тебя чуть теплиться.

Живи — не будь тепленьким, живи по-настоящему жарко! И жизнь тотчас превратится в мистирию. Моя религия — чистый мистицизм.

Ошо,
многие вещи, которые некогда давали человеку ощущение принадлежности к чему-то большему, ныне исчезают: племя, семья, брак, даже дружба. Что происходит? Что будет дальше?

Происходит нечто прекрасное, нечто великое. Да, племя исчезает. Семья исчезает, брак исчезает, дружба исче-

зает. Вот и хорошо — тебя оставляют в покое и ты можешь быть собой.

Человек племени — всего лишь единица в группе. Человек племени примитивен, неразвит — он ближе к животным, чем к человеку. Он всего лишь единица в группе. Хорошо, что племена исчезли. С исчезновением племен родились семьи. На этой стадии у семьи было важное преимущество, поскольку племя большое, а семья — маленькая ячейка. В семье у человека больше свободы, чем в племени. Племя осуществляло сильный диктат и обладало чрезмерной властью. Глава племени, вождь, имел полную власть над индивидуумом — мог даже убить.

Племена до сих пор еще существуют в очень неразвитых странах. Есть несколько первобытных племен и в Индии, я их посещал. Однажды я согласился на должность профессора в Райпуре — лишь потому, что неподалеку от Райпура есть самое примитивное племя во всей Индии, в округе Бастар. Это совсем небольшой округ, практически полностью заселенный племенами. Люди до сих пор ходят обнаженными и едят сырое мясо. Возможно, их уклад не менялся еще с тех времен, когда человек не знал огня, — потому-то они до сих пор и едят сырое мясо.

Это очень простые невинные люди — но что касается дел племени, его нравов и обычаев, то они блюдут их абсолютно беспрекословно. О том, чтобы кто-то восстал против племени, не может быть и речи. Такого человека тут же убьют и принесут в жертву богу, ибо выступать против племени означает прогневить бога — а племя не может допустить, чтобы бог гневался.

Племя является носителем традиции, установленной самим богом. У них нет писаний, нет даже письменности — поэтому вся власть принадлежит жрецу, который заодно вождь. И бунт означает верную смерть.

Бежать некуда, потому что во внешнем мире тебя никто не примет. Они не знают никаких языков, кроме племенного, ходят обнаженными... Они надевают небольшую тканевую повязку лишь один раз в году — двадцать шестого января, когда небольшая группа представителей племени отправляется в Дели, чтобы принять участие в праздновании Дня Республики.

Лишь эта небольшая группа обучена чуть-чуть говорить на хинди и носить минимум одежды: «Не ходи голым по Дели, особенно когда проходишь мимо президента и премьер-министра, а также всех послов и почетных гостей со всего мира. Хотя бы в это время тебе нужно быть одетым как следует». Так учат этих немногих представителей. Каждый год в Дели едут одни и те же люди, потому что никто больше не хочет всей этой морочи.

Племя живет совсем близко от Райпура, так что я частенько к ним навещался, просто чтобы понаблюдать, каким образом племя осуществляет власть над своими членами. Власть абсолютная, племя не дает ни малейшей возможности для бунта. Ты можешь покинуть племя, но не можешь выжить за пределами племени. Все, что тебе известно, — это образ жизни племени. Если где-нибудь за пределами племени тебя застанут за поеданием сырого мяса (а эти люди просто убивают животное и тут же начинают его есть), то ты немедленно попадешь в полицию. И голым ходить нельзя — тебя немедленно арестуют.

Они не знают чужих языков, ничего не умеют делать. А то, что умеют, востребовано только в пределах племени. Например, определенный танец, умение отбивать определенный ритм на барабане — но все это не нужно никому, кроме соплеменников. Поэтому никто не может покинуть племя — никакой мобильности.

Жить в племени и идти против его устоев невозможно. Если вождь нашел нарушителя, это означает, что он нашел новую жертву своему богу. Тогда все племя собирается вместе, все танцуют, шумят... и костер разводят. Потом нарушителя толкают в огонь — и он становится жертвой богу. У этого племени коллективный разум. И оно все еще живет в вашем коллективном бессознательном.

Семья в свое время стала большим шагом вперед, поскольку человек сделался частью более маленькой ячейки общества — обрел чуть больше свободы. И семья давала защиту своим членам. А теперь и семья тоже исчезает, ибо то, что дает нам защиту на одном этапе, служит помехой на другом.

Представь, что ты посадил маленькое деревце и окружил его защитной оградкой. Но не забудь убрать ее, когда

деревце подрастет, — иначе та же оградка помешает дереву нормально развиваться. Когда ты только посадил саженец, он был тонким, как палец, — вот ты и соорудил заборчик, чтобы защитить его от животных и детей. Но когда ствол достигает такой толщины, что упирается в забор, тогда бывшая защита становится помехой — и тебе нужно ее убрать.

Это время пришло. Семья больше нас не защищает. Она нас ограничивает. Она была большим шагом вперед по отношению к племени. Теперь пора делать следующий шаг: от семьи к коммуне. Коммуна даст тебе и свободу, и необходимую защиту, при этом ни в чем тебя не тормозя.

Поэтому я говорю: хорошо, что исчезло племя, и хорошо, что исчезает семья. Да, ты будешь скучать по родным, потому что привык к ним — просто привык. Ты будешь скучать по отцу и матери — но это пройдет. Поскольку коммуны создаются по всему миру, ты с удивлением обнаружишь, что обрел огромное множество дядюшек и тетушек, а потерял лишь одного отца и одну мать. Ты в выигрыше!

Если у тебя есть один отец и одна мать, это нехорошо для психики, ибо если речь идет о мальчике, то он начинает подражать отцу; если речь идет о девочке, она начинает подражать матери — и возникают серьезные психологические проблемы.

Девочка подражает матери, но она и ненавидит свою мать, потому что девочка — маленькая женщина и она любит отца. Это абсолютно неоспоримый научно доказанный биологический факт: девочка влюблена в отца и ненавидит мать. Но дочь не может подражать отцу — ведь она же девочка. Поэтому она подражает матери.

А мальчик любит мать, потому что он мужчина, а она женщина — причем первая женщина в его жизни. Он любит мать и ненавидит отца. Он ревнует, потому что мама и папа любят друг друга — для него это невыносимо. Маленькие дети демонстрируют это многими способами: если мать с отцом спят в одной постели, малыш приходит и укладывается между ними. Дело не в том, что он любит обоих. Он пытается их разлучить: «Проваливай!»

Девочка тоже ревнует. Она хотела бы занять место матери и стать папиной возлюбленной. И ревнует не только ребенок. Если отец проявляет слишком много любви к дочери, мать тут же показывает ему, кто в доме хозяйка. И если мать проявляет слишком много любви к сыну, отец чувствует себя отвергнутым.

Однако отец с матерью не вечны: вскоре они уйдут из жизни ребенка. Но при этом оставят в его душе полную неразбериху. Девочка всю свою жизнь будет ненавидеть мать и все, что напоминает ей о матери. При этом, как ни странно, она станет вести себя в точности так же, как и мать, — а поэтому возненавидит и себя. Глядя в зеркало, она будет видеть лицо матери. То же самое касается и мальчика. Эта внутренняя неразбериха порождает почти пятьдесят процентов всех психологических расстройств у мужчин и женщин во всем мире.

А коммуна обеспечивает более здоровую психологическую атмосферу. Это возможно только в коммуне, потому что ребенок... Конечно, ребенок рождается от матери, у него есть отец — но это обстоятельство не создаст вокруг него границ. Он будет свободно перемещаться по всей коммуне, и все ровесники отца будут для него дядьями, а дядя — это хороший человек. Папа всегда немного гад — такова его функция. Он обладает властью и обязан ее осуществлять — ему приходится быть строгим по отношению к мальчику.

То же касается матери: она должна быть строгой по отношению к дочери. Она боится, что девочка может вырасти не такой, как надо, если не заставлять ее соответствовать некоему идеалу, бытующему в обществе, — поэтому она проявляет строгость, руководствуясь любовью и самыми добрыми намерениями. Но дядя ничего не навязывает. Когда вокруг живет так много дядюшек и тетушек, происходит нечто замечательное: в сознании ребенка не формируется один-единственный доминирующий образ.

В сознании мальчика доминирует образ матери: он хочет, чтобы его женой стала женщина, в точности похожая на его мать. Но где взять вторую мамочку? Поэтому парень влюбляется в похожих женщин — но простое сходство ни-

чего не значит. Людей влекут странные вещи: цвет волос, походка, цвет глаз, длина носа, форма лица... некое сходство. Но сходство лишь частичное — а что можно сказать обо всем остальном?

Итак, ты влюбляешься в какие-то черты. Но ведь твоей возлюбленной становится вся женщина, а не только ее походка. Она будет готовить пищу — и ее стряпня не будет похожа на мамину. И тогда ты поймешь, что от одной походки толку мало. А еще она порой орет на тебя, визжит как ненормальная. Она ведет себя не так, как мамочка. Она твоя жена — с чего бы ей вести себя по-матерински? Она тебе не нянька.

Она искала себе мужа, и поскольку ты чем-то похож на ее отца — длина носа, форма ушей, — она в тебя и влюбилась. А теперь какой ей прок от твоих ушей? Долго ли она сможет терпеть твои уши? Да тебе и самому это не понравится: «Что за бред? Я — это не только уши, а личность в целом!» Но личность в целом ей не нужна.

Это реальная проблема, и у нее есть конкретная причина: у каждого мальчика есть идеальный образ женщины, и этот образ срисован с матери; у каждой девочки есть идеальный образ мужчины, и он срисован с отца. Именно поэтому каждый роман всегда заканчивается разрывом. Любовная связь не может быть успешной — этому препятствуют определенные фундаментальные психологические факторы.

Поэтому счастливая любовь существует только в воображении — она никогда не материализуется. Самые известные влюбленные — Лейла и Меджнун, Ромео и Джульетта, Ширин и Фархад, Сони и Махивал. Именно их истории помнит весь мир. Но если бы эти герои поженились, если бы их истории имели «счастливый конец», то никто бы о них и не помнил. Они просто не успели довести свои взаимоотношения до логического конца — образ счастливого брака существовал лишь в их фантазиях. Между ними что-то встало стеной — общество, родители или что-то еще, — они так и не смогли соединить свои жизни. И жаркое пламя вечной любви не угасло исключительно потому, что оно пылает только в нашем воображении.

В воображении проблем нет. Ты создаешь себе такого возлюбленного, какого хочешь. В твоём воображении возлюбленный не скажет: «Не указывай мне! Я все равно буду курить», — потому что это твоё воображение. Если ты хочешь курящего, он будет курить, если хочешь некурящего — не будет. Но реальный муж будет курить даже в том случае, если ты требуешь, чтобы он бросил, и твердишь, что от него воняет, и говоришь, что не можешь спать с ним в одной постели. Чем больше ты на него давишь, тем отчаяннее он сопротивляется: «Иди к черту и спи где хочешь». Сигарета для него намного важнее, чем ты. Несравненно важнее, потому что даёт ему поддержку, помощь, дружбу, компанию — тысячи вещей в одной маленький сигаретке. Разве сравнится с ней женщина? Если придется выбирать, он выберет сигарету и бросит женщину. Но в своём воображении ты можешь добиться всего, чего только захочешь.

Мужчина рисует в своём воображении женщину... Воображаемая женщина никогда не потеет, и ей не нужен дезодорант. У нее никогда не болит шея, потому что воображение никогда не доходит до шеи — оно всегда остается в голове. И это всего лишь твои картины — какой цвет ты захочешь, такой и наложишь. Никаких проблем. Рисунок не станет сопротивляться: «Это не мой цвет!» Или: «Я не стану носить это сари!»

Вот поэтому миру известны лишь те любовные истории, где брак так и не состоялся. А чем закончились все остальные романы? Никого не интересует. Все истории, где герои поженились, заканчиваются словами: «И после этого они жили долго и счастливо». Странное дело: неужели все любовники из всех историй затем действительно живут долго и счастливо? На самом деле, только в этот момент и начинается реальная история, а до этого была лишь игра воображения.

Хорошо, что семья исчезает. А вместе с ней исчезнут и нации, потому что семья — это базовая ячейка государства. Я очень радуюсь тому, что семья исчезает, ибо знаю: вслед за ней распадутся нации. И все так называемые религии тоже исчезнут — ведь именно семья навязывает тебе религию, национальную идентичность и тому подобное. Когда

не станет семьи, кто станет вдалбливать тебе христианство, кто станет вдалбливать тебе индуизм; кто станет твердить, что ты американец, что ты орегонец?

Когда исчезнет семья, уйдут в прошлое и многие психологические расстройства и даже политические безумства. Вы должны радоваться, что она исчезает. Брак — противостественное изобретение. Он достаточно долго терзал человека — но когда-то и брак был необходим.

Он был необходим, потому что существовали могущественные люди и слабые. Могущественные забирали всех красивых женщин себе, а слабые оставались без жен. Их биологическая потребность оставалась неудовлетворенной. Поэтому нужно было изобрести брак — вот слабые мужчины его и изобрели. Слабые объединились — вынуждены были объединиться — и приняли это решение. Потому что, когда слабые мужчины объединяются, сильный перестает быть сильнее. Он сильнее в противостоянии один на один, но не сильнее целой когорты слабых.

Итак, слабые мужчины объединились и решили: «Один муж — одна жена», — ибо именно в такой пропорции рождаются мальчики и девочки. Этот порядок был навязан слабыми мужчинами сильным — иначе сильные забирали всех красивых женщин в свои гаремы, а слабые оставались без секса. Нехорошая ситуация. Выходом из нее стало введение семьи — моногамной семьи. Это был очень важный шаг, поскольку слабые люди теперь не были обделены в сексуальном плане.

Но ныне семья больше не нужна — это пустышка. Теперь уже женщина может зарабатывать самостоятельно и мужчина может зарабатывать — они не зависят друг от друга. Женщина может не иметь детей. Женщина может нанять другую женщину, чтобы та вынашивала ее ребенка в своей утробе, либо же она может договориться о том, чтобы получить ребенка из пробирки. Секс и дети больше не взаимосвязаны. Можно заниматься сексом, но это вовсе не означает, что тебе придется непременно терпеть детей. Так что семья — совершенно устаревшее явление. Будущее за коммунами.

Коммуна — это множество независимых индивидуумов, которые не принадлежат друг другу, как то подразумевают такие старые формации, как семья, племя, религия, гражданство, национальная принадлежность, — нет. Их связывает лишь одно: то, что все они независимы. Каждый уважает твою независимость и ожидает того же от тебя: уважай чужую независимость.

Это единственные отношения, единственная разновидность дружбы, единственная цементирующая сила в коммуне: мы уважаем индивидуальность друг друга, независимость друг друга. Чужой образ жизни, стиль жизни встречает абсолютное приятие и уважение. Единственное условие состоит в том, что *никому ни в какой форме не позволено вмешиваться в чужую жизнь.*

Потому всем только хорошо, что этот мертвый пережиток прошлого исчезает, освобождая место для создания нового человека, нового человечества, нового мира.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОГРАНИЧИВАЮТ, А У МИРОЗДАНИЯ НЕТ ГРАНИЦ

*Ошо,
почему жизнь видится мне пустой и бессмысленной? Мне кажется, что я смертельно боюсь одиночества. Как мне тотально погрузиться в одиночество, испытывая радость вместо страха?*

Слово «смысл» не применимо к жизни. Жизнь не исполнена смысла и не лишена его. Однако в течение многих сотен лет человеческий ум программировался на то, чтобы думать, будто жизнь обладает каким-то колоссальным смыслом. Причем смысл этот всегда постулировался произвольно. И только лишь в этом веке впервые в истории человечества вопрос «В чем смысл жизни?» обрел исключительную важность, поскольку все старые обманы разоблачены.

Жизнь имела смысл благодаря Богу. Жизнь имела смысл благодаря загробному существованию. Жизнь имела смысл потому, что церкви, синагоги, храмы, мечети постоянно вдавливали идею смысла в головы людей.

Но затем люди достигли некоторой зрелости — не все, а лишь ничтожное меньшинство.

Я хочу, чтобы ты вспомнил пять важных имен. Первое — Сёрен Кьеркегор. Он первый задал этот вопрос, за что подвергся травле — ибо даже сам факт, что этот вопрос задан, вызвал опасение во многих людях. Раньше никто просто не решался спросить: «В чем смысл жизни?» Даже атеисты, отрицавшие Бога, отрицавшие загробную жизнь, отрицавшие существование души, никогда не спрашивали,

в чем смысл жизни. Они говорили: «Ешь, пей, веселись — вот тебе и весь смысл жизни». Они считали очевидным, что жизнь только и сводится к этим радостям — еда, питье и удовольствие.

Но Сёрен Кьеркегор погрузился в этот вопрос очень глубоко. Он положил начало целому направлению в философии — экзистенциализму. Далее следует еще четыре имени: Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс, Габриэль Марсель и последний по порядку, но не по важности (на деле он важнее всех) Жан-Поль Сартр. Эти пятеро людей вкололи в головы всей интеллигенции на земле, что жизнь бессмысленна.

И сейчас каждый сколько-нибудь разумный человек неизбежно встречается с этим вопросом — и вынужден как-то проработать его. Я не согласен с этими пятью философами, но признаю, что они заслуживают уважения. Они очень отважны, ибо как только ты изымаешь из жизни некий заранее заданный смысл, религия исчезает — ведь до сих пор религия и представляла собой не более чем попытку надеть твою жизнь смыслом: наполнить ее, чтобы ты не чувствовал себя пустым; окружить тебя Богом и ангелами, чтобы тебе не было одиноко. Человек ходил в церковь, в синагогу или в храм не просто так.

Человек тысячи лет кланялся священникам не просто так. Он получал что-то взамен. Конечно, они его эксплуатировали, но даже в этой эксплуатации человек находил некоторое утешение. Он был не одинок, за ним кто-то присматривал. Жизнь была не тщетной, в ней таился колоссальный смысл — духовный, эзотерический, глубочайший, — настолько высокий, что его нельзя было постичь умом.

Но все же большинство людей — девяносто девять процентов — не задаются этим вопросом. А зачем? Они легко находят себе утешение в мертвом прошлом. Для них оно не мертвое.

Я уже рассказывал об английском епископе Дженкинсе, который публично объявил, что Воскресения не было — это миф; и Непорочного зачатия не было — это ложь; и для того, чтобы стать христианином, человеку совершенно не нужно верить во все эти мифы. Несомненно, он абсолют-

но не прав, утверждая: «Мне это не нужно — я все равно могу верить в Бога». Я не вижу причин, почему он верит в Бога.

Христиане не дураки — не зря они две тысячи лет верят в разные нелепицы. Дело в том, что без этих нелепиц у человека нет основания верить в Бога — самую большую нелепость. А по Дженкинсу получается, как если бы я забрал у тебя руки, и ноги, и голову, и все остальное, но при этом твержу, что все равно верю в тебя. Ничего ведь не осталось! Все богословы — от Фомы Аквинского и до любого новомодного проповедника — прекрасно понимают, что Богу нужны какие-то подпорки. Лжи всегда нужны подпорки.

Лишь истина способна выстоять на собственных ногах.

А ложь на своих ногах устоять не может. Ей приходится заимствовать ноги, заимствовать сердце — там все заимствовано. А если ты убираешь эти позаимствованные вещи одну за другой, а под конец объявляешь, что все это и не нужно, чтобы верить в Бога... Согласно Дженкинсу, все это не требуется христианину — дескать, его вера основывается не на этом. Не понимаю, кого он пытается одурачить. Конечно, сам себя, ибо все это — подпорки, а если их убрать, здание рухнет. И теперь у него не остается ни единой причины для веры в Бога.

Но я снова вспомнил о нем сегодня, потому что несколько дней назад в Йоркский собор — один из прекраснейших соборов Англии — ударила молния, и большинство людей полагают, что это не совпадение: Бог наказывает церковь за то, что такой человек, как Дженкинс, был рукоположен в епископы. Он был четвертым в иерархии, ему нужно было обойти лишь двух людей, чтобы стать архиепископом Англии, а обойти этих двоих было бы совсем не сложно. Жизнь полна неожиданностей: они могут умереть или еще что может случиться — всегда есть надежда. Он был совсем недалеко от вершины — рукой подать.

Но теперь вся Англия верит, что Бог покарал церковь. Станный Бог и странная у него кара — потому что Дженкинс никогда не служил в этом храме. Очень странно. На момент удара он находился в двухстах милях. Метко же

стреляет ваш Бог — всего на две сотни миль промазал. Просто безупречный лучник!

Какое отношение имеет Йоркский собор к заявлениям Дженкинса? Молния должна была поразить самого Дженкинса или тот собор, где он служит, или же архиепископа Кентерберийского, поскольку это он рукоположил Дженкинса. А Йоркский собор совершенно ни при чем. Но люди узрели связь — дескать, это не совпадение. Вот таким образом все в нашей жизни обретает связь с некой более глубокой реальностью — включая все наши глупые оплошности. Ладно, допустим даже, что Бог существует, — какое Ему дело до епископа Дженкинса? Но если даже Ему и есть дело, тогда что это за проявление гнева такое? Уж Бог-то должен был бы стрелять пометче — ведь Он, должно быть, упражняется в этом деле вот уже миллионы лет, мог бы и наловчиться.

Вспомнилось...

Один царь, большой любитель стрельбы из лука — и сам непревзойденный лучник, — всю жизнь мечтал найти того, кто превзошел бы его в этом искусстве. Но за долгие годы ему так и не встретился тот, кто стрелял бы лучше. Однажды, проезжая через маленькую деревушку, он увидел повсюду свидетельства того, что здесь живет великий лучник, далеко превосходящий его самого. На каждом дереве, на каждом заборе были нарисованы мишени со стрелой, торчащей точно из яблочка. Царь остановил колесницу и сказал, обращаясь к свите:

— Где этот великий лучник? Я хочу почитать его. Я заберу его во дворец — пусть станет моим учителем. Давно уже ищу я того, кто превосходил бы меня, — однако до сих пор мне не удавалось повстречать такого. Но этот стрелок бьет без единого промаха. Его стрела ни на сотую долю дюйма не отклоняется от цели — всегда попадает точно в центр.

Царь обходил дерево за деревом, делал замеры... стрела всегда торчала точно из центра. Тем временем деревенские жители стали собираться неподалеку в надежде узнать, зачем это царь вышел из своей золотой колесницы. И он обратился к ним с вопросом:

— Где ваш великий лучник?

— Нет здесь никакого лучника! Это просто деревенский дурачок, — отвечали местные, смеясь. — Вас просто сбили с толку, Ваше Величество...

— Сами вы дурачки! — вскричал царь. — Как смеете вы оскорблять столь великого мастера?

— Не сердчайте, Ваше Величество, разберитесь сперва, что к чему, — отвечали крестьяне. — Он и вправду никакой не лучник, а просто местный идиот. Вначале он стреляет, и только потом рисует мишень. Понятно, что он не промахивается, — ведь круги начерчены уже после выстрелов. Куда бы ни попала стрела — там и есть яблочко! Так что забудьте о нем, просто поезжайте своей дорогой. Он совсем сумасшедший.

Мы все время твердим ему, что настоящие лучники так не поступают. Они вначале чертят мишень — и только потом стреляют. А он упрямо делает наоборот: вначале стреляет. Только отмахивается от нас: «Какая разница, что вначале, что потом? Когда я делаю по-своему, то всегда попадаю в яблочко. А ваш способ никуда не годится — я пробовал!»

Итак, Бог на протяжении миллионов лет грозит людям молниями, убивает их молниями. Индуисты верят, что молния есть не что иное, как стрела Господа Шивы. И всякий раз, когда куда-нибудь попадает молния, они там должны принести жертву Шиве, помолиться или выполнить определенные ритуалы — ведь молния является верным свидетельством того, что Шива гневается, и они обязаны найти того человека, который его разозлил.

Но в XX веке — в конце XX века — в одной из самых образованных и прогрессивных стран мира, какой, несомненно, является Англия, большинство людей поверили, что это было наказание, посланное Господом епископу Дженкинсу! Если такова меткость Бога, тогда едва ли даже и среди людей найдется худший стрелок. Никто не промахнет мимо цели на две сотни миль! Даже тот деревенский дурачок, который изобрел собственный способ стрельбы по мишеням, и то искуснее этого Бога.

Но почему люди все же верят во все эти штуки? Не без причины. А причина в том, что все они наполняют их

жизнь смыслом. Бог наверху вселяет в тебя уверенность, чувство безопасности. Если Бога нет, значит, Небеса пусты и ты остаешься в одиночестве. Ты так мал, а пустота столь громадна. Тебя охватит страх — просто от мысли о пустом небе, да еще и бесконечном, ибо границы у него быть не может. Все старые религии верили в то, что есть какая-то граница, но это абсолютно нелогично. Граница подразумевает, что за ней что-то есть, — иначе как провести границу? Да, ты можешь окружить свой дом границей, ведь дальше есть соседский дом. Ты можешь обнести свой дом забором, потому что земля есть и за пределами установленной тобою ограды.

Но если ты установишь забор на краю земли, за которым уже ничего нет, твоя ограда просто рухнет в пустоту. Что будет поддерживать ее с другой стороны? Чтобы провести границу, требуется две вещи: одна сторона и другая сторона. Очевидно, у мироздания не может быть никаких границ. Страшно представить себе бесконечность — простирающуюся во все стороны пустоту. Ты никогда не достигнешь точки, где сможешь сказать: «Вот мы и добрались до конца». Нет конца и нет начала.

А теперь представь себе историю без начала и без конца. У меня когда-то было развлечение... Меня никогда особо не интересовали романы, но время от времени, когда другого чтения под рукой не оказывалось, я читал романы по-своему — прямо с середины. И это придавало им некоторую подлинность. Когда не знаешь начала, приходится самому додумывать, что было раньше, — ведь ты начал с середины. И я никогда не дочитывал до конца. Опять-таки, я прекращал читать на полпути — прочитывал лишь половину второй половины. Вначале я пытался догадаться, с чего начался роман, а затем — чем он закончится. А затем я брался читать с начала.

И вот что любопытно: мне всегда удавалось вычислить начало и конец. Я ни разу не ошибся ни в деталях, ни в ключевых событиях — потому что роман создан человеком, а ум всегда работает в определенной манере. Это рутинная — стандартная картина действий. Если середину романа создал ум человека и я понимаю этот ум, то могу догадаться, какое было начало и каким будет конец.

Ну да, если книгу напишет безумец, тогда я, конечно же, не смогу угадать все это. Но безумцы не пишут книг. И это очень милосердно с их стороны. Однако если они все же займутся писательством, то их книги будут намного интереснее, чем книги, написанные учеными мужами, написанные интеллектуалами, ведь у интеллекта есть некий стандартный образ мышления.

Я не слишком симпатизирую всем этим пяти «экзистенциалистам» — в кавычках, потому что на самом деле я даже не готов назвать их экзистенциалистами. Кьеркегор в действительности никогда и не жил — ибо если мы все же решим называть его существование жизнью, то она была хуже, чем смерть. Он выходил из дому лишь раз в месяц, и домишко его был небольшой — одна маленькая комната. Его отец, видя, что сын вырос человеком весьма странным — постоянно читает и пишет, — попытался и сам читать его книги, но вскоре забросил эту затею, поскольку никак не мог взять в толк, о чем тот хочет сказать. Кьеркегор действительно только толчет воду в ступе — много слов ни о чем.

Кьеркегор так никогда и не женился. Одна глупая женщина была в него влюблена — наверняка глупая, потому что он был очень угрюмым и очень странным эксцентричным человеком, постоянно жившим в полумраке своей комнаты. Раз в месяц ему приходилось выходить из комнаты, так как перед смертью его отец передал свои деньги почтовому ведомству и распорядился ежемесячно выплачивать сыну определенную сумму. Он понимал, что Кьеркегор не сможет зарабатывать деньги — он просто умер бы в своей комнате, — и отец продал все, что только мог, и оставил деньги на хранение почтовому ведомству. Поэтому Кьеркегору и приходилось выходить из дому каждый месяц — первого числа.

Он жил в Копенгагене; и этого события ждал весь город: ведь Кьеркегор на улице — это такое редкое зрелище! Вплоть до самого почтового отделения за ним следовали детишки — настоящая процессия. Он написал и опубликовал книгу под названием «Или—или», и это заглавие стало его прозвищем в Копенгагене. Дети кричали ему

вслед: «Или—или!» — они думали, что это его настоящее имя: «Или—или идет на почту!»

То было очень удачное прозвище для этого человека, он и был именно таков. Он и жениться — то не смог как раз потому, что постоянно колебался: «Или—или». Ему нужно было тщательно взвесить все положительные стороны брака и отрицательные стороны. Он никак не мог решить. Женщина ждала его три года, но он сказал: «Прости, я не могу решиться. Я все еще колеблюсь: или—или».

Итак, этот человек никогда никого не любил и не имел ни одного друга, не знал природы, никогда по-настоящему не соприкасался с Сущим — если жизнь казалась ему бессмысленной, то тут и удивляться нечему, она должна была казаться ему такой. Но он спроецировал свое ощущение бессмысленности на окружающих.

А потом были остальные четыре так называемых экзистенциалиста. Я говорю «так называемые» потому, что у них не было никакого соприкосновения с существованием — то есть с экзистенцией. Единственный способ соприкоснуться с существованием — тишина. А они не знали языка тишины — ну и как же тогда они могли общаться с существованием? А что они делали? Они разоблачали ложь, которую навязывают нам религии. Ведь это ложь.

Тот смысл, который приписывают человеческой жизни религии, совершенно произволен. Экзистенциалисты указывают на произвольность этого религиозного смысла — однако отсюда отнюдь не следует, что жизнь бессмысленна. Отсюда следует лишь то, что смысл, приписывавшийся жизни до сих пор, оказался неверным: смысл жизни не в Боге. Смысл жизни не в Иисусе Христе. Между тем это не означает, что в жизни нет смысла. Но поскольку ты всегда думал, что смысл жизни в Нем, а потом этот смысл внезапно разваливается, ты просто принимаешь противоположную идею — идею бессмысленности.

Я хочу, чтобы ты понял, в чем состоит моя точка зрения. Я не экзистенциалист. И я утверждаю, что жизнь не исполнена смысла и не лишена его. Этот вопрос вообще неуместен. Жизнь — просто возможность, просто портал.

И все зависит от того, что ты сделаешь из нее сам. Лишь от тебя зависит, каким смыслом, каким цветом, какой песней, какой поэзией, каким танцем ты ее наполнишь.

Жизнь — этот творческая задача, и хорошо, что у нее нет фиксированного смысла, иначе никакой задачи не было бы. Было бы некое готовое изделие: ты с самого рождения получаешь смысл и несешь его через всю свою жизнь — смысл твоей жизни. Нет, мироздание намного глубже, чем любой смысл.

Существование — твоя творческая задача. Мироздание дает все возможности, какие тебе только могут потребоваться, — а ты думаешь, что твое существование пустое? Просто постарайся правильно подбирать слова, ибо слова задают определенный контекст. «Пустой» — грустное слово; оно создает ощущение нехватки чего-то, как будто что-то должно быть, а его нет. Но почему называть его пустым? Какие есть основания полагать, будто здесь с самого начала что-то должно было тебя ждать? Кто ты такой? Правильно подбирай слова.

Одно из важнейших жизненных искусств состоит в том, чтобы правильно называть вещи, находить верное слово, верный жест, потому что даже небольшая погрешность в словоупотреблении порождает ложные ассоциации. Возьмем слово «пустой» — сам его звук напоминает о тщете. А я предлагаю другое слово: *просторный*, ничем не захламленный. Мироздание настолько просторно, что обеспечивает тебе полную свободу быть таким, каким ты хочешь, — таким, каким ты в состоянии стать. Оно дает тебе неограниченное пространство для роста и цветения. Оно тебе ничего не навязывает.

Бог навязывает. Он хочет, чтобы ты был таким-то человеком, с такими-то личностными чертами, морально-этическими принципами, манерами. Он хочет поместить тебя в клетку. А ты думаешь, что клетка обеспечивает смысл? Клетка убивает.

Ницше намного больше прав, когда говорит: *«Бог умер, и я провозглашаю, что человечество отныне свободно»*. Он говорит две вещи. *«Бог умер»* — и это менее важная часть его утверждения, хотя именно она вызвала ярость у всех религий мира. А вторая часть более важна: *«Следовательно,*

человек свободен». Ты только вдумайся. Бог — это рабство. Отсутствие Бога — свобода. А свобода — это простор, и не стоит отождествлять ее с пустотой. Да, она пуста в том смысле, что в ней нет никаких препятствий. Да, в ней нет структуры. Нет указателей. Она не заставляет тебя двигаться в определенном направлении, становиться кем-то.

Нет, жизнь дает тебе столько пространства, сколько тебе нужно, — возможно, даже больше, чем нужно. Вместо того чтобы раздумывать о том, почему жизнь пуста, — расширяйся. Простор, безграничность, отсутствие ориентиров, отсутствие карт — это благо. Ты можешь двигаться, словно облако в небе, — свободно, непринужденно. Куда бы ни подул ветер, куда бы ты ни попал — там и есть твоя цель.

Обычно нас учат, что должна быть цель, к которой нам следует двигаться. Если ты достиг, значит, преуспел. Но в действительности ты при этом теряешь колоссальные возможности. Двигаясь к какой-то конкретной цели, ты очень много теряешь — все богатство жизни.

Почему человек считает жизнь бессмысленной? Потому что изначально ожидает, что у нее есть смысл. А кто тебе сказал, что смысл должен быть? Вот это я и называю злодейством религий по отношению к человеку. Они говорят, что смысл есть, ты принимаешь их слова за чистую монету — а когда тебе не удастся найти смысл, испытываешь разочарование и растерянность.

Очень многие умные люди совершают самоубийства. Профессия, где самоубийства распространены больше всего, — философ. Философы убивают себя намного чаще, чем представители любой другой профессии. Странно! Казалось бы, профессора должны быть мудры — особенно философы. Что же не так? — их ожидания в отношении возможности найти смысл. Они всеми силами стараются отыскать смысл, но его нет. Его никогда и не было.

Другие люди не пытаются найти смысл, поэтому им и не нужно убивать себя: они не испытывают разочарования. Они понимают, что и не пытались найти этот смысл, поэтому ощущают себя грешниками — как будто с ними что-то не так, — но они никогда не испытывают потребности покончить с собой из-за того, что жизнь бессмыс-

ленна. Они не вели поиск, но всегда полагали, что смысл все же где-то есть. Они просто не интересовались им. Они не слушали священников, они не слушали мудрецов, которые окружают нас со всех сторон и дают бесплатные советы — хотя никому они не нужны. Советы — единственная вещь на свете, которую все раздадут, но никто не принимает. И всем это известно.

А эти люди: Ясперс, Марсель, Хайдеггер, Сартр — двигались к противоположной крайности. Религии утверждают, что жизнь имеет смысл, потому что Бог не мог бы создать бессмысленную жизнь. У нее изначально есть некий смысл, некое значение. Этот смысл нужно реализовать — и будет тебе награда. Религии дают нам эту надежду, но перечисленные выше люди обнаружили, что Бога нет, — никто не наделял жизнь смыслом и у нас нет никакой судьбы, а человек — это всего лишь щепка, бесцельно дрейфующая в океане. Они перешли к другой крайности: *жизнь не имеет смысла.*

Обрати внимание: религии говорят, что у жизни есть смысл, а эти так называемые экзистенциалисты внушают всей мировой интеллигенции, что смысла у жизни нет. Но и те, и другие допускают одну и ту же ошибку. Я утверждаю, что понятие смысла вообще неприменимо к жизни. Попробую объяснить. Чем пахнет красный цвет? Ты скажешь: «Вопрос некорректный, потому что цвет никак не связан с запахом». А если ты все же станешь добросовестно искать запах, соответствующий красному цвету, — ведь писания, священники, все религии на протяжении тысяч лет твердят, будто красному цвету свойствен определенный аромат, — то рано или поздно убедишься, что никакого такого запаха нет. Запах и цвет — явления совершенно разного порядка, они не пересекаются. У запаха нет определенного цвета, и у цвета нет определенного запаха. Но это не означает, что цвет — штука бесполезная и от него нужно отказаться.

Жизнь и смысл — явления совсем разного порядка. Смысл — логическая концепция, а жизнь никак не связана с логикой. Если человек хочет жить, ему нужно отвергнуть логику — иначе жить он просто не сможет. Везде будет встречать логика, мешая ему жить, — «или—или». Ты

будешь много думать, но не жить. Чем больше думаешь, тем меньше остается возможностей, чтобы жить.

Жизнь требует выхода за пределы мышления.

Грек Зорба сказал своему боссу: «Босс, твоя единственная проблема состоит в том, что ты слишком много думаешь». И он прав — даже его босс в конце концов понимает, что он прав. Целый день Зорба трудится не покладая рук — а после этого он танцует и играет на каком-то своем инструменте. Как это будет по-итальянски?.. Сантури? Или это по-гречески? Сантури?.. Думаю, как бы там ни было, сантури — вполне подходящее название! Все равно все названия — выдуманы. Буду говорить «сантури».

Итак, он играет на сантури и танцует, танцует до иступления — а босс просто сидит. Однажды Зорба сказал: «Ну и чего же ты сидишь? Над нами полная луна, вот рядышком река, нас зовет песок и зовет прохладный ветер — пойдем со мной». Босс неуверенно пошел за Зорбой, тот просто потащил его — а Зорба был очень силен физически.

Босс — он и есть босс, какими и бывают все господа: богач, интеллектуал, но не силач. Зорба просто вытащил его на открытую площадку и пустился в пляс, играя на сантури. Босс тоже пробует станцевать и приходит в восторг: ветер, луна, река, неистовая игра на сантури и безумный танец Зорбы. На то, чтобы стряхнуть с себя ум, ему требуется некоторое время — но в конце концов он его стряхивает. Пусть всего лишь на несколько минут — но теперь он тоже знает, что у жизни совсем другой вкус.

Жизнь недоступна мышлению. Возможно, она доступна танцу, пению. Одно можно сказать наверняка: мышление — это самое сухое измерение твоей жизни. Это пустыня без единого оазиса.

Если ты ощущаешь, что у жизни нет смысла, это означает, что ты просто не умеешь жить. Ты не знаешь, что смысл не имеет к жизни никакого отношения. Это основной закон: жизнь никак не связана со смыслом. Жизнь — не арифметика. Не логика. Не философия.

Жизнь сама по себе — это такой экстаз... Кого заботит смысл? Можешь ли ты представить себе переживания, настолько радостные, что сам вопрос о смысле кажется

идиотским? Никто ведь не спрашивает: «В чем смысл любви?» Но если человек задается вопросом: «В чем смысл жизни?» — тогда ему нужно было бы уже спрашивать и «В чем смысл любви?».

Есть одна русская притча, совсем небольшая...

Жил в деревне юноша, которого все считали дурачком. С самого своего детства его только так и называли — дурачок. А когда все вокруг говорят так — и папа, и мама, и дядья, и соседи, — поневоле начинаешь верить, что ты и вправду дурень. Разве может так много народу ошибаться? Ведь все они — уважаемые люди. Когда человек подрастает в такой обстановке, он в конце концов действительно становится законченным идиотом — тут уж никуда не денешься. Как бы он ни старался, все его действия выглядят по-идиотски.

Это очень по-человечески. Если уж человек сошел с ума, то он потом может прийти в норму, но никто больше не будет считать его нормальным. Пусть даже он ведет себя нормально, но ты все равно будешь подозревать, что где-то в глубине таится безумие. Твое подозрение заставит его колебаться, а его колебания укрепят твои подозрения — это порочный круг. И вот он будет изо всех сил стараться выглядеть мудрым, будет стараться вести себя мудро — но люди всегда будут называть его действия идиотскими.

Однажды через эту деревню проходил некий святой. Юноша пришел к святому среди ночи, когда рядом никого не было, и попросил:

— Помогите мне выйти из этого тупика. Я в плену. Они меня не выпускают — не оставили мне ни одной лазейки, ни двери, ни даже окошка, куда я мог бы выскочить. Что бы я ни делал — даже если я делаю в точности то же, что делают все, — меня все обзывают дурнем. Как быть?

— Все очень просто, — сказал святой. — Когда кто-то скажет: «Посмотри, какой прекрасный закат!» — ты возражай: «Докажи, дурень! Что тут прекрасного? Я не вижу никакой красоты. Докажи». И если кто-то скажет: «Смотри, какая прекрасная роза!» — ты тоже не давай такому человеку спуска. Требуй: «Докажи! Какие у тебя основания, чтобы называть этот совершенно обычный

цветок прекрасным? В мире были миллионы роз, и есть миллионы, и будут еще миллионы. Что же такого особенного ты нашел в этом одном цветке? На каких логических основаниях ты базируешься, утверждая, что этот цветок красив?»

То же самое, если кто-то скажет: «Я прочел прекрасную книгу Льва Толстого», — ты тоже лови его на слове и требуй: «Ну-ка покажи мне, в чем ее красота. Что в ней прекрасного? Самая обычная история — точно такие же истории уже были рассказаны миллионы раз, и везде один и тот же треугольник: либо есть двое мужчин и одна женщина, либо две женщины и один мужчина — но всегда треугольник. Все любовные истории — о треугольниках. Так что же тут нового?»

— А ведь верно! — сказал юноша.

— Не упускай ни одного случая, — напутствовал святой, — никто не сможет подтвердить свои слова: такие вещи просто недоказуемы. А если люди не могут подтвердить свои слова, они будут сами выглядеть по-дурацки, а поэтому и тебя перестанут называть дураком. И когда я вернусь в вашу деревню, расскажешь мне, как твои дела.

Когда святой оказался в той деревне в следующий раз, он еще до встречи с бывшим дурачком услышал от его односельчан:

— В нашей деревне недавно произошло чудо. Был у нас местный дурачок — и вдруг сделался величайшим мудрецом. Вам нужно с ним познакомиться.

А святой, конечно же, сразу понял, что это за «мудрец». Он сказал:

— Познакомлюсь с ним с большим удовольствием. Давно этого хотел.

Итак, святого отвели к бывшему дураку, и, оставшись наедине, дурак сказал святому:

— Вы самый настоящий волшебник. Чудотворец! Ваша уловка сработала! Я просто начал выставлять всех дураками. Кто-то заводил разговор о любви, кто-то заводил разговор о красоте, кто-то пускался в рассуждения об искусстве, о живописи, о скульптуре, а я всегда твержу лишь одно: «Докажи!» И поскольку никто ничего доказать не может, все выглядят идиотами.

Вот ведь странность... никогда не подумал бы, что сумею добиться столь многого. Все, чего я хотел, — это забавиться от своего ярлыка. А теперь меня не просто перестали считать дураком, а почитают за великого мудреца. Но я-то знаю, что остался прежним, и вы это знаете.

— Только ни с кем не делись своим секретом, — предупредил святой. — Держи его при себе. Ты думаешь я — святой? Скажу тебе по секрету, что святым я стал точно так же, как ты — мудрецом.

Так оно и бывает в мире.

Если ты спросил: «В чем смысл жизни?» — это был неверный вопрос. Очевидно, кто-нибудь может сказать: «Смысл жизни в том-то», — и доказать это будет невозможно. И тем самым автоматически будет доказано другое: «Смысла жизни не существует». Но и это заблуждение. Потому я и говорю, что эти пять экзистенциалистов — эти прославленные имена, ибо в последние десятилетия они стали популярны, как никакая другая философская школа, — победили другие философские школы при помощи той же уловки, что и дурачок из нашей притчи. О любой картине они говорят: «Бессмыслица!» О любом стихотворении говорят: «Бессмыслица!» Ведь не существует способа доказать красоту: ты либо видишь ее, либо нет. Не существует способа доказать любовь; если тебя вынуждают ее доказывать, твоя игра проиграна. Как доказать любовь?

Хорошо, что люди принимают на веру — во всяком случае поначалу — то, что они любят друг друга, и не спрашивают: «Ты правда меня любишь? Где твоя любовь? Докажи-ка мне ее сначала». Тогда любовь просто исчезла бы из мира, ибо никто не смог бы ее доказать. Как доказать? В лучшем случае ты можешь сказать: «Послушай, как бьется мое сердце». А партнер скажет: «Да, я слышу твое сердце, но не слышу в нем любви. Не слышу ни песен, ни танцев, ни звона колокольчиков. Обычное биение сердца». Можно раздобыть стетоскоп и прослушать более внимательно — громко, во всех деталях. Но и тогда ты там не услышишь никакой любви. Любовь не в биении сердца. Так что же она такое? Может ли кто-то дать ей определение? Нет, это невозможно.

Некоторые вещи не поддаются определению. Поэтому я и называю свою религию чистым мистицизмом — я принимаю вещи, которые не поддаются ни объяснению, ни определению — их можно только прожить, их можно только познать на опыте. Когда пытаешься о них думать, они от тебя ускользают.

От всех этих пяти великих философов жизнь ускользнула, они ее полностью упустили, так как задавали ложный вопрос и получали ложный ответ, затем они опровергали этот ложный ответ, обратившись к чему-то диаметрально противоположному. Но помни: если, уходя от чего-то ложного, ты обращаешься к его противоположности, то получаешь тоже нечто ложное — ибо противоположностью одного заблуждения может быть только другое заблуждение, но не истина.

Жизнь — это просто опыт.

Твое рождение — только начало. Ты не рождаешься полностью сформировавшимся человеком — перед тобой открыты все измерения. В этом красота и достоинство человека.

Собака рождается собакой и остается собакой. Она приходит в жизнь с определенной структурой, образом жизни, моралью, религией, философией. У нее все это есть уже в готовом виде — природа с самого начала обеспечивает ее всем необходимым. Она никогда не думает, что в жизни нет смысла. Она не задумывается о смысле — лишь человека волнует смысл. Поэтому он думает, что ему нужно очень глубокое философское понимание. А собака приходит в мир завершенной. Человек рождается незавершенным — он открыт для развития. От него самого зависит, кем он станет, что сделает со своей жизнью. Это порождает определенные проблемы, но все эти проблемы представляют собой творческие задачи, которые нужно принять, обратиться к ним лицом.

Нужно постоянно прилагать усилия, направленные на собственный рост. Да, часто ты будешь двигаться в ложном направлении, но не стоит волноваться, ведь именно так мы учимся — на ошибках.

Мой отец частенько предостерегал меня от чего-то:

— Не делай это. Так делать неправильно.

— Давай договоримся раз и навсегда, — отвечал я, — позволь мне самому выяснить, что правильно, а что неправильно, и никогда не останавливай, если я готов совершить ошибку.

— Да как же так! Ты совершаешь ошибку, а я не должен тебя остановить?

— Да, потому что без ошибок я никогда ничему не научусь. Долго ли ты будешь рядом? Или ты собираешься прожить вместо меня мою жизнь? Я должен жить сам. Поэтому будь добр — позволь мне падать, позволь совершать ошибки, позволь заблуждаться и самому выяснять, что хорошо, а что плохо. Да, я иду на ощупь — но только так я могу выяснить что-то наверняка. Лишь то, что ты выяснил сам, — твое.

Возможно, истину нашел Иисус, возможно, истину нашел Будда, но для тебя все это хлам, бессмыслица. Тебе нужно самому пройти по пути, по многим путям, некоторые из них уведут тебя в ложном направлении и придется возвращаться, чтобы найти верную дорогу. Но если ты будешь неустанно искать, то непременно найдешь, ведь когда ты убеждаешься, что тот или иной путь — ложный, ты тем самым приближаешься к пониманию верного пути. Возможно, это кажется тебе не слишком очевидным — но как только ты видишь, что нечто ошибочно, одновременно где-то внутри тебя возникает проблеск истины.

Понять, что нечто ложно, означает некое смутное осознание истины. Поэтому двигаться в ложном направлении — не ошибка, именно через такое движение у тебя понемногу, понемногу формируется представление об истине. А стоит постичь истину, как ты выскочишь из своей ванны и побежишь голым по улице с криками: «Эврика! Эврика! Эврика!»

Именно так было и с Архимедом. Он голый прибежал во дворец к царю, крича лишь одно слово:

— Эврика! Я нашел!

Но царь сказал:

— Успокойся... мог хотя бы одеться для начала. Мало того что ты на улице устроил переполох, так теперь еще и у меня во дворце голый расхаживаешь.

Только тогда Архимед осознал, что он гол. Он сказал:

— Просто я купался в ванне, когда ко мне пришло озарение.

А дело в том, что этому царю кто-то подарил золотую корону. И царь велел Архимеду выяснить, действительно ли она отлита из чистого золота или же там какой-то сплав. Царь велел:

— Я не хочу, чтобы ты ее плавил или разрезал на кусочки. И не хочу, чтобы надпиливал, чтобы определить, золото ли там внутри.

А в ванне Архимед обнаружил вот что: ванна была полна до краев. Когда он погрузил в ванну свою ногу, часть воды вылилась. Когда он окунулся полностью, вылилось еще больше. И вдруг Архимеду пришло озарение — он выскочил из ванны и на основании того, насколько опустился уровень воды, смог определить, сколько воды пролилось. И объем вылившейся воды в точности соответствовал объему его тела. Он нашел способ узнать, из чего сделана корона!

Нужно взять слиток чистого золота, весящий столько же, сколько весит корона, и окунуть его в сосуд, до краев наполненный водой. Определенное количество воды прольется. Теперь нужно взвесить пролитую воду и выяснить, сколько воды проливается, когда мы помещаем туда столько-то чистого золота. Затем нужно положить в воду царский подарок. Тем самым мы не разрушаем корону, не портим ее. Если она вытесняет ровно столько же воды, сколько и золото такой же массы, значит, она сделана из чистого золота. Если нет, тогда тут есть примеси — какой-то другой металл.

Сделав это открытие, Архимед настолько обрадовался, что совсем забыл о том, что он собирался купаться, и о том, что на нем нет одежды, — он просто побежал. И царь сумел понять его. Он сказал:

— Да, я понимаю: когда делаешь такое открытие, вполне можно забыться в экстазе.

Вот только есть один нюанс: Архимед не нашел Бога, не нашел нирвану, не нашел просветления. Нет, он всего лишь нашел способ выяснить, чистое ли золото перед ним или нет. Но даже в этом случае вспышка озарения дает

тебе осознание собственного разума. Чем более важное открытие — тем более отчетливое осознание разума.

Когда ты выясняешь, что такое жизнь, проживая ее, то вдруг обнаруживаешь, что не окружен пустотой, — ты окружен пространством, чистым пространством, которое позволяет тебе расти в любом направлении. Существование — это свобода.

Да, я согласен с Ницше: человек свободен. До сих пор религии пытались поработить человека — поработить духовно, поработить психологически, но все равно раб остается рабом.

Ницше не прав, утверждая, что Бог умер, потому что Бога никогда и не было. С его стороны это был лишь риторический прием — я уверен, что этот необычайно проницательный человек не допустил бы такой ошибки. Когда он говорит: «Бог мертв», — он не имеет в виду, что раньше Бог был, а теперь умер. Он просто хочет подчеркнуть тот факт, что Бога нет: забудь о Боге и забудь обо всех мифах, по которым ты жил до сих пор. Отныне и навсегда ты свободен. Живи свободно и твори себя.

Зачем позволять Богу творить тебя? Да Он в любом случае и не сможет тебя сотворить. Ты только посмотри: Он создал Еву из ребра Адама — и это великий творец! У Него вообще есть диплом хирурга? Не думаю, что Он заканчивал Королевский колледж... и вообще, Он делал операцию без наркоза. Адам просто спал, когда Бог удалил ему ребро. Но если ты сам глуп, то готов поверить в любые глупости. Как можно из ребра сделать женщину?

Не вижу никакого способа сделать женщину из ребра. Это полнейший бред! К тому же настолько оскорбительный для женщин, что им давно следовало бы перестать ходить в церкви и синагоги — ведь Бог повел себя оскорбительно. Непростительно! Пусть извинится. Что в такой ситуации должны делать свободолюбивые женщины? Они должны пикетировать все церкви, все синагоги, призывая всех остальных женщин не переступать порог этих заведений, пока из Библии не уберут столь оскорбительный пассаж.

Женщина создана из ребра Адама? А почему Бог не сотворил женщину точно так же, как сотворил самого Адама?

Само слово «Адам» означает земля, грязь. Вначале Он сотворил Адама из земли, а потом вдохнул в него жизнь. А когда пришел черед делать женщину, Ему что, земли не хватило? Вся грязь ушла на Адама? Было бы намного проще и женщину сделать из земли. Зачем лишать беднягу ребра?

А знаете, что было потом? До меня дошли слухи, но не знаю, правда ли это. Каждый вечер, когда Адам возвращался домой и ложился спать, Ева первым делом пересчитывала его ребра: она опасалась, как бы Бог не сотворил другую женщину. Каждый вечер... Это вполне естественный страх, и если бы пропало второе ребро, то у Адама начались бы большие проблемы. Но Бог больше не повторял эту операцию.

Из прошлого к нам дошло множество мифов. Миф — это просто выдуманная история, чтобы дать тебе фальшивое ощущение смысла. А человек — даже очень образованный, культурный человек...

Был у меня в университете один коллега, преподаватель философии — большой поклонник Сёрена Кьеркегора и Жан-Поля Сартра. Считал себя экзистенциалистом. Я спросил у него:

— Ты действительно думаешь, что Бога нет?

— Ни Бога, ни Святого Духа, ни Иисуса Христа! — решительно заявил он. Этот преподаватель был из христианской среды.

И тогда я сказал:

— А что, если я устрою тебе встречу с одним из этих ребят...

— Что? Встречу? — воскликнул он. — Да как же ты устроишь мне встречу? Никто никогда их не видел. Это все предрассудки.

— Ладно, приходи вечером ко мне домой.

— Но что ты намерен сделать? — спросил он опасливо. Ему стало немного жутко.

— Об этом не спрашивай. Пусть вначале состоится встреча.

— С кем же именно?

— Да не волнуйся так... — успокаивал его я. — С тем, с кем мне удастся договориться. Я пока не знаю. Приходи

вечером. Поужинаем, потом переночуешь у меня дома, а уж я постараюсь все устроить.

— Но я сегодня очень занят.

— Ничего страшного. Тогда давай завтра. Рано или поздно это произойдет. Так что твои «важные дела» тебя не спасут... ведь на самом деле ты не слишком-то и занят.

— Да, верно, не занят, — признался он. — Я просто пытался как-то выкрутиться.

— Зачем? Я собираюсь устроить тебе встречу, а ты хочешь от меня отделаться. Ты отрицаешь Троицу и, отрицая, тем самым утверждаешь, что жизнь не имеет смысла. А я сегодня наполню твою жизнь смыслом.

— О Боже! — воскликнул он. — Ну ладно.

Но потом, сидя в моей машине, он то и дело бросал на меня пронзительные взгляды и спрашивал:

— И все-таки, с кем ты намерен устроить мне?..

— Не волнуйся, — отвечал я, — это уже моя забота. Я проделываю такое не впервые, так что будь спокоен!

Но разве бедняга мог успокоиться? Уже через минуту-другую он снова спрашивал:

— Лучше скажи мне сразу, это какой-то розыгрыш?

— Я серьезный человек, — отвечал я, — и это отнюдь не розыгрыш. Я действительно собираюсь устроить тебе встречу с кем-нибудь из этой троицы.

Во время ужина он никак не мог сосредоточиться на трапезе: ему было страшно. Наконец я сказал:

— А теперь я пойду организовывать встречу. Вот твоя спальня. Ты пока отдохни там, почитай что-нибудь. А я вернусь около десяти часов.

— Куда ты? — встревожился он.

— У меня есть одно место, где я могу вступать в контакт...

— Одно место! Ты с ума сошел или как?

— Наберись терпения. В худшем случае ты потеряешь один вечер. Уже очень скоро все решится.

Один мой приятель преподавал в медицинском колледже. Я отправился к нему и попросил дать мне скелет на одну ночь.

— Что ты задумал? — поинтересовался он.

— Не волнуйся, никто не пострадает и никаких проблем не возникнет.

— Я не имею права, — колебался он. — Ключ есть только у меня, и, если завтра скелета не окажется на месте, у меня будут неприятности.

— Скелет будет на месте до начала рабочего дня. Мне просто нужно устроить встречу для одного человека.

— Какую еще встречу?

— Да не волнуйся ты, — уговаривал я. — Просто позволь мне закончить задуманное и не отнимай у меня времени. Дай скелет!

— До чего же ты настырный! Бери уж. Но чтобы до начала рабочего дня он был на месте.

— Будь спокоен. Возможно, я даже верну тебе два скелета. Не уверен, чем закончится эта встреча, — всякое бывает, знаешь ли. Двое встречаются, и между ними может произойти что угодно. Это будет встреча со Святым Духом.

— Я пойду с тобой, — потребовал медик. — Сдается мне, ты задумал что-то опасное.

— Пойдем! — согласился я. — Это просто забава, розыгрыш... никакого риска. Пойдем.

Он присоединился ко мне. Я жил в большом бунгало и выделил преподавателю философии комнату с отдельным санузлом и небольшой кладовкой. Итак, мы пришли ко мне домой. Скелет я оставил в гараже и постучал в дверь философа. Он открыл. Вид у него был тревожный.

— Что по поводу встречи? — поинтересовался он с порога.

— Я все устроил, встреча состоится. Ложись в постель, а когда услышишь три удара в дверь, иди в ванную.

— В ванную?

— А что я могу поделать? Я пытался убедить его встретиться в гостиной, но это же Святой Дух! Причуды — Его конек.

— Ну ладно, увижусь с ним в ванной, если ты настаиваешь... — сказал он.

— Мне-то, в принципе, все равно, да и ты, похоже, не против.

— Святой Дух!.. В ванной? — ошеломленно пробормотал он.

Это было возможно только в ванной, потому что там была вторая дверь, через которую я мог доставить Святого Духа. Иначе как бы я его туда пронес? Мы в Индии всегда устраиваем отдельный черный ход в ванную, чтобы уборщица могла войти и прибраться в санузел — ибо таким людям не дозволено входить через парадную дверь. В Индии это неприемлемо. И этот черный ход я с самого начала оставил незапертым.

Итак, философ улегся в кровать и укрылся одеялом. Я шелкнул выключателем.

— Нет! Включи свет! — потребовал он.

— Да не волнуйся ты. Когда придет Святой Дух, все озарится светом. Он же светозарный. Успокойся.

— Нет, все равно оставь свет! А сам-то ты куда?

— А я буду в соседней комнате. Если возникнут проблемы, если Святой Дух поведет себя как-нибудь недуховно по отношению к тебе, ты можешь либо спрятаться в кладовке и закрыться изнутри, либо же, если не лишишься дара речи, позови меня — я тут же приду на помощь. Но, насколько я знаю из опыта — а я уже не впервые устраиваю такие встречи, — люди обычно теряют дар речи. Хотят что-то сказать, хотят закричать, но не могут. У них перехватывает дыхание — от одного присутствия Святого Духа!

— Да... зря я заговорил с тобой о бессмысленности жизни, — сокрушенно вздохнул он. — Возможно, смысл все-таки есть.

— Не спеши отрекаться от своих философских убеждений. Пусть сперва состоится встреча.

Встреча таки состоялась. Я убедил его выключить свет — дескать, иначе Святой Дух не придет. Затем я пронес скелет через заднюю дверь и живописно расположил в ванной. Около двенадцати часов — второй преподаватель тоже был со мной в моей комнате — мы постучали в дверь философа. Я заранее сказал ему:

— Когда Святой Дух постучит в твою дверь, войди в ванную и у вас будет встреча. Можешь задать Ему любой

вопрос. Дальше все зависит только от тебя. Моя задача сводится к тому, чтобы устроить встречу.

Мы постучали в дверь. Философ вскочил с кровати и тут же рухнул на пол! В темноте он не мог разобрать, где находится. На самом деле ему захотелось убежать из комнаты, но по ошибке он все равно открыл дверь ванной, где я специально оставил гореть свет. А там был скелет. Увидев его, философ просто-напросто потерял сознание. Тогда я попросил своего приятеля-медика:

— Помоги ему. Это и есть твой второй скелет! Первого я отнесу в свою машину, а ты пока позаботься о бедняге. Именно потому я тебя и взял с собой. Ты думал, у меня есть другие причины, но при таких встречах очень важно, чтобы рядом был врач. Позаботься о нем!

— Сколько же от тебя проблем! — возмутился врач. — Теперь я должен возиться с ним. А вдруг он умрет и меня обвинят в том, что, как врач, я чего-то для него не сделал...

Но философ не умер. Он открыл глаза, посмотрел на врача, посмотрел на меня, снова закрыл глаза и спросил:

— Он... Он ушел?

Такие были его первые слова: «Он ушел?»

— Кто? — спросил я.

— Святой Дух. Отныне я верю в Бога Отца, Святого Духа и Иисуса Христа — и никогда больше не буду отрицать их.

— Прекрасно! — заключил я. — Мне удалось обратить тебя в христианство.

— О Боже! Что за дивный опыт! — сказал он. — Моя жена мне не поверит, никто мне не поверит. Да я и сам не поверил бы, если бы не видел своими глазами. Он ушел?

— Можешь проверить в ванной, — предложил я.

Он открыл дверь ванной и сказал:

— Да, ушел...

С тех пор этот философ стал ходить в церковь, ибо сделался очень и очень религиозным человеком. Все в университете были изумлены случившимся, а я говорил им:

— Это результат великой Встречи!

— Какой такой встречи? — удивлялись все, и я рассказывал им всю эту историю.

— Не будь дураком! — твердил я ему. — Пойдем со мной к тому самому врачу. Он подтвердит, что я просто притащил скелет. Не было там никакого Святого Духа, не было никакой встречи. Дело просто в том, что ты трусишка.

— Ты теперь не собьешь меня с толку, — отвечал он, — я видел все своими собственными словами. Кому я должен верить — своим глазам или тебе... или какому-то там преподавателю медицины? Что бы вы все ни говорили, отныне и навсегда я останусь христианином. Вам не сокрушить мою веру.

Он до сих пор остается христианином. Очень набожный, обращает других людей, поддерживает их в вере — и все потому, что увидел скелет! Я убеждал его, приводил своего приятеля-доктора, и тот подтверждал мои слова:

— Да, действительно все правда, приходите ко мне в кабинет, я покажу вам тот самый скелет, вы можете его опознать...

— Никуда я не пойду, — ответил новоявленный христианин. — Показать он мне что-то хочет... Я не доверяю этому человеку: если он сумел устроить для меня встречу со Святым Духом, то он способен на все что угодно. А вдруг туда, куда вы меня сейчас зовете, снова явится Святой Дух! А я не хочу с Ним больше встречаться — разве что после смерти!

И он перекрестился. Отныне он крестился всякий раз, когда произносил слова «Святой Дух». Такое вот превращение!

Люди верят в самые разные предрассудки, и каждый из них может иметь то или иное основание в прошлом. Но люди не имеют четкого представления об этом основании. Да, это верно, что Иисуса распяли на кресте, а то, что Он воскрес, — неправда. Его сняли с креста, и Он бежал из Иудеи. Перед отъездом Он встречался с разными людьми, в том числе, несомненно, с некоторыми учениками. И все они подумали, что Он вернулся с того света — воскрес!

Но Он покинул Иудею, потому что прекрасно знал... Ему настоятельно советовал бежать Понтий Пилат — это именно он помог Ему спастись. Вся заслуга лежит на прокураторе Иудеи. Странное совпадение, что именно Рим стал оплотом христианства: Рим распял Иисуса и римский же прокуратор помог Ему бежать. Но Ему четко дали понять, что Его не должны видеть ни в самой Иудее, ни поблизости, чтобы Понтию Пилату не пришлось отвечать. И Христос уехал далеко-далеко. Он умер в Кашмире, в Индии. Я был на Его могиле. Он прожил долгую жизнь — сто двенадцать лет. Но тех шести часов на кресте Ему вполне хватило — Иисус больше никогда не пытался доказать, что Он мессия. На самом деле, в Индии это никого и не впечатлило бы — мессия тут не представляет собой ничего из ряда вон выходящего. Тут у нас всегда есть сотни живых воплощений Бога — каждый день, каждую ночь.

Однажды мне довелось остановиться в Аллахабаде. Меня пригласили на Всемирную конференцию индуистов. Кто-то пригласил меня по ошибке, почему-то решив, что я индуист. Потом они спохватились, но было поздно. К тому времени я уже расстроил все их планы — а они обдумывали, как обратить в индуизм целый мир.

Я жил вместе с тысячами других участников в палаточном городке на берегу Ганга — для конференции выбрали очень живописное место. И среди обитателей этих палаток было *не менее пяти воплощений Бога*. В Индии это проще простого. Никто не станет возражать — ты вполне можешь объявить себя воплощением Бога. С этим у нас дела обстоят совсем просто. Кого это волнует? Кого тревожит? Это твое личное дело. Если считаешь себя воплощением Бога, прекрасно — будь Им! От этого никому нет никакого вреда.

Но опыт Иисуса оказался настолько тяжелым, настолько ужасным, что Он отказался от самой мысли быть мессией и утратил всякое желание решать проблемы всего человечества. Он на собственной шкуре убедился, что бывает, когда ты пытаешься спасти человечество: тебя распинают!

Однако благодаря Его бегству родилась религия. А ведь у христиан нет никакой информации о том, что же стало

БЕРЕГИСЬ! Я ПРИШЕЛ РАЗРУШИТЬ ТВОИ ГРЕЗЫ

после Его воскресения. Допустим, Он воскрес, ладно. А что потом? Когда Он умер? Где умер? Где Его могила? Почему они не сохранили Его могилу? Это же должна быть самая святая из ваших святынь. Шила мне рассказала, что сохранилась только крайняя плоть Иисуса Христа! Ведь Он, по-видимому, был обрезан...

Но даже ее вчера выкрали из Ватикана. Бедные христиане... Теперь у них ничего не осталось! У них и было-то немного: какой прок от маленького кусочка кожи? Да и то я не уверен, что это была Его крайняя плоть, — подошла бы любая, потому что их не различить. На ней же не написано «Иисус Христос» — но кто-то не пожалел усилий и украл ее. А теперь весь христианский мир потрясен: пропало их самое драгоценное сокровище.

Ошо,

Ты говорил, что лишь христиане видят сны об Иисусе, кришнаиты же грезят лишь о Кришне. А твоим санньясинам снишься Ты, Ошо. Что скажешь об этом?

Сны и грезы — подмена реальности. С их помощью ум дает тебе утешение.

Если ты постишься, ночью тебе снится пир, потому что голод требует пищи и без видений о пище тебе было бы трудно выспаться. Ум дает тебе замену — сновидение. Он дает тебе ощущение, что ты больше не голоден: ты ешь, причем ешь отменную еду: вкусную, именно такую, как ты любишь. Теперь можно спать крепко. Ум опьянил твоё тело при помощи сновидения. Но сон — не реальность. Оттого, что тебе приснится пир, сыт не станешь. Ум может обмануть тело лишь на время, но тело все равно будет страдать. Реальность есть реальность, и тебе нужна настоящая пища.

Когда христианину снится Иисус, или индуисту снится Кришна, или санньясину снюсь я, происходит то же самое. Нет никакой разницы, кто тебе снится, — все равно. Можешь грезить о ком угодно: о Кришне, Христе, Махавире, Будде или Заратустре. Объект сновидения не имеет значения — важен сам факт, что ты видишь кого-то во сне.

В первую очередь важно помнить, что за этими сновидениями стоит некий голод, который ум пытается удовлетворить. Постарайся правильно понять это послание: ты не такой, как тебе предназначено быть от природы; ты упускаешь в себе что-то чрезвычайно важное. Ты не достиг

уровня своей истинной сущности. Сны о Христе, Кришне или обо мне символичны. Они показывают, что ты пытаешься нашарить во тьме: кто ты есть? Кришна? Христос? Я? Но ты не являешься ни одним из этих людей.

Итак, помни: сон указывает на то, что у тебя есть некий голод. Это нужно помнить в первую очередь. Это очень важно, поскольку не всем людям снятся Кришна, Христос или я. Миллионам снятся деньги, миллионам снится власть, авторитет. Мужчинам снятся женщины, женщинам — мужчины. Рынок широк — можешь видеть сны о любых товарах. Кому-то снится, что он балотируется в президенты; кому-то снится, что он уже президент.

У Чжуан-цзы есть прекрасная история на эту тему. Причем он был из тех людей, которые не рассказывали истории, а отыгрывали их, как спектакль.

Чжуан-цзы — один из тех людей, какие редко встречаются на этой земле. Он был уникален во всех отношениях. Однажды утром, проснувшись, он сел у себя в постели и сидел очень грустный. Никто никогда не видел его грустным. Он был совсем не серьезный человек — постоянно смеялся. Несерьезный — это еще слабо сказано: он дурачился без остановки — подшучивал над собой, над своими знакомыми, над мастером, над учениками. В тот раз это тоже была шутка, но он сумел всех сбить с толку, так как его никогда прежде не видели грустным. Поэтому кто-то спросил:

— Почему ты такой грустный?

— Я в беде... но не думаю, что кто-то из вас сможет мне помочь, — так что и рассказывать незачем.

Это только разожгло любопытство присутствующих.

— Ну пожалуйста, ну расскажи! Кто знает: вдруг мы сумеем что-то сделать. Возможно, мы все вместе найдем выход из ситуации. Если есть проблема, должно быть и решение. Если есть вопрос, где-то должен быть ответ.

— Ну, если вы настаиваете, так и быть, расскажу. Хотя моя проблема не имеет решения. Это загадка без ответа, и я увяз в этой загадке... потому и грущу. Нынешней ночью мне снилось, что я — бабочка, порхающая с цветка на цветок. И я совсем забыл о том, что я — Чжуан-цзы, про-

славленный мастер. Я полностью превратился в бабочку, а от Чжуан-цзы не осталось и следа.

— В чем же затруднение? — удивились ученики. — Всем снятся сны. Мы не видим никакой загадки.

— Подождите, — возразил Чжуан-цзы, — я еще не досказал. Проблема возникла, когда я проснулся: возможно, на самом деле это бабочка заснула, и теперь ей снится, будто бы она — Чжуан-цзы. Может быть, я увяз в этом сне. Кто есть кто? Чжуан-цзы видел сон о том, что он — бабочка, или это бабочке снится, что она — Чжуан-цзы?

Все притихли... потом кто-то сказал:

— Возможно, ты прав, и мы действительно не можем тебе помочь. Тут никто не поможет.

Но он поднял чрезвычайно важный вопрос. И никто не смог на него ответить... это потому, что меня там не было! Этот вопрос дождался меня двадцать пять столетий. Все очень просто. Если бы там был я, то просто стукнул бы хорошенько этого Чжуан-цзы и разбудил бы его!

У бабочки не было никаких проблем: ее не волновало, что случилось с Чжуан-цзы. Она не беспокоилась о Чжуан-цзы — это Чжуан-цзы беспокоился. Бабочка была одна, но ты не один. Ты сидишь в своей кровати и раздумываешь о том, что истинно и что реально. Раздумываешь о том, кто ты: Чжуан-цзы или бабочка? Все это служит доказательством того, что ты — не сон, а реальность.

Бабочка была только сном. Видя сон, ты спишь — у тебя нет вопросов, нет проблем. Ты даже не думаешь о том, что видишь сон, — ты и есть сон, ты полностью отождествляешь себя с ним. А теперь ты не отождествляешь себя с происходящим. Ты совершенно определенно не можешь быть бабочкой, потому что бабочек не заботят такого рода философские вопросы. Озадачиваться, беспокоиться, задумываться — прерогатива человека.

Тебе снится Иисус, Кришна, Заратустра, Мухаммед — почему? Должно быть, в тебе есть некий голод, и ты чувствуешь, что его может утолить Иисус. Ведь именно об этом изо дня в день твердят христианам: Христос достиг такого уровня, до которого тебе еще далеко. Тебе тоже нужно как-то достичь. Но ты никогда не станешь вторым

Христом — Сущее не повторяется. История повторяется, ибо история принадлежит человеческому сборищу идиотов. Именно поэтому она движется по кругу — снова, и снова, и снова воспроизводя одни и те же глупости. Человечество не извлекает уроков. Но мироздание не повторяется никогда. Все, что оно производит, — уникально, все существует только в одном экземпляре, а больше и не нужно. Какой смысл повторяться? Тут вам не конвейер автомобильного завода, где каждую минуту выходит новая машина, в точности похожая на предыдущую, — и когда их выкатят за ворота завода, их не отличишь.

Природа не штампуется людей, вещи, птиц, цветы. У нее нет конвейера, нет шаблонов — она постоянно исследует новые измерения. Итак, вне всяких сомнений, ты испытываешь голод. Для тебя пища — Христос, для кого-то другого — Кришна. Но они представляют собой просто различные виды недомоганий.

Индуист привык к определенному рациону. Естественно, когда он проголодается, то видит во сне известное ему блюдо: нельзя видеть во сне то, чего ты не знаешь. Тебе когда-то снилось то, чего ты не знаешь? Это невозможно, потому что сновидение — это только повторение.

Сон — это не творчество. Да, он может представлять собой синтез, но никогда не творчество. Пойми разницу между этими двумя словами: *синтез* и *творчество*. Во сне ум может синтезировать что-то. Например, он может взять голову Иисуса и тело Кришны, чтобы синтезировать нечто похожее на них обоих. Именно этим занимаются всю жизнь такие люди, как Махатма Ганди. Он синтезировал — взял немного из Корана, немного из Библии, немного из Гиты, немного от Махавиры, немного от Будды — и попытался сделать то, что в Индии называют *кичри*. Самое близкое европейское слово — рагу, но рагу — это все равно не *кичри*.

Возьми ноги от одного человека, руки от другого, волосы от третьего, глаза от четвертого... и ты можешь сделать *кичри*. Ты можешь синтезировать человека, у которого будет всё: глаза, нос, уши, голова, ноги, — но он останется мертвым. При помощи синтеза нельзя создать жизнь, нельзя создать сознание. Сон может представлять собой

синтез. Тебе может присниться летающий конь — кони не летают, однако существуют другие летающие объекты: летающие тарелки, самолеты, птицы — и, зная о них всех, не так уж сложно синтезировать летающего коня.

Что сновидение для человека, то для общества — мифология.

Магометане говорят, что Мухаммед не умер. Но тогда возникает вопрос: куда он делся? Сейчас у него миллионы и миллионы последователей — шестьсот миллионов — самое время показаться! Где он прячется, что делает? Нет, магометане просто видят такой сон. Сон, разделяемый многими народами, коллективный сон — но и это синтез.

Мухаммед ездил на прекрасном коне; а арабские кони знамениты во всем мире. Иисус рядом с ним выглядел бы оборванцем — ведь он ездил на ослике. И хорошо, что христиане не создали такой же миф, как магометане: дескать, Мухаммед не умер, а просто однажды улетел прямо на лошади к Богу. Лошадь тоже вместе с ним отправилась прямо на небеса! Лошади Мухаммеда повезло больше, чем любому простому магометанину!

И я говорю: хорошо, что христианам не снится такой же сон, иначе Иисус вознесся бы вместе с осликом. А зачем на небесах все эти лошади и ослы?.. Ведь ослов там и так набралось полным-полно за века. Все ваши святые и ваши мудрецы — кто они?

Итак, это мифология. Пророки умирают, но магометане решили своего Мухаммеда как-то выделиться: он не умер, он жив. Все другие пророки возносились на небеса лишь после смерти, один только Мухаммед поднялся туда при жизни. Причем не только он сам, а вместе с лошадей. Понятно, что лошадь была летающая.

Поэтому в священные дни *мухаррама* магометане изготавливают лошадей с крылышками. Вообще-то у лошадей крыльев не бывает, но одна себе отрастила. Магометане не делают изображений Мухаммеда, потому что он сам был против всяческих изображений. Поэтому они просто делают из бумаги крылатых коней, а ты уже можешь вообразить Мухаммеда верхом на такой лошадке. У тебя есть только бумажная лошадка, а Мухаммеда верхом на

ней нужно додумать — и некоторые магометане действительно его видят.

В моем родном городке жило много магометан. А когда я был маленький, было не то, что сейчас, — магометане и индуисты тогда еще не убивали друг друга... А все началось из-за одного человека, о котором я вам уже рассказывал, — его звали Мирза Аллама Икбал. Он был великим поэтом — в этом нет никакого сомнения. Я упоминал Икбала в связи с его стихотворением: «Моя страна — лучшая на свете» (*«Индостан хамара саре джехан се аччха»*).

Он называет Индию Индостаном, но позже у этого же человека родилась мысль о создании Пакистана. Именно ему принадлежит идея о том, что индуисты и магометане должны разделиться, что они не могут жить вместе, поскольку у них разная культура, разная религия, разный язык — в общем, им нужно жить не вместе, а порознь. Все над ним смеялись: казалось, что это донкихотство какое-то, совершенно нелепая идея, ведь магометане и индуисты жили бок о бок столетиями и никаких проблем не возникало.

Но вскоре идею Илламы Икбала подхватил видный политик Мухаммед Али Джинна. В течение тридцати лет он неустанно твердил: «Нам нужен Пакистан. Мы не можем жить вместе с индуистами», — и он создал Пакистан. Индия была поделена надвое — та самая Индия (Индостан), которая «лучшая на свете». Этот же человек создал идею и философию построения Пакистана. Слово Пакистан означает «священная земля». Естественно, ему нужно было создать что-то получше, чем Индостан. В конце концов, Индостан был самой обычной страной, а Пакистан стал *священной землей*. И миллионы индуистов и магометан пошли на мясо: убиты, погублены. Но в моем детстве все было не так. Индуисты без всяких проблем ходили поклоняться магометанским святым. И магометане без сомнений обращались к индуистским святым за советом.

Во время *мухаррама* — ежегодного мусульманского праздника — магометане делали эти маленькие поделки в память о событиях четырнадцативековой давности. Изображения самого Мухаммеда делать не дозволено. Мы не знаем, как он выглядит. У нас есть какое-то представле-

ние об Иисусе — возможно, не очень точное, потому что фотографию тогда еще не изобрели. Возможно, это скорее идеальный образ, чем реальный, художники старались нарисовать покрасивее — чтобы изображение соответствовало их представлению о том, как должен выглядеть пророк. А действительно ли в этом человеке с первого взгляда узнавался пророк — большой вопрос.

Я знаю об иудейских источниках, где сказано, что Иисус был всего метр тридцать три сантиметра ростом. Более того, Он был весьма уродлив лицом. И к тому же горбат. Возможно, это все клевета, а может быть, есть тут и доля правды. Возможно, оба образа — лишь плоды воображения: вот так его видели друзья, а так — враги. И истину за ними уже не разглядеть.

Я совершенно уверен, что Будда никогда не выглядел так, как его статуи, — эти статуи сделаны через пять столетий после него, когда он уже пятьсот лет был мертв. И вот по прошествии этих пяти столетий Александр Македонский пришел в Индию. Изображения Будды больше похожи на Александра Македонского, чем на самого Будду. У него лицо греческого типа: греческий нос, греческий разрез глаз. Будда на статуях не похож на индийца.

Когда индийские скульпторы увидели Александра, они подумали, что из него получилась бы хорошая модель. Александр был очень красив. С него вполне можно было лепить Будду. И кто мог бы доказать, что Будда выглядел иначе?

Если ты посетишь буддистские монастыри и храмы в Китае, то увидишь, что Будда там выглядит иначе, чем в Индии, ибо у китайцев свои собственные представления о красоте. Возможно, тебе этот образ не понравится, но это уже твои проблемы — главное, чтобы *им* нравился. Например, нос не должен быть таким длинным и острокопечным, он должен быть приплюснутым. Никому в мире не нравятся плоские носы, но что делать? У китайцев носы приплюснутые, и при этом они составляют четверть населения земли: каждый четвертый человек — китаец.

Я слышал историю о человеке, у которого было три сына. И тогда он сказал жене:

— Достаточно! На этом остановимся.

— Но почему? — спросила жена.

— Потому что четвертый будет китайцем. Я читал об этом: каждый четвертый человек на Земле — китаец. Я прочел это в очень надежном источнике. Не хочу больше детей. Трех вполне достаточно. Нам не нужен китаец в доме.

А в Японии вы увидите третьего Будду. Если вы поставите рядом японского Будду и индийского, то не поверите, что эти статуи изображают одного и того же человека. Как ни напрягай воображение, невозможно представить себе, что это один и тот же человек. У индийского Будды живот втянут, а грудь выпячена. У японского наоборот: грудь просела, а живот слишком сильно выдается вперед.

И никто из индийцев не признает, что это красиво. Александр был сложен атлетически — сильный, тренированный. А атлеты всегда стремились к тому, чтобы живот был подтянут, а грудь выдавалась вперед — как у льва. А этот японский Будда похож на самого обычного пузатого обывателя — просто посмешище какое-то. И голова у него тоже японская, и лицо японское.

Несколько дней назад Шила принесла мне фотографию. Ее прислал один санньясин из Калифорнии. В этом смысле Калифорния тоже близка с Орегоном... У этого санньясина выросла шишка на лбу. Должно быть, какая-то опухоль, возможно, рак. Но людям нравится. Даже если у тебя рак, кто-нибудь скажет: «Это не рак, это признак просветленности», — и тебя переполнит радость. Похожее образование есть у Рамдаса. Вот Рамдас и распустил по всей Америке слух, что при достижении просветления, когда человек становится Буддой, у него вырастает на лбу такая же шишка. И еще он нашел где-то фотографию статуи Будды с похожей шишкой на лбу — и теперь распространяет ее.

Я никогда не видел статую Будды с шишкой на лбу. Только на этой фотографии. В действительности никому точно не известно, кого изображает статуя. О том, что это Будда, мы знаем только со слов Рамдаса. Но он ничуть не похож на Будду — ни на индийского, ни на японского, ни

на китайского, ни на тибетского, а ведь все эти страны издавна исповедуют буддизм. Но ни у кого из них нет статуй Будды с шишкой на лбу.

Так что либо это фотомонтаж, либо кто-то сделал алебастровую статую Гаутамы Будды с шишкой. Потом эту статую сфотографировали, и вот теперь Рамдас показывает этот снимок людям, говоря: «Вот, посмотрите, у Будды тоже такое было». Калифорнийцы поверят во что угодно. Это самая верующая земля в мире: все святые родом из Калифорнии.

И вот этот санньясин присылает мне фотографию статуи и спрашивает: «Ошо, означает ли это, что я обрел просветление?.. Рамдас говорит, что да». Эти фотографии распространяет сам Рамдас. У санньясина такая же шишка. Он прислал также собственные фотографии с разных ракурсов, чтобы мы могли отчетливо разглядеть его шишку: сверху, с одной стороны, с другой стороны — чтобы у нас не возникло никаких сомнений по поводу шишки. И он вне себя от радости.

Я попросил Шилу передать бедняге, чтобы он обследовался у врача. Не дай Бог, если это рак. Поспеши и не позволяй таким людям, как Рамдас, дурачить тебя. А если можешь, отведи и Рамдаса к врачу... Лично я и самого Будду отвел бы в клинику, если бы встретил. Такую шишку нужно удалять — пусть даже ценой просветления. Если просветление исчезнет — и бог с ним, но от рака нужно избавиться в любом случае. Просветление еще может вернуться. Но дураки есть дураки. Наверняка санньясина мой ответ обидит. Ему хотелось бы услышать: «Да, ты обрел просветление!» До чего же странный мир! Люди здесь хотят лишь сладкой лжи. Никто не готов выслушать правду.

Итак, о лице Иисуса у нас есть хоть какое-то представление. То же самое касается и лица Будды. Но о лице Мухаммеда мы не знаем ничего, потому что в течение пятнадцати столетий магометане последовательно уничтожают любые намеки на то, как мог выглядеть пророк.

Один мой друг, индуистский святой, построил храм всех религий. Это работа всей его жизни. Храм у него получился прекрасный — очень сложно было собрать так много денег. Все сделано из чистого мрамора, и внутри

стоят статуи всех религиозных авторитетов... Он совсем забыл, что статую Мухаммеда делать нельзя. Мой друг полагал, что продумал все.

Были сделаны статуи Будды, Махавиры, Лао-цзы, Иисуса, Моисея, Заратустры. Тут не было никаких проблем. Пусть у нас нет их фотографий, но хоть какие-то описания сохранились. Нужен только талантливый скульптор с достаточно живым воображением, чтобы представить себе облик этих людей. Если у художника действительно есть воображение и талант, он сумеет воссоздать образ почти с фотографической точностью. Художник есть при каждом крупном полицейском отделении: ты можешь описать ему лицо вора, которого мельком видел в полумраке ночной улицы. Ты и сам-то помнишь его весьма смутно, но все же кое-как описать можешь — а художник на основании твоего описания воссоздает образ преступника и рисует его. Я видел такие рисунки, и, когда впоследствии воры были пойманы, они оказались настолько похожи на свои изображения, что я просто поразились интуиции художника: он сумел нарисовать достаточно точный образ на основании весьма расплывчатого описания.

Даже свидетель не был уверен, носил ли преступник усы, потому что ночью, в стрессовой ситуации — на тебя направлен ствол, а сейф твой взломан, — кто станет обращать внимание на усы? Длинные ли они? Широкие? Возможно, как у Гитлера?.. Ты не в том положении, чтобы разглядывать, какого цвета у него глаза, тем более в полутьме... Но ты даешь хоть какое-то описание — все, что приходит в голову, а художник уже додумывает остальное. И мне приходилось наблюдать потрясающие результаты. Каким-то образом художнику удавалось создать точный портрет, его публиковали в газете — и вора ловили.

Так что возможность существует... А строитель храма всех религий был очень влиятельным человеком. И он сумел найти художника, который согласился сделать статую Мухаммеда, — но он не осознавал, какие проблемы на себя накликает. Его храм сожгли и разрушили, а статуи разбили — поскольку он совершил самое огромное святотатство с точки зрения магометан. Работа всей его жизни

была уничтожена за считанные часы. От храма не осталось камня на камне.

Я видел построенный храм, и я приходил на это место уже после того, как его уничтожили. Там были одни руины: статуи разбиты, колонны обрушены, крыша сожжена. Создателю храма удалось сбежать, иначе его наверняка убили бы, потому что создавать образ Мухаммеда — одно из самых страшных преступлений против магометанства.

Но человек есть человек, и ему нужны хоть какие-то заменители зримого образа. Поэтому, когда магометане видят во сне коня с распростертыми крыльями, они видят и какого-то всадника на нем — просто никому не признаются в этом. Это опасно. Магометане знают лишь одно наказание: голову с плеч. Для них кого-нибудь обезглавить — раз плюнуть.

Ты испытываешь голод — твои сны указывают на существование этого голода, но не могут утолить его. Они — лишь индикаторы. Обрати внимание на индикацию, а затем начни избавляться от снов — их задача выполнена. Не следуй за сном. Не пытайся стать Христом, Буддой или Заратустрой — нет. Не в этом смысл сна. Если ты попытаешься стать Иисусом или Буддой, самое неприятное в том, что у тебя может получиться! Если ты потерпишь неудачу, не страшно — причем скорее всего тебя ждет именно неудача. Достаточно убедительным доказательством тщетности таких усилий служит тот факт, что за две тысячи лет никто пока еще не сумел стать новым Христом. Но это не означает, что никто не пытался.

Миллионы людей пытались стать чьими-то копиями, но, к счастью, у них ничего не вышло. Однако, к сожалению, у тебя есть возможность добиться успеха на этом поприще. Для этого нужно сойти с ума. Только и всего: если ты веришь, что ты Христос, это означает, что ты сошел с ума. Твой сон овладел тобой настолько сильно, что перестал быть сном — он превратился для тебя в реальность.

Сойти с ума означает уйти от себя предельно далеко. С моей точки зрения, именно в этом смысл слова «безумие». Здоровый рассудок означает приближение к себе — все ближе и ближе. Наступает день, когда ты ока-

зывается в самом центре своего существа — и тогда ты самый психически здоровый человек на свете. Ты — это ты и никто другой — чистый, подлинный, и на тебя не падает даже тень от кого-то другого.

Пребывать в центре своего существа означает психическое здоровье; а удаление от себя — безумие. Итак, если ты становишься Христом, значит, ты предельно удалился от самого себя. То же самое, если ты стал Буддой, или стал мною, — ты предельно удалился от себя. Это может приносить огромное удовлетворение — безумцы не бывают разочарованы, безумцы не совершают самоубийств. Ты когда-нибудь слышал о таких случаях? Безумец никогда не бывает несчастен. Нет, ведь его сон воплотился в реальность. Более счастливого человека и представить себе нельзя.

У отца Нарендры — одного из моих санньясинов — бывают две фазы: в течение шести месяцев он в своем уме, а потом на шесть месяцев сходит с ума. Вот такие фиксированные периоды. Его семья, врачи и весь город с изумлением отмечали, что в периоды безумия он был счастливейшим человеком — и совершенно здоровым физически. А в периоды, когда безумие проходило, он становился глубоко несчастен и постоянно страдал от разных болячек. Все ему было не по нраву, он постоянно жаловался и ворчал. Родные все время молились о том, чтобы он оставался безумным весь год, — это стало бы величайшим благословением для него самого и для всей семьи.

Но у него была устойчивая периодичность: шесть месяцев. Пока он был безумен, в семье царили лад и покой, потому что он никого не донимал и сам вовсе наслаждался жизнью. Я и сам наблюдал его проделки... Нарендра был совсем еще ребенком, но когда у его папы были приступы безумия, даже самые младшие члены семьи присматривали за магазином.

У них был ювелирный магазин, полный разных драгоценностей: золото, серебро, бриллианты. И в периоды безумия отец воровал драгоценности. Воровал из собственного магазина! А Нарендра был еще совсем мал, но и он частенько присматривал за магазином и в случае чего

звал маму: «Мама! Беги скорее сюда, Кака открыл сейф!» Мать тут же прибежала на зов, а вместе с ней и все остальные дети. В той семье было много детей, думаю, не меньше дюжины, — и все они сбегались на шум. И все — даже самые маленькие — постоянно шпионили за отцом.

Он шел на базар, и вслед за ним младший из детишек — пятилетка. Встречая их, я спрашивал у малыша:

— Куда идешь?

— За Какой. Он везде берет вещи в долг, а нам приходится платить.

Он мог зайти в магазин сладостей и наесться до отвала, да еще и приглашал всех прохожих присоединиться:

— Угощайтесь!

А малыш пытался урезонить отца:

— Кака, пойдем домой, а не то мне придется позвать маму.

Единственный человек, кого он боялся даже в своем безумии, — это жена. И это служит для меня подтверждением еще одной истины: даже безумие не может изменить взаимоотношений между мужем и женой... Он раздавал свои вещи всем подряд. Нужно было за ним присматривать — чем и занимались все его детишки. Больше некому было о нем позаботиться — только жена и дюжина детей. Он был счастлив в эти шесть месяцев и радовал весь город, ведь рядом с ним было приятно находиться — всегда веселый, смеющийся, щедрый. Он наращивал жирок, набирался сил и здоровья. А по прошествии шести месяцев этот человек вдруг становился болезненным и слабым. Он все время сидел в своем магазине — теперь за ним уже не было нужды приглядывать — и чувствовал себя очень несчастным.

Безумцы не бывают несчастными. Так что, если ты несчастен, радуйся! По меньшей мере ты не безумен. У тебя осталось хоть немного здравого рассудка — отсюда и страдания. Что такое несчастье? Несчастье — это ощущение, что ты — не ты. Есть расхождение между тем, какой ты есть, и собственным представлением о том, каким ты должен быть. Это расхождение и есть твое несчастье, твое страдание. Чем больше расхождение, тем больше ты стра-

даешь. Идиоты не бывают несчастными по одной простой причине: им не хватает ума, чтобы увидеть это расхождение.

Самые умные из людей наиболее несчастны, потому что они видят расхождение настолько отчетливо, что просто не могут забыть его, не могут от него отвернуться. Оно всегда здесь. Чем бы они ни занимались, это расхождение прямо у них перед глазами, и оно причиняет боль: «Почему я не могу просто быть собой?»

Именно поэтому я говорю: горе тому, кто сумел стать Христом, или Кришной, или мною, ибо это означает, что ты больше не принадлежишь к миру психически здоровых людей, ты совсем сошел с ума. Теперь ты не в состоянии отличать сон от реальности — а утрата способности различать их — это огромная утрата: это духовное самоубийство.

Я бы сказал Чжуан-цзы:

— Тут нет никакой проблемы, ну-ка вставай с постели!

Затем я позвал бы его учеников и велел бы окатить учителя ледяной водой, чтобы он понял, что не является бабочкой. И я уверен, что они не успели бы облить его — едва завидев ведра, он вскочил бы с кровати и воскликнул:

— Пойдите! Я — Чжуан-цзы. Я просто пошутил.

Лишь Чжуан-цзы способен видеть разницу между реальным и нереальным. Бабочка ее не видит: бабочка — всего лишь сон.

Сновидение не обладает собственным разумом. Сновидение — всего лишь окружающее тебя облако, и ты отождествляешь себя с ним лишь потому, что спишь. В бодрствующем состоянии происходит то же самое; ты не до конца пробужден — именно поэтому идентифицируешь себя со столь многими вещами. Ты становишься индивидуумом — это самоидентификация. Ты становишься христианином или иудеем — это тоже самоидентификации, и их наличие свидетельствует о том, что ты не бодрствуешь. Твое бодрствование — только слово. Это очень тонкий слой пробужденности, его может разрушить все что угодно — и ты тотчас же снова соскользнешь в сон. Рядом проходит

красивая женщина, и ты засыпаешь. Ты погружаешься в грезы о том, как бы заполучить ее, как овладеть ею. Ты совершенно забываешь о том, что жизнь — не сон.

В одном из романов Достоевского, «Преступление и наказание», описан такой случай:

Главный герой этого романа — Раскольников, студент университета. Он обитает в маленькой меблированной комнатухе. А напротив в роскошном доме живет старуха лет восьмидесяти пяти или девяноста.

В России это не редкость. В России можно найти людей и ста пятидесяти лет от роду и старше — даже ста восьмидесяти, — и они до сих пор работают. И их не один-два, а тысячи, особенно на Кавказе, откуда родом Гурджиев. Человеку сто пятьдесят, сто шестьдесят, сто семьдесят, а он до сих пор трудится в поле наравне с молодыми.

Раскольников, обладающий философским складом ума, день за днем наблюдает за этой старухой из окна. Она очень богата — ей принадлежит почти половина домов в городе. Близких у нее нет, живет одна в этом огромном дворце. Она до того жадная, что даже слугу себе не наняла. Весь ее бизнес состоит в том, что она дает людям деньги в долг под высокие проценты.

Раскольников сидит в своей комнатухе и наблюдает, как люди несут старухе ценности, — она не дает деньги, если не оставить что-то в залог. Он наблюдает, как бедняки несут ей вещи и получают взамен деньги под процент. Они прекрасно знают — и Раскольников знает, — что им не удастся выплатить даже проценты, не говоря уже о самом долге! А что они оставляют в залог? Кто-то часы, кто-то драгоценности — и нередко это дорогие сердцу вещи. А процентщица имеет обыкновение давать только половину настоящей стоимости заложенной вещи:

Ежедневно наблюдая весь этот обман, Раскольников все больше переполняется гневом. И он задается мыслью: «За чем живет эта старуха? Ей незачем жить. Она уже прожила достаточно долго и обобрала тысячи людей. Почему никто ее не убьет?» И он начинает думать, что убийство такой старухи — не преступление. Отсюда и название книги: «Преступление и наказание». Он предается этим фило-

софским размышлениям месяц за месяцем, год за годом — ведь он живет напротив и постоянно все видит, — и постепенно в его голове вызревает мысль: «Никто не собирается ее убивать. Так что это придется сделать мне».

Однажды он решает: «Хватит. Не могу больше терпеть». К тому же у него возник и повод пойти к ней, потому что Раскольникову нужно заплатить за последний год обучения, а денег нет. Итак, однажды вечером он берет свои часы и дожидается момента, когда начинает темнеть и у старухи не остается посетителей.

Старуха такая скупая, что даже свечи не зажигает. Когда становится темно, она просто запирает дверь изнутри и затихает на всю ночь. Поэтому Раскольникову нужно попасть к ней до этого. Как раз в тот момент, когда процентщица спускается по ступенькам, чтобы запереть дверь, Раскольников входит к ней и говорит:

— Я оказался в затруднительном положении. Вы меня знаете — я живу в доме напротив. Я готов заложить часы, но деньги нужны мне немедленно. Завтра утром мне нужно заполнить бумаги и заплатить за обучение. Если я не успею этого сделать, то все годы учебы прошли впустую.

— Ладно, ступай за мной, — говорит старуха.

Он идет вслед за процентщицей, намереваясь убить ее. Он представлял себе этот момент много раз, полагая, что это будет совсем просто, ведь она так стара: достаточно сдавить горло — и ей конец. Он воображал себе эту сцену, она снилась ему, всплывала в его философских размышлениях: «Это не преступление, не грех. На самом деле ты просто помешаешь злодейке совершить еще множество преступлений против целого города. Ты — спаситель! Бог не может превратно понять твои действия. Разобравшись в ситуации, Он даже поблагодарит тебя». Раскольников убедил себя, что убийство этой старухи — не преступление. Все равно ей жить недолго осталось. Зачем позволять ей и дальше эксплуатировать людей?

Итак, он протягивает ей часы. На улице темнеет, так что процентщица подходит к окну, чтобы разглядеть вещь и определить ее стоимость, — ведь свечи она не зажигает. По воле случая в этот самый миг у нее случается сердечный приступ и она падает замертво. Но поскольку Рас-

кольников так много раз представлял себе убийство — так часто видел его во снах, — теперь он уверен, что это его рук дело.

Он сбегает, возвращается в свою комнату, но его преследует мысль: «Скоро за мной явится полиция. Не годится оставаться здесь». Он отправляется в самый дальний конец города, к своему другу. Друг замечает неладное:

— Почему ты такой нервный? Что произошло?

— Ничего, — отвечает Раскольников, — я ничего не сделал. Зря ты меня подозреваешь.

— Я не подозреваю. И не говорю, что ты что-то сделал.

— Да, не говоришь, но по глазам видно, что думаешь, — не унимается Раскольников. — Или, по-твоему, я настолько глуп, что не могу догадаться, что у тебя на уме? Думаешь, я убийца?

— Ты просто с ума сошел! Какой же ты убийца?

Раскольникову в ту ночь не спалось. Он снова и снова просыпался ночью и говорил другу:

— Ты слышал? Там был полицейский свисток.

— Нет там никого, никакой полиции, — успокаивал его друг. — Да и зачем они станут являться сюда и свистеть в свисток?

— Ну да, наверное, мне приснилось... — соглашается Раскольников и тут же снова настораживается. — Ты слышал стук? Я слышал у дома топот полицейских сапог.

— Откуда у тебя такая одержимость полицией? — спросил друг.

— У кого одержимость? У меня?! Сам ты одержим, — возмутился Раскольников. — Это ведь твой дом, а не мой. И вообще, я ни в чем не виноват. В конце концов, человек может просто умереть, и совсем не обязательно, что его кто-то убил.

К утру он едва не довел своего друга до безумия и под конец уже сам стал умолять его:

— Отведи меня в полицию. Все равно они тут повсюду, того и гляди поймают меня. Должно быть, они уже нашли ту убитую старуху — задушенную. И наверняка они обнаружили в ее руке мои часы, и это послужит достаточным доказательством моей вины, иначе как случилось, что она

умерла с этими часами в руке? И кто-то мог меня видеть, когда я входил в дом или выходил. Так что нет смысла... лучше самому явиться с повинной.

И вот он отправляется в полицейский участок и пытается убедить полицию в собственной виновности. А полицейский ему говорит:

— Вы просто с ума сошли. Та женщина умерла от сердечного приступа — у нас есть заключение врача.

— В чем вы пытаетесь меня убедить? — спорит Раскольников. — Я убийца. И я пришел к вам с повинной.

В этом главная идея «Преступления и наказания»: в человеке созревает чувство вины и он ищет себе наказание. Теперь уже он не может разобраться: был ли этот сон, который он видел так много раз, всего лишь сном или же все произошло в реальности. Он ничего не сделал, но упорно продолжает донимать полицию. Затем идет к врачу:

— Ваше заключение ошибочно. Я точно знаю, что убил ее. И часы — тому доказательство.

— Часы ничего не доказывают, — настаивает доктор. — Мы обследовали труп очень внимательно. Она умерла от сердечного приступа.

Но этому человеку требуется наказание. В конце концов полиция решает посадить молодого человека, лишь бы он отвязался. А что еще делать? Оказавшись в тюрьме, Раскольников испытал облегчение.

Это безумие, когда сон превращается в реальность и ты уже не можешь различать их. Между тем есть миллионы людей, которые ходят, разговаривают, но при этом не могут отличить реальное от нереального. Сколько у тебя предрассудков? Что есть Бог, если не предрассудок? Это даже не твой сон — ты идентифицировал себя с чужим сном. Возможно, Бог снился Иисусу, и он достаточно пострадал за свой сон. Но ты-то зачем себя мучаешь?

Однако есть люди...

Я слышал о человеке, который считал, что он — воскресший Иисус Христос. Родные увещевали его:

— Не говори никому такого — тебя сочтут сумасшедшим.

— Пусть думают, что хотят, но я тот, кто я есть. И люди все равно узнают меня, независимо от того, признаюсь я им или нет. Так что лучше я сам им расскажу. И в этом нет никакого позора — это честь. Вам бы радоваться нужно, что я — Иисус Христос.

Его отвели к психиатру.

— Этот бедняга вообразил, что он — Иисус Христос. Помогите, доктор, — сказали родные.

Психиатр перепробовал все известные ему методы. Ничто не подействовало. Да и как что-то может подействовать на Божьего мессию? Этот психиатр — всего лишь скромный лекарь, что он может? Разве он в силах перепрограммировать самого Иисуса Христа? никоим образом! Иначе его и распинать бы не пришлось, перепрограммировали бы — и все. Отвели бы его на выходные к программисту, и с Иисусом Христом покончено — нет больше Мессии, нет Сына Божьего. Парень вернулся бы на землю, осознал бы, что он — сын Иосифа, а не Духа Святого, вспомнил бы, что он — плотник и пора вернуться к работе. Чем он тут занимается? Не пристало ему читать Нагорные проповеди. Ему нужно поскорее идти в мастерскую к отцу, где тот трудится над мебелью: «Строгай доски. Занимайся своим делом. Помогай старику. Что ты делаешь здесь?» Нужно всего лишь перепрограммирование — но таких людей, как Иисус Христос, перепрограммировать очень и очень сложно.

А наш герой, хотя и не был Христом, но верил, что является им. Наконец психиатр подвел его к зеркалу и сказал:

— Посмотри на себя. Разве ты похож на Иисуса Христа?

— Конечно, похож, — ответил тот, посмотрев на свое отражение. — А кто, по-твоему, похож? Ты, что ли? Идиот! Это же очевидно. Зеркало не лжет.

Тогда психиатр решил использовать последнее средство. Он взял нож и порезал «Иисусу» палец. Пошла кровь. Врач сказал:

— Со времен Распятия прошло две тысячи лет, и все это время об Иисусе Христе не было никаких известий. Наверняка Он давно уже умер — это простая арифметика. Не мог же Он прожить две тысячи лет. Никто столько не

живет. Так что ты можешь быть только *трупом* Иисуса Христа. Трупы не кровоточат, а у тебя идет кровь. Это доказывает, что ты жив.

Так называемый Христос только рассмеялся и сказал:

— Это доказывает лишь то, что трупы кровоточат, а ты с самого начала просто не слушал меня: я — *воскресший* Иисус Христос. Я победил смерть еще две тысячи лет назад.

Нельзя убедить сумасшедшего, просто порезав ему палец и заявив, что у мертвецов не течет кровь. У безумцев своя логика. Он скажет: «А ты докажи, что у мертвых не может течь кровь». Спорить с сумасшедшим бесполезно. Есть ли смысл спорить с христианином? С человеком, заново родившимся во Христе? Есть смысл спорить со свидетелем Иеговы? Бесполезно. Есть смысл спорить с кришнаитами? Я пытался спорить со всеми этими людьми. Бесполезно.

Начнем с того, что они не слушают, что ты там говоришь. Они высказывают то, что хотят высказать сами, а твои слова просто пропускают мимо ушей — они в это время вспоминают цитаты из Библии. Ты видишь, как их глаза затягиваются поволокой. Ты осознаешь, что их уши закрыты. Ты чувствуешь, что человек спит — он не бодрствует. Все эти религиозные люди спят и видят во сне тысячу и одну вещь. Их сны навеяны писаниями.

Я здесь не для того, чтобы дать тебе сон, — наоборот. Я здесь для того, чтобы разрушить все твои грезы. Даже если ты встретишь меня во сне, немедленно отруби мне голову — без колебаний. И не спрашивай, откуда взять меч. Если ты откуда-то раздобудешь в своем сне меня, тогда и меч возьми из того же места. Если тебе приснился я, тогда пусть приснится и меч.

Был такой случай...

Человек искал работу. Кто-то сказал ему, что есть место на корабле, который вот-вот должен покинуть порт. Он поспешил к капитану. Капитан спросил:

— Если дует ураганный ветер, судно попало в сильное течение и ты чувствуешь, что теряешь управление кораблем, что ты будешь делать?

— Брошу якорь, — ответил тот.

— Правильно, — одобрил капитан. — А если волнение усилится и ветер окрепнет, что тогда?

— Нужно бросить второй якорь.

— А если дела стали совсем плохи и кажется, что судно уже почти наверняка не спасти. Волны перехлестывают через борт, и ветер дует как бешеный. Что ты будешь делать?

— Брошу еще более тяжелый якорь, — ответил человек.

— Но откуда ты возьмешь столько якорей? — спросил капитан.

— Оттуда же, откуда вы берете волны и ветер... *оттуда же*.

Так что запомни: никогда не спрашивай у меня, откуда взять меч, — *оттуда же*. Ты прекрасно понимаешь, что, если ты создал меня, тебе нетрудно будет и меч найти, чтобы отрубить мне голову. И не нужно особенно задумываться о том, может ли идти кровь у мертвеца, — у меня кровь идти будет! Но это всего лишь сон. Меч, я, кровь — все это сон. Когда ты проснешься утром, твои простыни не будут залиты кровью и на полу не будет валяться труп. Не переживай! Просто умой лицо холодной водой — и все будет в порядке.

Сны показательны. Твое сокровенное «я» подсказывает тебе, что ты пока еще не стал тем, кем тебе предназначено быть, — твоя судьба не исполнена, твоя сущность все еще испытывает жажду. Но только этим и ограничивается смысл сна. Сон не говорит: «Давай воспроизведи меня. Стань Христом, стань Буддой, стань Кришной». Нет — это означало бы идти против себя.

Просто будь собой, всецело будь собой. И не беспокойся о том, каким цветком ты оказался. Роза, или лотос, или календула — не важно. Важно только расцвести.

Позволь повторить: вид цветка не имеет значения, имеет значение лишь цветение — а цветение одинаково и у календулы... Нютонок — невзрачный цветок. Не знаю, как здесь, а в Индии он самый невзрачный из цветков. Наверное, англичане дали ему такое золотое название — *mari-gold* — просто в утешение, ведь на самом деле этот

цветок выглядит просто нищенски. Розы — богачи, лотосы — сверхбогачи! Но все это не имеет значения.

Когда календула распускается, ее окружает тот же экстаз, что и распутившуюся розу. Экстаз не различается, ведь экстаз происходит не от цвета, не от аромата, не от размера. Нет — экстаз идет от самого этого явления, от чуда цветения, чуда раскрытия. Календула становится календулой — в этом ее судьба. Роза становится розой — в этом ее судьба. Обе реализуют себя. И их реализация совершенно одинакова.

В тот момент когда ты становишься собой, ты уже больше не можешь быть мной, не можешь быть Христом, не можешь быть Кришной. Ты — это ты. Но тебя будет окружать тот же экстаз, что окружает меня. Я не могу сказать наверняка по поводу Иисуса, я уверен лишь по поводу себя самого. Я не знаю, был ли Он действительно реализованным человеком или только безумцем. У меня нет способа определить это. Я не могу точно сказать и относительно Будды — возможно, он был пробужденным, а может быть, просто великим философом, рассуждавшим о пробуждении, великим сновидцем, которому приснилось пробуждение.

Снилось ли тебе когда-нибудь, что ты проснулся? Думаю, каждому человеку иногда снится, что он проснулся, и лишь после настоящего пробуждения он выясняет: «Господи, да ведь это тоже был только сон! А я-то думал, что уже проснулся». Ты можешь видеть сон о сне во сне... Например, тебе снится, что ты идешь в свою спальню. Входишь в спальню — во сне — ложишься на кровать, укрываешься одеялом, засыпаешь — и тебе снится, что ты пошел в кинотеатр. Там ты смотришь фильм о человеке, который спит и видит сон, — и так до бесконечности. Эту идею можно развивать как угодно: сон во сне о сне во сне — вариантов масса.

Тебе может сниться, что ты бодрствуешь, — и существует много людей, которые думают, что обрели просветление. Они *думают!* Мне встречались такие люди.

Когда я жил в Райпуре, ко мне заходил один человек. Это был прославленный индуистский мудрец, Джагатгуру

Крипалудасджи Махарадж. *Джагатгуру* означает учитель всего мира; *Крипалудас* — служитель сострадания; *Махарадж* — царь! У него было много последователей. В Райпуре это был очень известный учитель — люди считали его просветленным.

— Кто-то мне сказал:

— Крипалудас приезжает в город. Хочешь сходить на встречу?

— Конечно! — ответил я. — Я никогда не упущу такую возможность.

Я подошел к самой сцене, вплотную к Крипалудасу, и показал ему жестом, что хочу кое-что сказать на ухо. Он склонил ко мне голову, и я шепнул:

— Я думаю, что вы просветленный.

— Правда? — спросил он.

— Правда.

Вот и все. Крипалудас расспросил обо мне и на следующий день пришел ко мне в дом. Он спросил:

— Как вы определили?.. Видите ли, я тоже думаю, что я просветленный.

— Это проще простого, — ответил я, — вы выглядите просветленным.

— Совершенно верно, — кивнул он. — Многие люди говорят мне то же самое: «Вы выглядите просветленным».

— Бросьте, — сказал я, — у просветления нет определенного внешнего вида. И вы не просветленный, иначе не пришли бы ко мне. Зачем? Просто из-за того, что я вам сказал: «Я думаю, что вы просветленный». Я просто подкрепил ваш сон. Вы спите и видите сон — ибо вы сами только что сказали: «Я думаю, что я просветленный». Никто из просветленных не думает, что он просветленный, — человек просто просветленный, и все. Какое отношение имеют ваши мысли к просветлению? Мысли лишь будоражат воображение. Мышление — часть процесса воображения.

Мышление — это грезы в словах, а сны и грезы — это мышление в картинках. Вот и вся разница между ними.

Сны и грезы — первобытная разновидность мышления. Поскольку первобытный человек не знает слов, он мыслит картинками. То же самое делает и ребенок, потому что

ребенок — это первобытный человек. Загляни в детскую книжку: большие картинки, яркие притягательные цвета и минимум слов. Большое манго — это ребенок понимает сразу. И поскольку он знает настоящее манго — знает его вид, вкус и запах, — то и изображение этого плода на картинке сразу же напоминает ему вкус и запах. А через эти ассоциации в его сознание постепенно входит и слово: «манго».

Затем, в книгах для старших детей, изображение манго становится все более мелким, зато вокруг него появляется все больше слов, описывающих этот фрукт: к какому типу относится растение, каков его вкус, где оно произрастает. А манго между тем тает — становится все меньше и меньше. И вот наступает момент, когда в книгах уже нет картинок. Ты научился новому способу грезить: посредством слов. Однако переход от манго к слову «манго» — это огромный скачок.

Но когда ты пребываешь в бессознательном состоянии, когда крепко спишь, ты опять возвращаешься к своему первобытному языку. Тогда ты забываешь о языке, который изучил за время жизни.

Один мой друг жил в Германии. Он попал в Германию в возрасте всего семи или восьми лет. Он переехал туда вместе с отцом и прожил в этой стране тридцать лет. Он получил образование на немецком языке, но родился в Махараштре и его родным языком был *маратхи* — хотя он совсем его забыл. С семилетнего возраста он не пользовался этим языком, а читать на нем вообще так и не научился. Однако, попав в автомобильную аварию, он долго находился без сознания и в бреду говорил только на маратхи.

Пришлось вызвать из Индии его брата — отец давно умер и люди говорили: «Мы совсем его не понимаем... а ведь он никогда не разговаривал ни на одном языке, кроме немецкого». Между тем язык, который он слышал с самого рождения, сохранился где-то в подсознании. Этот слой, отложившийся за первые семь лет жизни, никуда не делся, и он располагался в самой глубине — немецкий

был уже над ним. Однако верхний слой сознания сейчас отключился, и человек стал использовать более глубокий слой для общения.

Приходя в сознание, он неизменно забывал маратхи — говорил только по-немецки, а язык маратхи даже не понимал. Брат говорил с ним на маратхи, а он не мог понять ни слова. В течение некоторого времени он то приходил в сознание, то снова впадал в беспамятство. В бессознательном состоянии он говорил только на маратхи, а в сознательном — только по-немецки.

В своем подсознании ты все еще остаешься первобытным человеком, именно поэтому Зигмунд Фрейд уделял так много внимания подсознанию: оно более невинно, ребячливо, примитивно. Оно не может лгать, не может лукавить — оно просто говорит всю правду. А сознание коварно. Коварным оно стало в результате образования, окультуривания и тому подобным вещам.

Помню один случай. Мне было лет пять, не больше. Я играл в какие-то свои игры, а отец брился. Тут кто-то постучал в дверь. Папа велел мне:

— Пойди и скажи им: «Папы нет дома».

Я подошел к двери и сказал:

— Папа бреется, но он велел мне сказать: «Папы нет дома».

— Что? Так он дома? — спросил пришедший.

— Да, но он мне велел сказать вам так. А я говорю только правду.

Визитер все-таки вошел в дом.

— Что произошло? — спросил отец, глядя на меня.

А пришедший был очень зол. Он сказал:

— Это безобразие! Вначале вы приглашаете меня зайти к вам ровно в это время, а потом посылаете мальчика, чтобы он соврал, будто вас нет дома.

— Но как вы узнали, что я на месте? — спросил отец.

— Да мальчишка же и проболтался. Говорит: «Мой папа дома. Но он бреет бороду и велел мне сказать, что его нет дома».

Мой отец бросил на меня взгляд, в котором я безошибочно прочел: «Погоди же! Вот уйдет этот человек — и я тебе покажу».

— А я уйду еще раньше этого человека, — выпалил я.

— Но я же тебе ничего не сказал, — опешил отец.

— А я все равно понял! — сказал я.

— Побудьте тут еще немного, — попросил я посетителя. — Дайте мне время, чтобы скрыться, иначе мне попадет, — и уходя, бросил отцу: — Ты всегда учил меня: «Будь правдивым». Это была для меня прекрасная возможность сказать правду и заодно проверить, действительно ли ты хочешь, чтобы я был правдивым, или это просто такой способ обучить меня лукавству.

Конечно, отец прекрасно понял, что для него же лучше помалкивать и не вступать со мной в споры. В конце концов, посетитель скоро уйдет, а мне придется вернуться... Я пришел только через два-три часа, чтобы отец успел остыть, — к тому же был шанс, что к нам придут другие люди, и тогда тоже проблем не было бы. Но отец был дома один. Когда я вошел, он сказал:

— Не беспокойся, я больше никогда не буду просить тебя ни о чем таком. Прости меня.

В этом отношении он был очень честным человеком. Многие ли отцы заботятся о мнении четырех-пятилетнего сына? Многие ли станут извиняться перед ним? И действительно больше никогда в жизни отец не обращался ко мне с подобного рода просьбами. Он чувствовал, что со мной нужно вести себя иначе, чем с другими детьми.

По мере того как ты растешь и общество учит тебя поступать и вести себя определенным образом, ты понемногу превращаешься в лицемера — и начинаешь идентифицировать себя с собственным лицемерием. Моя функция здесь состоит в том, чтобы уничтожить в тебе любое лицемерие. Для меня честность — не политическая уловка.

Вот прямо сегодня за ужином я говорил Вивек, что автор афоризма «Честность — наилучшая политика», по видимому, был большой хитрец. Честность — не политика. А если политика, тогда это никакая не честность: если ты честен лишь потому, что это выгодно, тогда в другой

ситуации ты станешь ради такой же выгоды вести себя нечестно. Честность — наилучшая политика, пока она приносит прибыль; но если в какой-то момент она начнет приносить убытки, тогда наилучшей политикой, несомненно, станет ложь. Это вопрос выгоды.

А Вивек сказала мне, что именно сегодня в какой-то книге в одном и том же предложении она увидела рядом два слова и это стало для нее настоящим откровением. Она никогда не рассматривала эти два слова в связке: *стратегия (policy)* и *политика (politics)*, *вежливость (politeness)* и *политика (politics)*. Что такое вежливость? Это разновидность политики. Недаром эти слова в английском языке происходят от одного корня. Все три слова в английском языке — *стратегия, вежливость и политика (policy, politeness, politics)* — происходят от одного и того же корня, все они означают одно и то же. Но вам кажется, что вежливость — очень милое слово. Вы никогда не думаете о нем как о политике — но это политика. Вежливость — защитная уловка.

В Европе принято пожимать друг другу руки. Почему рукопожатие осуществляется правой рукой? Почему не левой? На самом деле это политическая процедура. В рукопожатии нет дружелюбия. Этот жест означает: «В моей правой руке нет оружия, так что не тревожься. И позволь мне убедиться, что твоя правая рука тоже пуста — там нет ножа или еще чего-нибудь такого». Во время рукопожатия ты не можешь выхватить меч — если только ты не левша... Это просто способ уверить человека в том, что ты не намерен причинить ему вред, и самому убедиться, что он не собирается навредить тебе. Но со временем это стало просто знаком приветствия.

В Индии принято приветствовать друг друга обеими руками — это тоже лишь демонстрация того, что обе руки встречающихся пусты. И это намного лучше, чем рукопожатие только правой рукой, — ибо кто знает, что может таиться в левой? Ведь бывает и так, что даже правая рука не знает, что делает левая, — так что лучше продемонстрировать, что обе твои руки пусты... намного лучше и намного вежливее. Ты просто говоришь: «Я совершенно беззащитен. Тебе не нужно волноваться, не нужно быть

начеку. Можешь расслабиться». Люди твердо усвоили эти символы.

В Индии, когда ты приходишь к так называемому гуру, нужно совершить исключительно индийский ответственный жест. Он называется *самсанг дандават*. Тебе нужно лечь на пол, так, чтобы все четыре конечности касались пола, — это наиболее беззащитная поза. Даже если он захочет тебя убить, то сможет это сделать без труда.

При задержании преступников в теплое время года им приказывают улечься на землю, раскинув руки. Почему? Потому что они ничего не могут сделать в этой позе — их можно преспокойно обыскать и забрать все, что полагается. Или же можно заставить их встать лицом к стене с раскинутыми руками — это вертикальный вариант той же позы.

На войне это вполне оправданно, но почему-то такая же война постоянно идет между отдельными индивидуумами и обществом. И вот определенная культура принимает эту позу в качестве проявления огромного уважения. Но это — не жест уважения, это самоуничижительная поза: «Я унижен перед тобой. Я весь в твоём распоряжении. Если хочешь, можешь отрубить мне голову. Я ничего не смогу сделать». И конечно, второй человек очень доволен: его это тешит.

Наша культура, наше образование, наши религии — все они учат нас лицемерию, причем таким скрытым формам лицемерия, что, не предприняв глубокого анализа, ты и не поймешь, что делаешь. Почему ты улыбаешься, встретив приятеля? Что за потребность? Даже если тебе не хочется улыбаться, почему ты все равно улыбаешься? Так нужно. Такова политика, и она выгодна, ведь если однажды тебе потребуется помощь этого человека, а ты всегда ему улыбался, ему будет сложно отказать. Если же ты никогда не улыбался и даже «Привет» ни разу не сказал, тогда ходить к нему бесполезно. Он вышвырнет тебя из дому, еще и обругает!

Нужно понять все эти слои и отстраниться от них. Стать наблюдателем, чтобы не идентифицировать себя со снами.

Это моя работа, а если ты станешь видеть обо мне сны, то сведешь мою работу на нет. Ищи признаки сна, затем

отринь сон и найди настоящую пищу. Нет смысла пировать во сне, если есть возможность попасть на настоящий пир. Если тебе доступна настоящая радость, к чему фальшивые улыбки? Если до подлинного экстаза рукой подать, а может быть, даже и ближе, зачем довольствоваться унынием, хныканьем и нытьем, ощущением пустоты и собственного ничтожества? Внутри тебя скрыто сокровище, а ты нищенствуешь.

Я стараюсь тебя пробудить. Возможно, поначалу тебе будет тяжело, ведь ты так долго нищенствовал, что теперь можешь подумать, будто я лишаю тебя целого царства. В этом смысле *санньяса* трудна. Я сделал ее столь простой на внешнем уровне, так как знаю, что на внутреннем уровне она очень трудна, — делать трудной и внешние ее стороны было бы просто бесчеловечно. Поэтому на поверхности я сделал ее очень простой — нет ничего проще, — а подлинная внутренняя работа очень трудна. Но ее необходимо выполнить. Если не выполнишь ее, то проживешь до самой смерти, так и не поняв, что же такое жизнь. Твое нынешнее существование нельзя назвать жизнью — ты как овощ.

Не будь овощем, не будь капустой — ни цветной, ни кочанной. Да, есть два типа людей: необразованные люди — это кочанная капуста, а образованные — цветная. Но особого различия между ними нет.

Единственная возможность стать другим — пробудиться!

ЗАВИСТЬ: ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВА, ЧТОБЫ РАЗДЕЛЯТЬ И ВЛАДСТВОВАТЬ

*Ошо,
что такое зависть? Свидетельствует ли наша
зависть о том, что мы очень далеки от самодоста-
точности?*

Общество использует так много различных способов эксплуатации индивидуума, что просто поражаешься такому разнообразию. Оно создало настолько тонкие и коварные инструменты, что распознать в них инструменты почти невозможно. Они предназначены для того, чтобы эксплуатировать индивидуума, разрушить его целостность, отнять все, что у него есть, — причем сделать это так, чтобы он даже и не заподозрил ничего, чтобы ни на миг не задумался о том, что с ним делают.

Зависть — один из этих мощных инструментов. Каждое общество, каждая культура, каждая религия с самого детства учит нас сравнивать. И ребенок неизбежно осваивает это искусство. Он — *табула раса*, чистый лист, где ничего еще не записано. Поэтому родители, учителя, священники могут записать на нем все что угодно — и он будет верить в то, что это его судьба, его предназначение.

Когда человек приходит в мир, перед ним открыты все двери, ему доступны все пути, он может выбирать любые измерения. Но прежде чем он что-либо выберет, прежде чем он сможет кем-то стать, прежде чем он вообще ощутит свое бытие, его портят. Причем портят те самые люди, которые искренне думают, что любят его, — ломают, калечат, программируют, руководствуясь при этом

самыми добрыми намерениями. Но что толку от ваших добрых намерений? С самыми добрыми намерениями вы травите окружающих. Я понимаю, что вы не осознаете, что травите их, потому что вас самих когда-то отравили, — и это происходит со времен Адама и Евы.

Что сделал Бог-Отец с Адамом и Евой? Он вполне заслуживает того, чтобы называться «отцом». Независимо от того, существует Бог или нет, но Он вполне заслуживает того, чтобы называться отцом, поскольку отвечает всем критериям отцовства. Он повелел своим детям Адаму и Еве: «Вы не должны есть плодов древа познания и древа вечной жизни». И этого человека вы называете отцом? Он запрещает вам брать две самые важные вещи! Нет ничего более важного, чем исследование жизни и вечности. Не предприняв масштабного исследования, чтобы обрести знания и мудрость, ты не поймешь, что такое жизнь и куда она движется.

Бог запретил Адаму и Еве два самых важных действия, которые формируют твою индивидуальность, служат основой самоуважения, позволяют обрести целостность, подлинность, бытие. Он хочет, чтобы ты навсегда остался невежественным. Он хочет, чтобы ты не знал об источнике собственной жизни. Несомненно, этот человек — твой отец. И вслед за этим великим Отцом все мелкие отцы поступают точно так же.

Я не в силах простить Бога. Я могу простить всех остальных мелких отцов — они просто несчастные люди. Они делают то же самое, что когда-то сделали с ними, они просто передают тебе свое наследие. Какие у них варианты? Но я не могу простить Бога. Ведь у Него самого отца нет. Он лишен оправдания: «Я так поступил с ними потому, что некогда так же поступили со мной. Мне неведом другой путь». Нет, Он придумал все это сам.

А поскольку Бога не существует, все бремя ответственности ложится на плечи священников — на жречество. Это они придумали способы, как отдалить тебя от себя же. А если ты всегда удален от себя самого, это влечет за собой ряд неизбежных последствий. Ты всегда будешь несчастен — твоя жизнь будет непрерывным движением от одного несчастья к другому. Да, ты сможешь надеяться,

что завтра дела наладятся, но завтра не наступает никогда и дела становятся только хуже. Они изменяются, но не становятся лучше. День за днем ты все глубже спускаешься в канализацию. Но надежда поддерживает в тебе жизнь, кроме нее ничего тебя не держит — ничто не побуждает даже к единому вздоху. Тебе недостает всего — потому что недостает тебя самого. Даже если у тебя есть все, какой в этом смысл, если нет тебя самого?

Зависть — один из самых надежных инструментов. Присмотрись к ней повнимательнее — что она собой представляет? Зависть — это жизнь в условиях сравнения. Кто-то находится выше тебя, кто-то — ниже. Ты всегда где-то посередине лестницы. Возможно, эта лестница идет по кругу, потому что никто не видит ее конца. Каждый торчит где-то посередине — все находятся посередине. Видимо, эта лестница имеет форму колеса.

Кто-то оказался выше — и это обидно. Это побуждает тебя к борьбе, к драке, ты пытаешься продвинуться вперед любыми способами — ибо если ты преуспеешь, то всем будет безразлично, хорошо ты поступал или плохо. Успех служит доказательством того, что ты поступал правильно, неудача доказывает, что ты поступал неправильно. Только успех имеет значение, поэтому все средства хороши. Цель оправдывает средства. Так что не брезгуй никакими средствами — никто не брезгует. Важно только одно: повыше вскарабкаться. Но ты никогда не доберешься до самого верха. И тот, кто выше, всегда будет внушать тебе зависть: он преуспел, а ты нет.

Можно подумать, что посвятить всю свою жизнь тому, чтобы карабкаться с перекладины на перекладину и постоянно обнаруживать, что кто-то выше тебя... а нельзя ли просто прыгнуть с лестницы? Нет, нельзя. Общество очень коварно, очень хитро. Оно оттачивало свои методы тысячелетиями. Почему тебе не удастся вырваться из этого круга? А потому, что кто-то находится ниже тебя и это дает тебе огромное удовлетворение. Тебе понятна стратегия? То обстоятельство, что кто-то поднялся выше, порождает в тебе зависть, чувство огорчения, страдание, унижение, ощущение собственного ничтожества — ты не сумел проявить характер, ты не настоящий мужчина. Дру-

гие движутся вперед, а ты застрял. Из-за этого ты чувствуешь себя ничтожеством, дешевкой, бездарью — ты только зря коптишь небо.

Если бы этим дело и ограничивалось, ты давно прыгнул бы с лестницы и послал бы всех карабкающихся по ней людей куда подальше. Но ты не можешь прыгнуть, потому что есть и люди под тобой: ты видишь, что есть пролеты ниже тебя и еще ниже этих нижних пролетов. Это приносит тебе удовлетворение, дивное чувство, что ты обогнал очень многих людей — ты не совсем бездарный. Ты доказал, что у тебя есть силы, ты не полное ничтожество, — и те, кто ниже тебя, служат достаточно веским подтверждением.

И теперь у тебя дилемма: всякий раз при взгляде вверх ты страдаешь, а при взгляде вниз испытываешь огромное удовлетворение. Как при таком раскладе прыгнуть с лестницы? Если ты прыгнешь, то лишишься обоих направлений — ниже тебя тоже никого не будет. Никого не будет над тобой, но никого не будет и под. Спрыгнув, ты останешься один.

Здесь ты находишься вместе со всеми — ты часть общества, культуры, цивилизации; все, что тебе нужно, — это прилагать немного больше усилий. Люди постоянно твердят тебе: «Браво, так держать! Не унывай, не вешай нос, будь оптимистом. Ночь не может длиться вечно». Они нашептывают: «Самая глубокая тьма — предвестник рассвета, так что не бойся тьмы, не бойся неудач», — и они приводят тысячу и один пример в подтверждение своих слов.

Когда я учился в средних классах, я впервые услышал о магометанском завоевателе Индии, Махмуде Газнави. Он нападал на Индию девятнадцать раз и восемнадцать раз терпел поражение. После восемнадцатого поражения ему пришлось прятаться в пещере. Там он увидел паука, пытающегося заплести сетью вход в пещеру. Делать Махмуду было все равно нечего, поэтому он стал наблюдать за пауком. Шел дождь, и камни были скользкими. Паучок постоянно падал. Он упал восемнадцать раз подряд, а на девятнадцатый сумел добраться до намеченной цели.

Газнави внезапно преисполнился оптимизма. Он уже было решил отказаться от своих дурацких попыток. Восем-

надцать раз... Он потратил жизнь впустую, тысячи людей погибли — все зря. Он снова и снова терпел поражение от одного и того же человека, Притвараджа Чаухана, которому было поручено охранять границы Индии. Он был правителем приграничных территорий. Махмуду даже в страну ни разу войти не удалось, его всегда отбрасывали от границы — и делал это постоянно один и тот же человек. Это было очень тяжело для завоевателя — он даже хотел покончить с собой, потому что «не мог смотреть в глаза своим людям».

Махмуд был царем. Он владел собственным царством, и никакой настоящей потребности завоевывать Индию у него не было. Однако человек всегда недоволен своим положением, всегда ему всего мало — всегда хочется чего-то еще, и вечно найдется то, что неплохо бы прибрать к рукам. Царство его было небольшое, а прямо по соседству — огромная Индия. В те времена она была невероятно богата, так как людей здесь жило немного, всего двадцать миллионов, — и нашу страну называли Золотой Птицей. Теперь же в Индии живет около восьмисот миллионов*.

По некоторым оценкам к концу этого столетия в Индии будет миллиард человек. Она выйдет на первое место по количеству людей. Китай останется позади, потому что Китай очень большое внимание уделяет контролю над рождаемостью. Сейчас население Китая больше, чем население Индии, но к концу века Индия вырвется вперед. Хотя бы в одном отношении наша страна станет чемпионом.

Естественно, когда в этой стране жили всего двадцать миллионов человек, она была богатой. Не было предпосылок для бедности. Столько земли, столько золота — всего в избытке. Понятно, что Индия манила завоевателей. Постоянно манила — в течение тысячелетий. Теперь уже никто больше не стремится завоевать Индию — фактически, последние завоеватели — британцы — в конце концов обнаружили, что высосали эту страну досуха и ничего тут больше не осталось. И тогда она стала для империи обузой, а не активом. Нужно заботиться обо всех этих индусах, иначе тебя будут осуждать; нужно бороться с преступно-

стью, иначе тебя станут винить в происходящем. Империю винили во всех бедах — дескать, она поработила народ и отсюда все проблемы.

Но это неверно. Махатма Ганди изо всех сил старался быть правдивым во всем — но в самом главном он говорил неправду. Не стоило говорить индийцам, что источником всех проблем является Британская империя. Ведь с 1947 до 1984 прошло много лет, рабства давно уже нет, страна свободна — а нищеты и страданий стало только больше.

Ты удивисься, но с тех пор как британцы ушли из Индии, стоимость товаров в этой стране поднялась в семьсот раз. Теперь за семьсот рупий можно купить столько же, сколько в 1947 можно было купить за одну. Так что сейчас зарплата в семьсот рупий — весьма немалый заработок по индийским меркам — это все равно что одна рупия в 1947. Значит, не одна только Британская империя ответственна за проблемы Индии — очень многие народы высасывали эту землю в течение трех тысячелетий.

Итак, к Махмуду вернулась уверенность в себе. Он сказал: «Если маленький паучок обладает таким огромным запасом оптимизма... разве я хуже? Я предприму еще одну попытку». И надо же — какое совпадение! — на девятнадцатый раз он преуспел. В действительности Газнави удалось победить лишь потому, что Притварадж Чаухан просто не думал, что тому достанет смелости вторгнуться еще раз. После восемнадцати поражений... с каким лицом он вернется?

Итак, Притварадж Чаухан просто не допускал мысли о том, что может быть новая попытка вторжения. Если перед предыдущими восемнадцатью нападениями он постоянно готовился к встрече врага, то теперь расслабился. Опасность миновала. Махмуд был единственным врагом на участке границы, который был доверен Притвараджу Чаухану, — и теперь этот враг повержен. И вообще, Притварадж Чаухан рассуждал так: «На его месте я покончил бы с собой. Любой хоть немного уважающий себя мужчина предпочел бы смерть восемнадцати поражениям». Поэтому он не допускал даже такой мысли. Войско было распущено, люди вернулись к мирным занятиям, и Махмуд вторгся в тот момент, когда его никто не ждал. И победил.

* Речь идет о начале 1980-х.

Все это поведал нам учитель истории в школе. Затем он сказал:

— Так и нужно себя вести. Никогда не унывайте. Ведь никто ничего не знает наперед. Если сейчас ты потерпел неудачу, возможно, в другой раз тебя ждет успех — завтра или послезавтра. Боритесь до последнего вздоха.

Я встал со своего места и сказал учителю:

— Простите, но я думаю, что этот Махмуд был идиотом. Начнем с того, что он нападал на соседей без какой бы то ни было причины...

Ведь его противники не сделали ничего плохого. На самом деле им вполне достало бы сил, чтобы завоевать его страну: ведь сумели же они разгромить войско агрессора восемнадцать раз. Но Притварадж Чаухан никогда не выходил за границы своего государства. Он мог бы сокрушить Махмуда, сместить его с трона и вернуться домой. Но он никогда не вторгся к соседям — хотя это было бы проще простого.

Если враг повержен, зачем оставлять за ним его царство? Притварадж Чаухан вполне мог бы покончить с Махмудом после первого же вторжения. Если бы он захватил его страну, то у Махмуда не было бы возможности напасть снова. Но Притварадж Чаухан был намного человечнее — страна Газнави ни разу не подверглась вторжению. Премьер-министр и другие подданные не раз говорили Притвараджу Чаухану: «Лучше всего было бы покончить с этим человеком и забрать его царство. Если вы оставите его в покое, через два-три года он снова соберется с силами и вернется. Тогда нам опять придется сражаться. Это неразумно... почему вы позволяете ему уйти?»

«Жители его царства не причинили нам вреда и не хотели зла, — отвечал Притварадж Чаухан. — Как я могу вторгнуться в их землю? Моя армия не для завоеваний, она нужна лишь для тех редких случаев, когда какой-нибудь дурак решит напасть на нас. Это защитная сила». Это был человек очень тонкого ума; он понимал, что Махмуд ведет себя глупо. Он говорил своим подданным: «Не волнуйтесь. Рано или поздно наш сосед откажется от своих замыслов».

И я сказал учителю:

— Не превозносите передо мной этого Махмуда. Не говорите мне: «Он был великим оптимистом, и тебе следует брать с него пример». Я могу понять паука — никто не ждет от паука большого ума, к тому же я уверен, что паук не считал, сколько раз он упал с камня. Возможно, он даже толком не соображал, что происходит...

Таковы уж они — пауки, муравьи и все подобные народцы: ты можешь отшвырнуть их прочь, но по какой-то странной логике они тут же снова ринутся к тебе. В их распоряжении целая комната, но, куда бы ты их ни швырнул, им непременно нужно вернуться в том же направлении, откуда их отбросили. Какое упрямство! Если бы у них было хоть немного разума, они бы этого направления избегали. Ведь бежать можно куда угодно. Но вот ведь странность: сколько бы щелчков ни получал паук, он каждый раз возвращается к тебе.

— Паук не умел считать, поэтому он вовсе не был оптимистом, — продолжал я. — Просто это Махмуда нашло для себя новое оправдание, придумало уловку, чтобы он мог вернуться к своим людям и сказать: «Не печальтесь. Возможно, в следующий раз мы победим. Никто не знает, что будет завтра, поэтому давайте попробуем еще раз». Но не нужно говорить мне, будто бы Махмуд был достойной подражания личностью. Для меня он — урод, обыкновенный паук. Я вообще не считаю его человеком. И если такому учат на уроках истории, тогда они не для меня. Вы очень ловко и коварно стараетесь научить нас драться, разрушать, убивать и ставить других людей ниже себя.

Родители с самого детства учат: «Смотри на соседского мальчишку — он раньше тебя пошел в школу. А чем ты занимался целый год? Разве ты глупее его?» И то же самое тебе будут говорить учителя в классе. Они награждают золотыми медалями тех, кто успевает лучше всех в школе, или в колледже, или в университете. Мои родители и школьные учителя говаривали: «Ты легко мог бы всегда быть самым первым, но ты никогда не готовишься к экзаменам — тебе просто наплевать на экзамены».

У меня был заведен собственный порядок: я всегда являлся на экзамены с пятнадцатиминутным опозданием. Так было всегда: и в школе, и в колледже, и в универси-

тете — всегда на пятнадцать минут позже срока. Все об этом прекрасно знали. Экзаменатор знал, что мое место не следует отдавать никому другому: я обязательно приду, но ровно через пятнадцать минут после начала. И покидал я экзаменационную аудиторию на пятнадцать минут раньше всех других — до окончания экзамена. На экзамены отводилось по три часа, а я убедился, что с заданием можно справиться за два с половиной и нет никакого смысла торчать там лишних полчаса.

Преподаватели, следившие за тем, чтобы ученики не списывали друг у друга, не безобразничали и не пользовались учебниками под партами, то и дело говорили мне:

— Не нужно спешить. Осталось еще пятнадцать минут. Зачем ты сдаешь работу раньше времени?

— Потому что я уже закончил, — отвечал я. — Я начал на пятнадцать минут позже и заканчиваю на пятнадцать минут раньше. И собираюсь делать так всегда, поскольку не считаю, что на выполнение задания требуется три часа. Два с половиной более чем достаточно. У меня есть более важные дела.

— Почему ты так легкомысленно относишься к экзаменам? — спрашивали они в один голос.

— По одной простой причине: я не хочу участвовать в гонке завистников. Я не хочу играть в игру сравнений. Мне безразлично, дам я экзамен или завалю: для меня нет никакой разницы. Если я окажусь первым, хорошо, если окажусь последним, еще лучше. Прийти первым в какой-то степени жестоко, ведь ты лишаешь кого-то радости. Для меня же это не в радость — так что я просто занимаю чье-то место. Первым мог бы быть кто-то другой — тот, кто сейчас занимает второе место после меня, и он бы получил от этого огромное удовольствие. Возможно, всю свою оставшуюся жизнь он больше не найдет причин для радости, а я лишил его сегодняшнего шанса. Мне же победа все равно безразлична.

— Поэтому лучше, если я окажусь последним, — продолжал я. — По меньшей мере, утешительно то, что я никому не разрушил карьеру, не вел себя жестоко, никого не отталкивал локтями, не вторгался в чужое простран-

ство. Никто не остался позади меня, и поскольку никто не остался позади, я не могу чувствовать превосходства.

И тут есть логика, простая логика: если ты не чувствуешь превосходства ни над кем, то и ниже других себя не чувствуешь. Чувство собственного превосходства и чувство неполноценности приходят вместе и уходят вместе. Если ты отринешь одно, то и от второго ничего не останется. Если тебе чуждо чувство превосходства, откуда возьмется чувство неполноценности? Ты просто ощущаешь себя самим собой.

Но вот ведь странность: я почти всегда оказывался первым. Учителя удивлялись, родители удивлялись:

— Очень странно. Ты никогда не беспокоишься по поводу экзаменов. Школу посещаешь нерегулярно. Даже тогда, когда ты приходишь, тебя скоро выгоняют из класса и ты целый день торчишь на школьном дворе. Когда хочешь, приходишь, когда хочешь, уходишь, не спрашивая разрешения ни у учителя, ни у директора — даже не оповещая их.

Мой ответ был прост:

— Я хочу жить своей жизнью — почему мне нужно у кого-то спрашивать? Они могут делать то, что хотят. Могут наказать, могут оштрафовать, могут написать жалобу. Я даже сам принесу эту жалобу тебе — но это сугубо ваше дело, оно не имеет ко мне никакого отношения. Я просто делаю то, что хочу.

И когда мне хотелось пойти на реку, я не собирался слушать в классе какого-то дурня, рассказывающего о Махмуде, который потерпел восемнадцать поражений и только на девятнадцатый раз одержал победу. Он урод. Он не поступил с Притвараджем так же, как тот поступал с ним — Притварадж никогда не брал Махмуда в плен. Он разгромил его восемнадцать раз, но ни разу не бросил в темницу. Он говорил: «Оставим ему его царство. Зачем сажать его в темницу? Вполне достаточно того, что он разгромлен, его армия сокрушена. Это достаточно наказание».

Но Махмуд не был человеком — просто животное. Мало того что он взял Притвараджа Чаухана в плен, так

он ему еще и глаза выколол. Притварадж был очень красивым человеком, а Махмуд отомстил ему за восемнадцать поражений, лишив его зрения.

Но Притварадж Чаухан был великим лучником. Его придворный поэт и друг попал в плен вместе с ним — он специально сдался врагам, чтобы иметь возможность помочь Притвараджу. Когда Чаухана и этого поэта привели ко двору Махмуда, тот сидел на балкончике высоко над пленниками. Он боялся этого человека, даже несмотря на то, что тот был ослеплен и закован в цепи. Какой глубокий страх! Ведь Махмуд потерпел восемнадцать поражений подряд — и всякий раз его просто выбрасывали из страны, не заботясь даже о том, чтобы взять в плен. Должно быть, его противник — просто лев!

Поэт сказал Махмуду:

— Ты совсем не знаешь Притвараджа... И я должен сказать тебе, что никто в целом мире не сравнится с Притвараджем в искусстве стрельбы из лука. Прежде чем убить его, дай ему возможность продемонстрировать свое мастерство.

— Он же слеп! Как он может быть великим лучником? Возможно, когда-то был... — усомнился Махмуд.

— Можешь не сомневаться, — сказал поэт. — Он настолько искусный стрелок, что может поразить цель по звуку.

Весь этот разговор был затеян для того, чтобы Притварадж мог по голосу определить, где сидит Махмуд. И Притварадж убил Махмуда. Махмуд думал, что ослепленный полководец просто продемонстрирует свое мастерство, но Притварадж Чаухан взял и убил его, ориентируясь на звук голоса. Его стрела попала точно в сердце.

Я очень часто задумываюсь обо всех этих людях: Александре Великом, Тамерлане, Чингисхане, Наполеоне Бонапарте... Зачем рассказывать невинным детям обо всех этих злодеях? Чтобы пробудить в них страсть к завоеваниям, к богатствам, чтобы они хотели стать президентами и премьер-министрами — но не оставаться собой. Никто не учит тебя быть собой. Тебе предлагают стать кем угодно, но только не самим собой. В тебе пробуждают зависть. Александр Великий... в чем величие этого чело-

века? И почему мы чтим имена Надир-шаха, Тамерлана, Чингисхана? Это же просто убийцы, величайшие преступники в истории человечества. Мелких преступников вы приговариваете к казни, а самых злостных воспеваете в исторических книгах.

Я сказал своему учителю истории:

— Ваша история — всего лишь хроника злодейств, и вы стараетесь превратить нас всех в преступников. Неужели нельзя вспомнить каких-то порядочных людей и поговорить о них, уча нас, что именно они являются настоящими людьми, подлинными людьми?

Но нет, история ориентируется совсем на других деятелей. Всю мировую историю нужно спустить в унитаз, чтобы мы могли начать с чистого листа. И тогда мы сможем стать собой — ибо не будет больше никаких сравнений.

Когда пришло время сдавать экзамены в аспирантуру, мой преподаватель, очень меня любивший, страшно беспокоился из-за этой моей манеры приходить на экзамен на пятнадцать минут позже и уходить на пятнадцать минут раньше — ведь в результате я мог упустить то, что принадлежит мне по праву. Я сказал ему:

— Я не вправе быть первым, лучшим в университете, получать золотые медали. Если бы мне выдали золотую медаль, я бы выбросил ее сразу же после вручения, чтобы все — и ректор, и деканы, и преподаватели, и студенты — могли видеть, как я швыряю ее в колодец. Мне просто не нравится сама идея того, чтобы делить людей на категории: кто-то выше, кто-то ниже. Если бы это зависело от меня, то люди просто получали бы образование.

В экзаменах нет потребности. Зачем нужны экзамены? Чем ты занимался два года — дурака валял? А чем занимались твои преподаватели? В течение двух лет преподаватели тебя учили, а ты учился — и этого достаточно. Нет нужды устраивать экзамены и ставить одних людей выше, а других ниже. С этого начинается сравнение — выпускаясь из университета, они уже знают, кто где стоит на лестнице.

Итак, мой преподаватель, доктор С. К. Саксена, заехал в общежитие, чтобы забрать меня. До корпуса, где про-

ходили экзамены, было две минуты ходу, но он все равно приехал и отвез на своей машине, чтобы заставить прийти в аудиторию ровно в семь. А потом он все три часа прождал в коридоре, чтобы не позволить мне выйти на пятнадцать минут раньше. Но я придумал свою уловку. Я медитировал пятнадцать минут в начале экзамена, а затем пятнадцать минут перед окончанием. Экзаменатор упрекнул меня:

— Этот бедняга, твой преподаватель, три часа торчит под аудиторией ради тебя, а ты все равно ухитрился...

— Не говорите ему, — просил я, — не хочу обижать его. Не стоит ему рассказывать. Я делаю то, что считаю нужным. И он сделал, что хотел. Я не отказал ему, вошел в аудиторию вовремя. Он сказал: «В семь», — и я пришел в семь. Но разве я могу отказаться от пути, которому следовал всегда? Я уже посвятил пятнадцать минут медитации вначале, потому что три часа — слишком много для этой работы. Два с половиной вполне достаточно. А у меня есть более важные дела. Но поскольку мне нельзя покинуть аудиторию, медитация — лучшее, что я могу сделать. Вот ею я и займусь.

Экзаменатор сказал доктору Саксене:

— Зря вы пытаетесь его заставить. Он не станет делать то, чего не хочет.

— А что он сделал? — спросил Саксена.

— Медитировал пятнадцать минут. И за это время даже не посмотрел в задание. Положил задание рядом, текстом вниз и посвятил пятнадцать минут медитации. Только после этого прочел билеты. А ровно за пятнадцать минут до конца собрал свои бумаги и сдал мне. Он сказал: «Пришло время для медитации».

— Ты невыносим! — отчитывал меня Саксена. — Потерял полчаса? Ты упустил возможность получить золотую медаль.

— Кому нужна эта медаль? — возразил я. — Но если вам так хочется, можете дать мне медаль. Вы хотите, чтобы я носил на груди золотую медаль? Так купите мне ее! Вам это вполне по карману.

— Ты не понимаешь, — говорил он. — Дело не в самой медали, дело в том, чтобы тебя признали лучшим

студентом в университете. Это обеспечит тебе блестящую карьеру.

— Золотая медаль делает мне карьеру? Вы думаете, моя карьера зависит от ваших экзаменов?

— Да, потому что я все устроил: если ты будешь первым, то получишь стипендию для написания докторской диссертации. Если нет — то не получишь.

— Проехали! — сказал я. — Значит, у меня не будет стипендии и не будет докторской степени. Вот у вас есть степень, и что толку? Какая вам от этого польза? У вас три докторских степени. И что вам с этого? Меня не обманешь: вы разочарованы жизнью. Вы хотели бы стать деканом гуманитарного факультета, но вас не выбрали. Вашу кандидатуру дважды отклоняли. И мне известно, что вы плакали из-за этого — по-настоящему проливали слезы.

А еще вы боролись за пост проректора, но не набрали даже двадцати голосов. Тысяча преподавателей не отдали за вас и двадцати голосов. Кто будет голосовать за профессора философии, если ему противостоит опытный политик? Он был главным министром штата! И вы надеялись выиграть выборы у этого уголовника? Это невозможно! Люди слишком его боятся, потому что есть все шансы, что он снова станет главным министром, и тогда всякий, кто не проголосовал за него сейчас, жестоко поплатится.

Так оно и получилось. Этот человек, Дварика Прасад Мишра, был главным министром моего штата, Мадхья-Прадеш. И он участвовал в политическом заговоре совместно с Морарджи Десаи, главным министром штата Мумбаи, и главными министрами еще нескольких штатов. Они объединились для свержения диктаторского режима Джавахарлала. Дварике Прасаду хватило глупости высказаться первым...

Джавахарлал пришел в ярость и немедленно вышвырнул его с поста. Это произошло столь жестко и стремительно, что Морарджи и другие главные министры глубоко задумались о том, стоит ли им продолжать реализацию своего заговора или лучше дать задний ход. Они предпочли дать задний ход — так что пострадал только один этот министр. Он принадлежал к тому же сорту людей, что и Морарджи Десаи, — просто третъесортный политик,

самый заурядный подонок. Все, что он смог сделать на тот момент, — это пристроиться проректором университета. И на этом посту выжидал, когда придет его время.

Итак, он был достаточно хитер: быстренько устроился проректором, а потом сумел сблизиться с Индирой Ганди. Индира в то время еще не была премьер-министром Индии, зато являлась лидером «Индийского национального конгресса» — правящей партии. Он полностью втерся в доверие к Индире, и та даже стала называть его «дядюшкой». Она убедила своего отца, Джавахарлала, — тогдашнего премьер-министра — простить Прасада и восстановить его в прежней должности. Он действительно был прощен и вернулся на государственную службу — вначале стал генеральным секретарем «Индийского национального конгресса», а затем вернулся в кресло главного министра Мадхья-Прадеша.

Впоследствии он отомстил тем двадцати преподавателям, которые голосовали за С. К. Саксену. Он вышвырнул их всех из университета, ибо главный министр штата является заодно ректором университета — кто занимает пост главного министра, тот и ректор. Так что, вернувшись на пост главного министра, он заодно стал ректором и выгнал всех этих людей на улицу.

И вот я спросил у доктора Саксены:

— Чего вы добились всеми этими своими попытками вскарабкаться наверх? И вы советуете мне лезть в ту же ловушку, куда угодили сами? Если вы меня любите, то помогите избежать этой ловушки.

— О Боже! — воскликнул он. — Хочешь, чтобы я вел себя так же, как и ты? Ну уж нет! Я буду с ним бороться! Я не оставлю борьбу, и ты увидишь: однажды я стану проректором.

— Пусть даже и станете — что с того? Я вас знаю: вы будете столь же несчастны, как и сейчас. На должности младшего преподавателя вы были несчастны. Потом сделали старшим преподавателем, но остались несчастным. Потом стали профессором — столь же несчастным. Теперь возглавили кафедру философии, но по-прежнему остаетесь несчастным. Я вас знаю. Думаете, на посту декана факультета гуманитарных наук вы станете счастливее?

— Я знаком с деканом, — продолжал я, — он еще несчастнее вас, потому что от поста проректора его отделяет всего одна ступень. Вас отделяет от этого кресла две ступени, а его только одна. Ему намного тяжелее, чем вам, потому что цель так близка! И всякий раз, когда в это кресло вдруг вскакивает кто-то со стороны, он воспринимает это как личное поражение. Он очень страдает — не удивлюсь, если с ним случится сердечный приступ.

Но вот ведь странность: поскольку меня не интересовали экзамены и не интересовали учебники, но интересовал мир философии в целом — мой интерес был всеобъемлющ, — мои ответы были намного богаче, чем ответы других студентов. Они могли только повторять то, что сказано в учебниках. Я же мог сказать что-то, о чем даже экзаменатор еще не читал. Впрочем... Я знаю экзаменаторов. Я и сам в течение девяти лет принимал экзамены и никогда не читал экзаменационные работы.

Я просто договорился с одним смышленным студентом, которому мог доверять, что он никому не расскажет о нашем договоре: «Проверяй за меня работы, а я буду отдавать тебе половину зарплаты. Только помни: никому не ставь неудовлетворительных оценок — все должны получить больше тридцати трех баллов. Однако больше шестидесяти тоже никому не ставь — потому что я не считаю, что кто-то достоин. Это твои границы: от тридцати трех до шестидесяти. А в остальном даю тебе полную свободу».

Мне известно, что, когда я сам был студентом, мои преподаватели тоже порекомендовали проверку экзаменационных работ своим лаборантам.

Я сказал доктору Саксене:

— Иногда мой образ действия тоже оказывается эффективным. Вот подождите немного.

И конечно, он оказался эффективным. Я всегда был столь богат и оригинален в своих ответах потому, что никогда не заглядывал в учебники. Я избегал учебников, потому что они могут засорить твой ум. Я никогда не покупал их.

Но еще со школьных лет я собирал книги. Возможно, ты удивишься, но на момент поступления в университет я уже прочел тысячи книг, а моя личная библиотека составляла сотни томов — и все шедевры. Я прочел всего Калила Дже-

брана, Достоевского, Толстого, Чехова, Горького, Тургенева... лучших из писателей. К окончанию вступительного курса я покончил с Сократом, Платоном, Аристотелем и Бертраном Расселом — все философы, которых я сумел найти в библиотеке, в книжных магазинах или взять почитать у кого-нибудь.

В Джабалпуре было прекрасное место, куда я заживал каждый день и проводил там час-другой. Называлось это место «Воровской базар». Там действительно продавались краденые вещи, и я скупал краденые книги — ибо воров, промышляющих печатной продукцией, там было на удивление много. Я купил у них уйму прекрасных книг. Именно там, на воровском базаре, мне попала моя первая книга Гурджиева. И «В поисках чудесного» Успенского я тоже принес с воровского базара.

Эта книга стоит пятьдесят рупий, а там я заплатил за нее всего полрупии, потому что на воровском базаре книги продавались на вес. Этим людям все равно — будь то Успенский, или Платон, или Рассел. Для них это все — макулатура. И независимо от того, покупаешь ты газеты или Сократа, цена одна и та же. На воровском базаре я пополнил свою библиотеку на тысячи томов. Знакомые спрашивали:

— Ты с ума сошел? Зачем ты постоянно ошиваешься на воровском базаре? Приличные люди туда не ходят — это вредит твоей репутации.

— А мне плевать, — отвечал я. — Даже если все станут думать, что я вор, мне все равно.

Для меня воровской рынок был идеальным источником — там мне удавалось найти книги, которых не было в университетской библиотеке. Все лавочники продавали краденый товар — книги и прочие вещи. В каждом крупном индийском городе есть воровские базары, где можно купить любой товар по бросовым ценам. Но это рискованно — потому что вещички-то краденые.

Однажды я влип в неприятности, потому что купил в одной лавке три сотни книг за раз: кто-то обчистил целую домашнюю библиотеку. Три сотни книг всего за сто пятьдесят рупий! Я не мог отказаться ни от одной из них.

Пришлось взять денег в долг. Я сказал лавочнику: «Ни одна книга не должна уйти!» — и бросился на поиски денег.

В книгах была личная печать хозяина и его адрес... через некоторое время ко мне пришли полицейские. Я сказал:

— Да, эти книги у меня, и я купил их на воровском базаре. Но начнем с того, что прежнему владельцу уже девяносто лет и он все равно скоро умрет.

— К чему этот спор? — спросил инспектор.

— Я просто хочу прояснить свою позицию, — отвечал я. — Рано или поздно этот человек умрет, и книги просто пропадут... Я, конечно, могу отдать вам книги, но вам придется заплатить сто пятьдесят рупий тому человеку, у которого я взял деньги в долг. Да и вообще, вы не можете предъявлять ко мне претензии, потому что есть еще лавочник — он подтвердит, что я купил книги у него, а он — у другого человека. Причем сам он не может упомянуть всех людей, которые продают ему старые газеты и книги. Так что вначале вам нужно пойти к этому человеку и попытаться через него поймать вора. Когда поймаете вора, удержите с него сто пятьдесят рупий... или берите их, где хотите. В любом случае, книги сейчас у меня и лучшего места для них не найти. Девяностолетний старик все равно не станет их перечитывать — так о чем вообще речь?

— Ваши доводы звучат убедительно, — сказал инспектор, — но все равно это ворованные книги и я не могу идти против закона.

— Так поступайте по закону. Ступайте туда, где я их купил, — ведь я их купил, а не украл. Лавочник тоже купил их, а не украл. Ищите вора.

— Но ведь книги отмечены печатью. С именем, — возразил полицейский.

— Не беспокойтесь. К следующему вашему приходу никаких печатей не будет! Вначале поймайте вора. А я всегда здесь, к вашим услугам.

Когда он ушел, я вырвал из каждой книги по странице — по самой первой странице, где все равно ничего важного не написано, — и поставил подписи на всех моих книгах. С того самого дня я стал подписывать свои книги, ибо это могло бы пригодиться на случай, если бы

однажды кто-то их украл, — по меньшей мере в каждой из них теперь стоит моя подпись и дата. Поскольку я вырвал первую страницу в каждой из тех книг, пришлось подписывать их на второй или третьей странице. Я сделал это на случай, если их украдут, но этого так ни разу и не произошло.

Мои преподаватели частенько спрашивали:

— Ты читаешь с утра до вечера... но откуда такое обращение к учебникам?

— Все очень просто, — отвечал я. — Я не хочу, чтобы экзаменатор принял меня за попугая.

И к счастью, мой подход оказался верным. Я стал первым в университете и таки получил эту золотую медаль. Но держа свое слово, я при всех выбросил медаль в колодец. На глазах у всего университета зашвырнул медаль в колодец со словами:

— Вместе с этой медалью я выбрасываю саму мысль о том, что я — первый в нашем университете, чтобы никто не думал, что он ниже меня. Я — никто.

При этом присутствовал и проректор. Тем вечером он вызвал меня к себе и сказал:

— Это неправильно. Золотая медаль — престижная награда. Ты был лучшим во всем университете. А теперь у меня неприятности, потому что я обещал назначить тебе стипендию для работы над докторской диссертацией. Теперь же, когда ты при всех выбросил свою медаль, они станут говорить: «Этот человек не в себе. Зачем вы назначили ему стипендию на три года?»

— Так не давайте мне стипендию, — сказал я.

— Я не лишу тебя стипендии только из-за того, что ты выбросил медаль и сказал всем присутствующим: «Я просто никто. Не считайте меня первым в университете. Пожалуйста, не завидуйте мне, ведь я не лучше вас. Это все случайность. Кто-то обязательно становится первым. И то, что таким оказался я, — просто игра судьбы. Но это не означает, что кто-то хуже». Твои слова запали мне в сердце. Думаю, я все-таки рискну и дам тебе стипендию.

Конечно, он назначил мне стипендию, но ни один профессор не хотел быть моим научным руководителем,

потому что я собирался писать о религиях, а все преподаватели говорили:

— От тебя будут одни проблемы. Если я стану твоим руководителем, мы будем постоянно ругаться. Мне известны твои идеи, и вполне возможно, что ты прав, но как научный руководитель, я должен буду подписаться под твоей работой, а это означает, что я в той или иной степени согласен с твоими идеями — но эти идеи чудовищны! В частных беседах я могу с тобой соглашаться, но не на публике.

— А что делать с двумя представителями других университетов в диссертационном совете? — продолжали они. — Они будут в шоке, потому что ты критикуешь Кришну, критикуешь Раму, критикуешь Будду, критикуешь Иисуса. Есть ли кто-то, кого бы ты не критиковал?

— Если кто-то попадает в поле моего исследования, я упоминаю его имя, если нет, тогда зачем? — отвечал я. — Естественно, когда Галилей открыл, что Земля вращается вокруг Солнца, ему пришлось критиковать всех без исключения — все писания в мире, — ведь никому прежде такое даже в голову не приходило. Все религии, все писания и все книги говорили, что Солнце ходит вокруг Земли, потому что так нам видится. Но видимость не есть реальность — как же мы можем быть в чем-то уверены?

— Вполне возможно, — продолжал я, — что в отношении религий я первый человек, который оказался прав. Ведь если Галилей первым оказался прав в своей области знаний и это было всего три сотни лет назад... ведь история человеческих знаний до Галилея насчитывает тысячи лет. Если он был первым, кто оказался прав, а все до него заблуждались, как знать, — почему вы не думаете, что я тоже могу быть первым человеком, который оказался прав?

— В этом-то и проблема! — признался мне один из профессоров. — Найди себе кого-то другого. Я тебе даже кое-кого посоветую — обратись к этим профессорам.

Профессора философии не были готовы меня принять. Они говорили:

— Предложи-ка лучше свое исследование на кафедре психологии. Просто заяви в качестве темы «Психология религии». Делай что хочешь, но только смени название.

— Попробую, — согласился я.

На кафедре психологии мне сказали:

— Если даже ваши преподаватели — ваши собственные преподаватели! — не готовы иметь дело с вами, то зачем же мы будем наклеивать проблемы на свои головы? Вы критикуете Зигмунда Фрейда, критикуете Юнга, критикуете Адлера, а ведь вся работа нашей кафедры держится на этих трех людях. Именно их психологию мы преподаем.

— Так что же, мне нужно снова сменить направление? — спросил я. — «Политика и религия»? «Экономика религии»? Я готов взять любую тему.

Я обратился к проректору:

— Найдите мне руководителя. В теме должна присутствовать религия. А перед ней я могу поставить что угодно: «Математика религии», «Экономика религии», «География религии» — я с любым предметом справлюсь.

Но никто не был готов работать со мной, поэтому стипендию я так и не получил. Но я был вполне удовлетворен: вот они, ваши профессора, гиганты мысли... в частных беседах они с готовностью принимают твои идеи, но на публике прячутся в кусты. Достойны ли они того, чтобы им завидовать? Неужели эти люди выше кого бы то ни было?

У меня нет никакого желания считать кого-то ниже себя. Да, возможно, что в какой-то сфере ты знаешь больше, а кто-то меньше. В какой-то области у тебя талант, а в другой области талант у кого-то другого. Это говорит лишь о том, что каждый человек уникален — и у всех разные качества. Но у каждого индивидуума есть свое собственное место в жизни, и места эти не сравнимы друг с другом. Я никогда не думал, что кто-то ниже меня; я никогда не думал, что кто-то выше.

Я это я, а ты это ты. Сравнения неуместны.

Но всех детей с детства учат состязаться и сравнивать. Естественно, в результате возникает зависть, потому что кто-то добивается успеха, а кто-то нет. Кому-то достаются вещи, которые не достались тебе.

Я слышал...

Через улицу друг от друга жили баптистский священник и раввин. Между ними было постоянное соперничество.

Оно и понятно: этому конфликту две тысячи лет. Началось все с Иисуса, и я даже не знаю, кто сможет положить этому конец. У меня большие надежды на Папу-Поляка. Но это только надежды — ничего нельзя сказать наверняка. Их конфликт длится две тысячи лет, и он постоянно становится все более и более личным.

Если священник привозил розы или какие-то еще растения для своего сада, раввин привозил вдвое больше. Однажды священник купил себе «Линкольн-континенталь». Раввин не мог оставить это просто так... Стоя на пороге своего дома, он увидел, как священник вышел и стал лить воду на свой «Линкольн».

— Что ты делаешь? — спросил раввин.

— Провожу обряд крещения, — ответил тот. — Я хочу, чтобы он был христианином.

— Понятно, — сказал раввин.

На следующий день раввин купил лимузин «Кадиллак» — намного более дорогой, шестидверный. Встав на пороге, он ждал, когда священник выйдет полюбопытствовать. Едва тот появился, раввин пошел к себе в дом, вынес какие-то инструменты и стал возиться возле машины.

— Что ты делаешь? — поинтересовался баптист.

— Обрезание! — буркнул раввин.

Он подрезал выхлопную трубу!

Зависть, соперничество сводят тебя с ума. Если ты крестишь, то он совершает обрезание. Он делает из «Кадиллака» правоверного иудея. Но кажется, в Америке «Кадиллак» — действительно еврей, потому что, когда я попросил Шилу купить «Кадиллак» для нашего Фонда, она сказала:

— Нет, ты не понимаешь, «Кадиллак» это слишком по-еврейски.

— Бог мой! — воскликнул я. — Среди машин тоже есть еврей?

— Да, — ответила она, — и «Кадиллак» — это точно еврей. Так что я не стану его покупать.

Но возможно, машину все же можно обратить в другую веру...

Все эти люди, будь они хоть священники, хоть раввины, такие же глупцы, как и все остальные, — и то же самое касается их Бога. Их Бог не лучше, потому что Он является их проекцией, а проекция — это всегда нечто меньшее, чем объект, который спроецировал ее.

В связи с этим мне вспомнилась еще одна история...

Раввин и христианский священник играли в гольф. Всякий раз, промахиваясь мимо лунки, раввин ругался:

— Дерьмо!

— Не пристало верующему человеку говорить такие слова, — сказал священник, — тем более раввину, священнослужителю! Нехорошо. Ты гневишь Бога.

Но разве возможно повлиять на раввина? Он снова промахнулся и снова воскликнул:

— Дерьмо!

Священник очень рассердился. Он сказал:

— Если ты еще раз это скажешь, Бог тебя накажет. Помни мои слова.

Но после очередного промаха раввин снова выругался:

— Дерьмо!

И бог действительно разгневался. С небес ударила молния, и раздался громогласный возглас:

— Дерьмо!

Потому что молния угодила в христианского священника! А чего вы еще ждали? Это ведь еврейский Бог!

Еврейский Бог не может слишком отличаться от раввина: это ведь проекция... то же самое сознание.

Зависть не видит одного простого факта: тебя научили считать себя ниже кого-то и выше кого-то. И это уже происходит совершенно неосознанно, ты постоянно даешь людям оценки: ниже, выше, хороший, плохой, прав, не прав. Не оценивай, не суди — каждый таков, каков он есть, и принимай его таким. Но это возможно лишь в том случае, если ты принимаешь себя как есть, без стыда, без чувства неполноценности.

В начале нашей беседы был задан вопрос, означает ли наша зависть, что мы ушли слишком далеко от самих

себя. Да. Сравнивая, ты уходишь слишком далеко в обоих направлениях. В одном направлении простирается бесконечная череда людей, которые выше тебя, а в другом — бесконечная череда тех, кто ниже. А ты посередине.

У тебя просто нет времени взглянуть в себя. Ты постоянно борешься за то, чтобы занять место человека впереди и в то же время оттолкнуть того, кто сзади, ибо он пытается занять твое место. Он тянет тебя за ноги, а ты тянешь за ноги кого-то еще. Это странная цепочка, где все тянут друг друга за ноги назад. В результате у всех проблемы, все напряжены.

Еще в Индии, когда у меня заболела спина, мне назначили медицинскую процедуру — вытяжку. Я спросил у Девараджа:

— А известно ли тебе происхождение вытяжки? Ты знаешь, что ты со мной делаешь?

— Не знаю, — ответил он. — Мне известно лишь, что вытяжка — это прекрасный медицинский инструмент, используемый повсеместно.

— Вытяжку изобрели в Средние века христиане для пыток. Это пыточная машина христиан! С одной стороны ты тянешь человека за ноги, а с другой — за руки. И естественно, человек признается тебе, в чем хочешь. Если хочешь, чтобы женщина призналась, что она ведьма, отправляй ее на вытяжку, и она признается, потому что в какой-то момент поймет: «Еще немного, и у меня оторвутся руки или ноги, так что лучше сказать, что я ведьма, и покончить со всем этим поскорее». Но как только она признавала себя ведьмой, ее сжигали заживо.

Это была пыточная машина, а медицинское применение ей нашли случайно. Как-то раз на растяжке пытали одного человека, обвиненного в ереси. А у него болела спина. И вот после того, как его сняли с машины, он воскликнул: «Бог мой! Моя спина больше не болит!» Терапевтические свойства растяжки были обнаружены совершенно случайно. С тех пор она стала медицинским инструментом — а до того являлась сугубо церковным инструментом.

А твоя жизнь — психологическая вытяжка. Именно поэтому у тебя нет ни времени, ни энергии, ни места для

самого себя. Ты постоянно всматриваешься в кого-то другого, либо чтобы почувствовать себя лучше...

Один христианский священник, Стэнли Джонс, был очень знаменит в свое время... Теперь он уже умер, но когда-то был всемирно известным христианским учителем, великим оратором. Не таким, как этот идиот Билли Грэхем! Стэнли Джонс был по-настоящему великим оратором, проникновенным и глубоким, — а Билли Грэхем типичный орегонец. Вы присмотритесь: Билли Грэхем наверняка родился в Орегоне. У него очень характерное придурковатое лицо...

Нет, Стэнли Джонс был по-настоящему яркой личностью — его знали во всем мире. Он путешествовал с проповедями по всей планете, но штаб-квартиру имел в Индии — создал христианский ашрам в Гималаях. Посещал он и Джабалпур, как раз в то время, когда я преподавал в тамошнем университете. Во время одной из проповедей, на которой я побывал, он рассказал замечательную историю. Не осознавая, что прямо перед ним сидит одна очень странная личность, Джонс сказал:

— Есть два типа людей. Одни постоянно смотрят на чужие небоскребы и чувствуют себя несчастными, потому что на соседском газоне трава всегда зеленее.

Она *всегда* зеленее. Издали все выглядит не так, как с близкого расстояния, — твой собственный газон кажется не таким зеленым. Твой собственный дом кажется грязным — а чужой дом очень красивым. Когда ты возвращаешься к себе домой, твоя жена постоянно ворчит и бранится. А когда ты заходишь в гости к своему соседу, они оба улыбаются — но ты забываешь одну вещь: когда сосед заходит в гости к тебе, вы с женой тоже улыбаетесь. Люди постоянно присматриваются к тому, что есть у других людей, им все время кажется, будто им самим чего-то недостает — это может быть что угодно!

Итак, Стэнли Джонс продолжил свою речь. Он говорил:

— Есть у меня старый друг, который всегда преисполнен надежд и оптимизма. Он действительно видит солнце сквозь любую, самую мрачную тучу. Поначалу я думал,

что это всего лишь философия, но Вторая мировая война показала, что он и вправду воспринимает мир именно так. Это не просто философия, но его сущность — христианская сущность.

Во время войны он потерял глаз, руку и ногу. Узнав об этом, я пошел его навестить. По пути я думал, что, возможно, друг утратил свое позитивное отношение к жизни, но, к моему изумлению, он был еще более радостным, чем прежде. Я спросил, в чем его секрет.

— Все очень просто, — сказал мой друг, — ведь это же основа христианства. Я благодарю Бога за то, что у меня остался хотя бы один глаз, одна рука и одна нога. Ведь многие потеряли обе ноги, оба глаза, обе руки, а миллионы так вообще лишились жизни. Думая о них, я понимаю, как мне повезло — я счастливчик!

Этой историей Стэнли Джонс хотел показать, что именно так должен относиться к жизни каждый христианин. Эта позитивная философия — величайшее наследие Иисуса Христа. Но я поднялся со своего места и сказал ему:

— Невозможно считать, что тебе повезло, сравнивая себя с теми, кто оказался в худшем положении, и при этом не почувствовать и себя в худшем положении, ведь, несомненно, существуют люди, оказавшиеся в *лучшем* положении. Невозможно разделять мир на хорошее и плохое, но при этом выбирать только что-то одно — это две стороны одной и той же медали.

Самое удивительное, что этот великий оратор и проповедник очень рассердился, швырнул на пол свои записки и покинул аудиторию. Когда он уходил, я сказал ему вслед:

— Видимо, именно вот это и есть подлинная христианская философия. Но ярость и бегство — не аргументы. И если вы захотите вернуться в этот город, помните: я буду ждать вас, чтобы возобновить спор, ибо вы ушли, оставив наш разговор незавершенным.

Он так больше и не вернулся в Джабалпур.

Ты удивишься, но предметом сравнения могут быть не только деньги и власть, но все что угодно. Когда я был ребенком, мальчики в Индии, как и девочки, носили серьги в

ушах. Сейчас этот недуг распространился уже и на Западе. Мои уши до сих пор сохранили следы проколов. Я сопротивлялся, как мог, но был слишком мал и родители настояли:

— Это нехорошо. Ведь у всех мальчишек есть золотые серьги, а ты один ходишь без них. Соседи постоянно спрашивают нас: «Неужели вы не можете позволить себе даже пары золотых колец?» Нам очень обидно!

Дались же им эти сережки... Я сказал им:

— Может быть, вам и обидно, а я думаю, что вы просто собираетесь испортить мне уши. Вы хотите проделать в них дырки, и мне придется терпеть боль. Если бы Бог хотел... Ведь Он сделал так много всяких вещей, и проколоть две дырочки в ушах — сущий пустяк для Него. Даже Святой Дух смог бы их проделать.

Но они и слушать не хотели, ведь их действительно сильно донимали. Приходили родственники и недоумевали:

— Это что еще такое! Почему ваш мальчик без сережек?

Так что без сережек никак. И это тоже свойство общества, основанного на сравнении и соревновании. В общем, меня заставили. Четыре человека удерживали меня на кровати, пока другие прокалывали оба уха.

— Ладно, — сказал я, — я слаб и беспомощен, и вы можете делать со мной любые глупости, но помните: я вам этого не прощу. Вы сделали это против моей воли, и я не стану носить ваших сережек. Или вы собираетесь таскаться за мной все двадцать четыре часа в сутки? Мы еще посмотрим, чья возьмет.

Раз за разом они вставляли мне сережки, а я от них избавлялся. В конце концов родители устали... да и дорого это: сережки — то золотые, а я просто выбрасывал их. Как только представлялась возможность — зашвыривал подальше.

— Оставим его в покое, — сдались они наконец.

— Если бы вы оставили меня в покое раньше, — упрекнул их я, — мои уши остались бы целы. Сам — то я не имею ни малейшей надежды спастись в этой жизни, но хоть уши были бы спасены.

Соперничество во всем, странные дела... Если ты живешь в коммуне или в сообществе хиппи, тогда чем ты грязнее, тем выше твой статус. Я говорю это к тому, что соперничество привязано не только к деньгам, или власти, или чему бы то ни было конкретному. Можно чувствовать себя выше или ниже других, ориентируясь на все что угодно. И хиппи, никогда не принимающий ванну, несомненно, выше тех хиппи, которые пока еще не дозрели до такого и время от времени испытывают потребность принять душ. Конечно же, он намного выше их: он никогда не принимает ванну, не чистит зубы, не использует мыло и тому подобную дрянь. Он остается совершенно естественным. Потеть — это естественно, вонять — естественно. Все смотрят на него снизу вверх: ты не так силен, как он. Время от времени ты даешь слабину: тебе хочется принять ванну. Но даже когда какой-нибудь хиппи и принимает ванну, он старается скрыть это.

В Индии есть такие монахи. Когда-то у нас дома останавливался индуистский монах, друг детства моего отца. У отца был магазин тканей, и всякий раз, когда этот монах приходил, отец делал ему хорошую одежду. Если была зима, он ему шил зимнюю одежду из шерстяной ткани. А что делал монах? Прежде всего он пачкал одежду — вываливал ее в грязи, чтобы она выглядела старой и грязной, ибо монаху не подобает ходить в красивой одежде и выглядеть современно.

Отец использовал лучшие свои ткани, а я ему говорил:

— Ты впустую тратишь материал. Этот человек даже дыры делает в одежде, чтобы она выглядела старой.

Все дело в том, что он был монахом довольно высокого ранга. Если одежда монаха не грязна и не стара — если он не ходит в лохмотьях, — значит, его все еще интересуют наряды. Значит, он все еще привязан к материальным вещам. Между ними тоже соперничество: у кого самые ветхие лохмотья.

Есть индуистские монахи, которые не станут просто так есть пищу, которую ты им пожертвуешь. Вначале они окунут ее в реку, чтобы полностью испортить, затем свалят всю свою еду в одну кучу в миске для подающих, чтобы

соленое перемешалось со сладким и прочими вкусами, — и лишь тогда едят. Это считается аскетизмом. А того, кто так не делает, считают среди них низшим, ибо он все еще живет ради вкуса пищи — нужно полностью уничтожить всякий вкус.

Конечно, если ты постоянно завидуешь и соперничаешь со всеми вокруг, как можешь ты вернуться к себе? Мир огромен, в нем очень много людей, и ты соперничаешь с каждым из них. И ведь действительно соперничаешь. У кого-то красивое лицо, у кого-то красивые волосы, у кого-то красивое пропорциональное тело, у кого-то мощный интеллект, кто-то художник, кто-то поэт... Как ты справишься со всем этим? Ты действительно собираешься один с ними всеми соперничать? Да ты просто сам себя доведешь до безумия — и именно это произошло со всем человечеством.

Отринь соперничество, отринь зависть. Это совершенно бессмысленно. Это коварный механизм, сотворенный священниками, чтобы ты никогда не стал самим собой — ибо это единственное, чего боятся все старые религии.

Будучи самим собой, ты обретаешь удовлетворение, умиротворение, экстаз. И кого тогда интересует Бог? Ты и есть Бог. Ты распробовал на вкус божественную сущность внутри себя. Теперь тебе нет дела даже до самого императора — ты не считаешь, что он выше тебя. Как он может быть выше тебя? Ты распробовал нечто великое, принадлежащее иным измерениям — а что есть у этого бедняги? Ты можешь испытывать к нему сострадание, но не считаешь, что ты ниже него. И ты не считаешь, что какой-нибудь нищий ниже тебя, ибо ты знаешь, что внутри него тоже есть то, что ты обнаружил в себе.

Между тобой, нищим и императором нет качественной разницы. Различия только внешние: одежда, титул, ездовой слон царя, лохмотья бродяги. Но все это не настоящие различия — эти различия не делают вас разными.

Внутри себя ты найдешь покой, безмятежность, тишину, сокровище непостижимое. И обнаружив его, ты осознаешь, что оно есть у каждого, — вопрос лишь в том, знает ли об этом человек. Знание и незнание — вот единственное различие. Но на уровне бытия каждый имеет в

своим распоряжении всю красоту мира, красоту Вселенной — весь экстаз и танец Вселенной. Да, он проявляется по-разному, и не нужно думать, будто тот, кто проявляет его через танец, чем-то лучше, чем тот, кто проявляет его через песню, или тот, кто проявляет его через тишину. В любом случае проявляется один и тот же экстаз.

Ты обнаружишь это только тогда, когда войдешь в свой мир самодостаточности, уединенности, где больше нет никого. Тогда общество остается далеко позади — ведь именно общество все время мешало тебе. Ты оставишь позади всех священников, все религии, все политические партии. Теперь ты — почти никто.

Я говорю «почти», потому что на самом деле ты впервые являешься кем-то — но совсем на другом плане. Ты никогда даже не думал об этом — о том, что таким может быть твое существо: настолько глубоким, настолько полным, настолько вечным. А что ты потеряешь, отринув зависть, и соперничество, и сравнения? Ничего.

Тебе нечего терять, кроме своих цепей, а обретишь ты целое Царство Божье, которое внутри тебя.

ОДИССЕЯ САМОДОСТАТОЧНОСТИ

*Ошо,
наша коммуна не похожа на традиционные аш-
рамы или монастыри. Не расскажешь ли Ты нам по-
больше о функциях твоей коммуны?*

Прежде всего необходимо понять традиционную структуру *ашрама*, а также монастыря. Это даст тебе основу для понимания моей коммуны.

Ашрам — восточная структура, основанная на концепции отречения от общества, его удобств и радостей. Ашрам — это группа людей, живущих совместно и практикующих аскезу — то есть добровольную бедность и недоедание, которое называется постом. Они истязают свое тело, чтобы установить власть духовного начала над физическим, а также выполняют различные упражнения, помогающие им сосредоточиться на идее Бога, если это индуисты, либо же на идее высшего развития человеческого сознания, если это буддисты или джайнисты.

Но цель очень далека для всех этих трех религий — называют ли они ее Богом, или Буддой, или Джиной. Это просто разные слова, не означающие ничего конкретного, но лишь указывающие на далекий берег — настолько далекий, что ты даже вообразить его себе не можешь. Он остается только смутной идеей, туманной идеей в твоём уме. И ради этой туманной идеи тебе нужно пожертвовать всем реальным, плотным, осязаемым — тем, что ты можешь увидеть, можешь потрогать, можешь прожить. Необходимо пожертвовать всем живым ради пустой утопии.

Знаешь ли ты точное, буквальное значение слова «утопия»? Буквально это слово означает «то, что никогда не происходит»; «надежды, которые никогда не

сбываются»*. Она может занимать твоё внимание на протяжении веков — и она действительно занимала внимание людей веками. Они до сих пор вовлечены в те же усилия: утратить то, что есть, во имя чего-то, что не подтверждено никакими свидетельствами, никакими доказательствами и даже никакими доводами.

Слово «ашрам» очень красиво, но оно используется в совершенно неправильном контексте. «Ашрам» означает *место для расслабления*. Да, в самом начале, пять тысяч лет назад, во времена Вед ашрам действительно был местом для расслабления — не для аскезы. Ты удивишься, потому что за последние пять тысячелетий создан такой культ аскетизма, что люди совсем забыли, как оно было вначале. А было вовсе не так, как сейчас.

Риши и *муни*... тебе нужно понять эти два слова. *Риши* означает «поэт сознания». Только на Востоке слово «поэт» обозначается двумя словами: *кави* и *риши*. *Кави* в точности означает «поэт», но слову *риши* нет соответствия в английском языке. *Риши* — это поэт пробужденный. Он точно так же поет — но эти песни создал не он сам, они просто просочились через него, они идут от самого мироздания. Как цветут цветы, так же расцветают стихи. Просто поэт — лишь комбинатор, он играет со словами, с их ритмом, со звуком, и ему удается складывать песни, обладающие смыслом и ритмом.

Лучше никогда не знакомиться с поэтами. Возьми себе за правило никогда не иметь дела с поэтами. Его поэзия прекрасна, но сам поэт слишком экстра-ординарен. Я не имею в виду «экстраординарный» одним словом. Я использую слово «экстра», чтобы усилить слово «ординарный»: экстра ординарный. Не знаю, кто придумал слово «экстраординарный», но в действительности оно должно означать «последний», «самый последний»: не просто ординарный, а сверх-ординарный. Люди, которые придумали это слово, по-видимому, употребляли его в смысле «выше ординарного», но «экстраординарный» может иметь оба значения. Одно можно сказать наверняка: поэт

* Буквально: «не место», или «место, которого нет». — Прим. перев.

не ординарен — он может быть выше ординарного или ниже ординарного.

Существует много таких же двойственных слов. Например, психологи используют слово «анормальный» (*abnormal*). «Анормальный» может означать безумец, псих, шизик, чокнутый — или как там еще. Но это же слово может означать «выше нормального»: Будда, Иисус, Моисей, Заратустра. И те, и другие анормальны в том смысле, что они не вписываются в норму — но отклоняться от нормы можно в обе стороны. Точно так же слово «экстраординарный» используется только в отношении тех личностей, которые *превосходят* ординарных людей. Я пытался разобрататься, почему оно не используется в отношении идиотов, пребывающих ниже уровня ординарности. Они ведь тоже экстраординарны. Откуда такая несправедливость?

Изначально ашрам — само слово «ашрам» — означает «время для расслабления», «место для расслабления». *Шрам* — значит труд, работа. А слово «ашрам» означает, что ты сделал то, что нужно было сделать, и теперь настало время побыть в состоянии не-действия. Вся твоя жизнь прошла в действии. Когда ты познаешь странный и экстраординарный мир бездействия?.. настолько тотально безмолвный, что в нем нет ни малейшего движения. Ашрам — прекрасное слово, и придумавшие его люди на самом деле занимались именно этим. Но это история пяти тысячелетней давности, и в течение всех этих пяти тысяч лет шел непрерывный процесс разрушения.

Ты будешь потрясен, узнав, что слово *риши* можно перевести как «видящий». Обычный поэт слеп, он шарит во тьме — а *риши* имеет глаза. Слепец тоже может петь песни о прекрасных восходах и закатах, о цветочках и красках, о радуге — да, слепец вполне может петь...

В действительности слепые бывают отличными певцами по той простой причине, что восемьдесят процентов энергии тела используется глазами, а когда человек слепнет, эти восемьдесят процентов перераспределяются к ушам, носу, рту — другим органам чувств, на которые в ином случае приходится лишь двадцать процентов энергии. Когда зрения нет, другие чувства могут разделить между собой все сто процентов энергии. Поэтому у слепых слух

очень обостряется. Ты не услышишь то, что слышит он. Он запоминает мир на слух.

Однажды я садился на поезд ночью. Вошел в свое купе. Верхняя полка была занята, а я забронировал как раз нижнюю. Итак, я сел на свою нижнюю полку и отдал распоряжения проводнику: в котором часу я хотел бы получить утром свой чай, когда принести мне завтрак... я не имел ни малейшего представления о том, кто лежит на верхней полке. Но тут этот человек произнес:

— Ошо?

Взглянув наверх, я не узнал своего попутчика.

— Да. А вы кто?

— Забыли меня? Я Шаранананда.

Это был очень известный индуистский мудрец. Слепой. Я встречался с ним за двенадцать лет до того. И за прошедшую с тех пор дюжину лет я виделся с миллионами людей — его лицо совершенно стерлось из моей памяти. Но как он сумел запомнить меня, будучи слепым — слепым от рождения? Я сказал ему:

— Шаранананда, вы творите чудеса! Ваши глаза не видят, но вы меня узнали. А я зряч, но вас не узнал.

— Это именно из-за ваших глаз, — ответил он. — Я не вижу, но запоминаю на слух. Звук вашего голоса, манера разговора — все малейшие нюансы откладываются в моей памяти. К тому же встреча с вами и наш тогдашний разговор мне очень запомнились. И я услышал ту же манеру, тот же звук, когда вы разговаривали с проводником. Я сразу же вас узнал. Никто другой не говорит так, как вы.

Вы сказали проводнику: «Только не будите меня, потому что мое утро начинается тогда, когда я просыпаюсь сам, так что чай подождет. Когда я проснусь, то позвоню в колокольчик — тогда и принесите мне чай». Как только вы произнесли: «Мое утро начинается тогда, когда я просыпаюсь сам», — я сказал себе: это не может быть никто другой. Я не знаю больше никого в целом мире, чье утро начинается с пробуждением — утро начинается тогда, когда оно начинается... но вы можете сказать такое, *только вы* можете сказать такое!

Видящий — это тот, кто не шарит во тьме, только лишь представляя себе вещи. Да, у слепого человека воображе-

ние очень усиливается, поскольку он не видит — вся его энергия переходит внутрь. В противном случае энергия излучается наружу, через глаза, ибо глаза — это двери, открытые во внешний мир. Когда глаза закрыты, энергия движется внутрь.

Вот почему во время медитации люди закрывают глаза. Это очень простая стратегия: закрыв глаза, ты запираешь двери — энергия не может выйти наружу — и движется внутрь. Поэтому у слепых очень богатое воображение. Они могут говорить о цветах, хотя никогда их не видели. Они могут говорить о свете, хотя никогда его не видели. Но все же, сколь бы сильным ни было их воображение, оно не правдиво, оно не реально.

В Индии мы называем таких людей *кави* — поэты. Но не ищи с ними встреч, потому что поэт — очень ординарная личность. Я убеждался в этом так много раз, что воспринимаю это почти как непреложное правило: как раз на днях я впервые посмотрел фильм о певце, который поет на урду, Гуламе Али. Он один из лучших певцов на урду — у него своя манера, свой стиль. Многие поют на урду — но Гулам Али далеко превосходит их всех. Однако я всегда только слушал его пение — так получилось, что я никогда не видел Гулама Али.

Мы оба путешествовали по одной и той же стране, но так уж вышло, что ни разу не оказались одновременно в одном и том же городе. Он хотел познакомиться со мной. В Индии великого музыканта, великого певца называют *устад* — маэстро. У него есть ученики — в точности как у духовных мастеров, ибо восточная музыка требует долгого дисциплинированного обучения. Это не то, что джаз, — каждый идиот может скакать с завываниями по сцене, и это назовут музыкой. Тут нужно двадцать–тридцать лет учиться по восемь–десять часов в день. Это работа всей жизни.

Гулам Али всегда работал очень много — и работает до сих пор. Говорят, что в индийской музыке, если ты не будешь практиковаться в течение всего трех дней, все люди заметят, что в твоём исполнении что-то не так. Если ты не практикуешься два дня, тогда только твои ученики заметят изъяны в твоём исполнении. А если не практику-

ешься один день, то заметишь лишь ты сам. Так что нельзя пропускать ни единого дня.

И вот на днях кто-то из пакистанских знакомых прислал мне фильм о Гуламе Али. И произошло именно то, чего я ожидал. Как личность, он оказался настолько убог, что мне сложно связать этот прекрасный голос с человеком, который больше похож на почтового клерка, или железнодорожного контролера, или кондуктора в автобусе — примерно такого типа человек. Почти весь фильм я просидел с закрытыми глазами, так как его лицо, его глаза, его руки, его жесты — все это раздражало. Я подумал, что нужно послать ему предложение: «Вам лучше бы петь за занавесом. Не стоит показываться людям — ваш внешний вид разрушает музыку. Музыка почти божественна, но когда видишь того осла, от которого она исходит... никак не получается связать их воедино».

Вот и на днях произошло то же самое. Прежде я никогда не видел Мехди Хасана — еще одного великого певца, намного более современного, чем Гулам Али. Гулам Али очень консервативен, он принадлежит старой школе. А Мехди Хасан новатор — настоящий гений. Обучался он по методикам той же старой школы, но не остался в ее рамках. Он разработал новые направления, новые стили — по-настоящему творческий человек. Гулам Али не творит ничего нового; он воспроизводит древние песни в точности так, как их исполняли тысячелетиями. Слушая его, ты вслушиваешься в глубины тысячелетий — за ним стоит целая традиция.

Эти певцы принадлежат так называемым *гаранам* — *гарана* означает «семья». Они не принадлежат к семье своего отца и матери, они принадлежат к семье мастера, у которого учатся. Это их *гарана*. Их знают по имени мастера, а мастера знают по имени его мастера. История *гаран* исчисляется тысячелетиями, и каждое поколение учит следующие поколения брать в точности тот же тон, ту же волну.

Но Мехди Хасан ультрасовременен в своем подходе, у него есть творческий гений, и это намного более важно, чем верность традициям. Я полюбил его потому, что он привнес в исполнение древних песен новый свет, новую манеру. Он подходит к делу творчески, и от этого песня кажется почти

новой, возрожденной, свежей, словно только что раскрывшийся цветок с капельками росы на лепестках.

Но как же грустно смотреть на него самого. Он еще хуже, чем Гулам Али! Гулам Али хотя бы похож на кондуктора в автобусе, а Мехди Хасан даже и кондуктором быть недостоин. Гулам Али не сочетается со своим пением. Но Мехди Хасан абсолютно противоречит тому, что поет. Странно, что я никогда не встречался с этими двумя людьми, которых видел на экране. И такова была моя обычная практика во все время моей жизни в Индии. Я читал поэтов, слушал их по радио — но не знакомился с ними, ибо в свое время знакомства с поэтами неизменно оборачивались для меня разочарованиями.

Присутствующий здесь Майтреяджи знаком с великим индийским поэтом Рамдхари Сингхом Динкаром. Они оба родом из Патны и дружат издавна. Динкар написал несколько очень возвышенных песен. Он внес большой вклад в индийскую поэзию. Его называют великим поэтом — *махакави*, не просто *кави*, но великий поэт. Он — единственный, кого называют *великим поэтом*.

К сожалению, он захаживал ко мне в гости. Он любил меня, я любил его — но он мне не нравился. Любовь — духовное явление, ты можешь полюбить кого угодно, но симпатия — явление более физическое. Всякий раз, когда Динкар ко мне заходил, он заводил беседу о каких-то таких глупостях, что я говорил:

— Динкар, люди ждут от тебя чего-нибудь более поэтического.

— Но я же не могу быть поэтом двадцать четыре часа в сутки, — оправдывался он.

— Это верно! — соглашался я. — Но приходи ко мне лишь тогда, когда ты поэт! А в другое время не приходи, потому что я дружу с поэтом Динкаром, а не с тобой.

Приходя в гости, Динкар заводил разговор о политике — он баллотировался в парламент. Либо же без конца говорил о своих хворях. Мне было тошно от его болтовни. Я сказал ему:

— Перестань рассказывать мне о болячках. Люди приходят ко мне для содержательных бесед, а ты только и делаешь, что живописуешь свои недуги.

Но если я запрещал ему говорить о политике, он переключался на болезни. А если я запрещал говорить и о болезнях, то он заводил разговор о своих сыновьях:

— Они сведут меня в могилу. Ни один меня не слушается. Нужно будет послать их к тебе.

— Ты меня уже совсем доконал, — говорил я. — Теперь даже твои новые книги не доставляют мне радости: как только берусь читать, сразу вспоминаю тебя. Ты маячишь между строк и нудишь о своем диабете и о политике...

Он постоянно жаловался на диабет и при этом все время просил сладостей!

— Никак не могу от них отказаться! — говорил он.

Он и умер — то от того, что все время ел то, что запретили ему врачи. И он прекрасно помнил о запретах: постоянно перечислял мне, чего ему нельзя, и спрашивал:

— Ошо, не знаешь ли ты какую-нибудь хитрость, чтобы я мог есть все это, несмотря на свой диабет?

Майтреяджи хорошо знал его.

В Джабалпуре жила известная поэтесса Шубхадра Кумари Чаухан. Я читал ее стихи с самого детства; она постоянно прославляла свободу и призывала к революции. Во времена борьбы за независимость ее песни были настолько популярны, что их напевали даже маленькие дети. Я знал несколько ее песен еще до того, как научился читать. Когда я поступил в университет, то узнал, что она тоже живет в Джабалпуре. Родом — то она не оттуда, родилась она как раз неподалеку от моей родной деревни. Правда, я узнал об этом позже — о том, что родительский дом Шубхадры находится всего в двадцати милях от моей деревни, а в Джабалпур она переехала всего за пару лет до меня.

Увидев эту женщину, я сказал себе: «Бог мой! Такая прекрасная поэзия и такая бесприютная... то есть я хотел сказать неприметная...» Ее вид настолько потряс меня, что я даже забыл слово «неприметная!» Она даже хуже, чем неприметная, а я не знаю слова хуже. «Отвратительная» вообще не подходит к людям, ибо в этом слове слышится осуждение, а я хочу только описать, а не осудить, поэтому «неприметная». «Неприметная» означает, что у тебя нет ни малейших причин обратить на нее внимание — пускай себе идет мимо.

Был еще один известный на всю Индию поэт, Бхавани Прасад Тивари, очень меня любивший. Я был совсем молод, когда начал проводить публичные беседы. Первую беседу я провел лет в двадцать, в 1950 году, а Тивари был председателем на той конференции. Он был так потрясен моим выступлением, что даже отказался от собственной заключительной речи, которую должен был произнести как председатель. Он сказал: «Я не хочу своей речью смазать впечатление от выступления этого молодого человека. Я хочу унести его слова домой во всей их чистоте, чтобы спокойно помедитировать над ними. И вообще, я не хочу произносить речь — ведь это он должен быть председателем, а я — обычным докладчиком». И с этими словами закрыл конференцию.

Все были поражены, так как он был старым человеком, очень знаменитым. Он посадил меня в свою машину и спросил, куда меня отвезти. Так мы с ним и познакомились. Я сказал:

— Я потрясен. Вы, вне всяких сомнений, человек, преисполненный любви и понимания. Я читал ваши стихи, и они мне всегда очень нравились. Ваши стихи просты, но в своей простоте они подобны неограниченным алмазам. Нужен глаз ювелира, чтобы оценить красоту неограниченного, неотполированного алмаза, только что извлеченного из шахты — новорожденного.

И еще я могу сказать, что, читая вашу поэзию, я всегда чувствовал себя, словно в начале сезона дождей в Индии, когда из туч только начинает сыпаться дождик и земля сладко пахнет свежестью — измученная жаждой земля. И этот запах земли оставляет такое чувство, как будто ты утолил свою жажду.

Так я всегда воспринимал вашу поэзию. Но теперь, видя вас, я испытываю разочарование...

Потому что у этого человека за обеими щеками было по листу бетеля и с уголков его рта на одежду стекал похожий на кровь сок. Он делал это непрерывно, целый день. Постоянно подготавливал новые листья. Тивари постоянно носил с собой заветный мешочек. И всякий раз, когда я его видел, он непрестанно... Вот так это и выглядело: берет

лист в руку, мнет его, подготавливает, жует — и повсюду этот красный сок.

— Вы полностью разрушили мои представления о поэте... — сказал я.

С тех пор я избегаю поэтов, ибо понял: они слепцы, у которых лишь изредка случается полет воображения. Но уже пять тысяч лет назад на Востоке было известно, что поэты бывают слепые и зрячие — и следует их различать.

Риши говорит потому, что он *видит*. И у его поэзии есть отдельное название — она называется *рича*, потому что исходит от *риши*. *Рича* — это поэзия, источником которой является пробужденное осознание бытия.

Эти люди не были аскетами. У них были жены, дети, прекрасные ашрамы — настолько прекрасные, что даже цари приезжали туда для отдыха. Цари посылали своих детей пожить с семьей *риши* в ашраме, так как прекраснее ашрамов просто ничего не было.

Ашрамы располагались глубоко в лесах, в горах, возле великих рек Индии, и в них обитали просветленные люди. У *риши* была жена, дети. Он был самым обычным человеком — таким же, как вы, он отнюдь не стремился к власти. Его не интересовал ни Бог, ни рай — он радовался жизни *здесь*.

Даже цари завидовали *риши* и приходили к ним за советом, потому что эти люди были не просто духовными наставниками, но могли использовать свое зрение, чтобы увидеть все что угодно. Они не испытывали отвращения к богатству. Поначалу все ашрамы были невероятно богаты, ибо к ним постоянно шли деньги от царей. И к каждому *риши* обращался не только один правитель, поскольку ни один *риши* — и его ашрам — не принадлежал какому-то конкретному царству.

Вот как сильно их уважали на Востоке: нельзя было объявлять *ашрам* какого-либо *риши* частью своего государства. *Риши* были независимы, и к ним приходили цари любых стран. *Риши* не являлся собственностью какого-либо царя, который мог бы сказать: «Ты должен давать советы только мне. Я выделил тебе землю, я дал тебе денег, окружил роскошью и комфортом, обеспечил защиту, поэтому те-

перь ты только мой личный советник». Нет, такая ситуация была невысказана.

Если *риши* принимал твое приношение, это само по себе честь для тебя. Он мог и не принять. Нужно было поблагодарить его за то, что он взял твой подарок. Возможность сослужить ему службу — большая честь для тебя. А он не принадлежал никому. Его территория была независимой, и на его территории мог найти убежище любой человек — даже преступник. Там преступник был недосыгаем для властей, от которых он сбежал. Во владениях *риши* его нельзя было схватить, равно как нельзя было туда направить полицию или армию. Владения *риши* были священны.

Можно сказать с полной определенностью, что с древним восточным ашрамом не могло сравниться ничто — даже царский дворец. Царь шел туда по любому случаю, чтобы получить благословение. Он прикасался руками к стопам *риши*, ибо знал, что сам он слеп и хорошо бы получить благословение и наставление от того, кто имеет глаза. И не раз случалось так, что войны удавалось избежать лишь потому, что оба царя приходили к одному и тому же *риши* с вопросом:

— Наши армии стоят лицом к лицу — что нам делать?

А *риши* отвечал:

— Вы еще спрашиваете, что делать? Возвращайте своих солдат по домам! Не будет никакой драки. Пока я жив, ваши армии не должны больше выступать друг против друга.

И было так, как он сказал. Войну откладывали до его смерти — до того она не могла состояться. О том, чтобы пренебречь его словом, не могло быть и речи. У *риши* не было политической власти, не было армии, но оба царя знали, что у него есть глаза, и если он увидел, что так будет лучше для обоих, значит, не о чем и спорить. «Мы слепы. Мы отступим».

Но с рождением буддизма и джайнизма — двух других религий Индии — возникли проблемы. Эти религии полностью изменили характер ашрама. Первое, на что следует обратить внимание: у буддистов и джайнов вообще нет ашрамов. Разрушить ашрам — поскольку ашрам был

оплотом брахманизма, индуизма, и при этом никто не был папой, не был избранным...

Ты не можешь избрать будду. Невозможно даже представить себе выборы будды. По каким параметрам, по каким критериям? Представь себе, как слепцы избирают зрячего. Как они определяют, что у него есть глаза? Ведь у них самих глаз нет, так что увидеть они не могут. Перед ними стоят два кандидата, и оба утверждают: «У меня есть глаза. Голосуйте за меня». Видишь абсурдность такой ситуации? Итак, слепцы могут сказать: «Как нам решить? У нас нет глаз, поэтому мы не видим: то ли вы тоже оба слепы, то ли у обоих есть глаза, то ли один слепой, а другой зрячий. Мы никак не можем определить».

Будда — пробужденный человек — должен заявить о себе. Речь не о том, чтобы кто-то его выбрал, назначил. Кто может номинировать его? Кто может назначить? Кто может выбрать?

У Мехди Хасана — я упоминал о нем выше — есть песня с такими словами: «Я зрячий продавец очков в стране слепых». Услышав эту строчку — «Я зрячий продавец очков в стране слепых», — я сказал: «Ты не можешь быть зрячим. Лишь одно можно утверждать наверняка: ты не можешь быть зрячим. Ведь зрячий, который продает очки в стране слепых, тем самым показывает, что он еще более слеп, чем все те люди, кому он продает очки! Слепец, не могущий разобраться, кто зряч, а кто нет».

Итак, эти *риши* не были папами. Католический папа — выборный пост; его выбирают две сотни кардиналов. И каждый из этих двух сотен втайне ведет избирательную кампанию, чтобы выбрали именно его. Это секретное мероприятие. В течение нескольких дней они пребывают взаперти в особом помещении в Ватикане. В течение нескольких дней эти две сотни человек сидят за закрытыми дверями, чтобы мир не знал, как проходят эти выборы — как избирают папу.

Все они ведут кампанию в поддержку себя самих — каждый за себя либо же за того, кто впоследствии станет ему помогать. На то, чтобы избрать одного человека, уходит несколько дней — и этот выбор далеко не единодушен. Иногда бывает два кандидата — и тогда приходится

голосовать. Иногда есть три кандидата, и ни один не готов отступить. Путем голосования две сотни небезупречных кандидатов должны избрать из своего числа одного непогрешимого папу! Этот мир — воистину странное место.

В случае *риши* дела обстояли совсем не так. Но джайны и буддисты полностью изменили восточный образ жизни. Вначале для уничтожения ашрамов они решили, что у них вообще не будет ашрамов. Поэтому джайнистские и буддистские монахи — странствующие. У них нет ашрамов, ведь если у тебя есть ашрам, возникает возможность сосредоточивать там удобства и предметы роскоши. Это ведь естественно.

Люди тебя любят и уважают, а потому дарят тебе разные вещи. И ты будешь копить вещи для разных сезонов: когда придет сезон дождей, тебе понадобится зонтик, так что ты будешь хранить у себя зонтик, несмотря на то что в текущий сезон он не нужен. Так ты начинаешь владеть вещами. В дожди будет неудобно выходить на улицу, поэтому ты заранее запасешься продуктами. Зимой тебе потребуются шерстяная одежда — так что тыохранишь и ее.

Человеку не удастся избежать накопления имущества, а буддизм и джайнизм решительно настаивали, что монах не должен владеть почти ничем, а джайнистский монах — абсолютно ничем. Он был наг, даже без чашки для подаяний, что прежде всегда считалось приемлемым. Никто даже и вопросом не задавался о том, является ли чашка для подаяний имуществом.

Но джайнизм не допускал даже владения чашкой для подаяний — нужно обходиться руками. Если все животные обходятся без чашки — а люди ведь намного разумнее, — то и ты можешь обойтись без нее. Поэтому они пьют из собственных ладоней, едят из ладоней — это и есть их чаша для подаяния. Им не позволялось иметь ашрамы, потому что ашрам — это собственность, имущество. И они постоянно странствовали. Джайнистскому монаху не дозволяется оставаться на одном месте больше трех дней.

Несомненно, в основе этого есть рациональное зерно, ибо я пронаблюдал: если ты остаешься на одном месте, то вскоре тебе становится комфортно. Например, в первую ночь тебе не удастся уснуть: новое место, новый дом...

Все тебе неудобно — но это просто новизна. Возможно, ты привык спать на круглой кровати, а тут кровать прямоугольная — и этого достаточно! Ты привык спать в квадратной комнате, а здесь комната круглая — у тебя такое ощущение, как будто ты оказался на дне колодца. И даже если тебе удастся заснуть, ты будешь то и дело просыпаться.

В первую ночь тебе очень трудно, во вторую ночь — попроще, а на третью ночь становится уже комфортно. Я знаю это из собственного опыта, потому что путешествую вот уже тридцать лет, останавливаюсь в чужих местах, в чужих домах. Вы не поверите — я гостил и в самых убогих домишках, какие только можно себе представить, и в самых роскошных дворцах мира.

Это было для меня настоящей проблемой, ведь я постоянно мотался по стране, даже и трех дней нигде не оставался. Я не джайнистский монах, поэтому у меня не было и трех дней. Утром я в Калькутте, после обеда — в Мумбае, а ближе к вечеру уже в Дели. Большую часть времени я проводил в поездах, самолетах, автомобилях, но время от времени оказывался и в домах. Должен вам признаться, что я настолько привык спать в купе поездов при работающем кондиционере, что в домах мне было даже неуютно. Мне было комфортно только в поезде под весь этот шум, движение, суету на остановках, снование пассажиров. Это стало для меня условием комфорта.

Когда мне приходилось ночевать в доме, я просыпался по нескольку раз за ночь с мыслью: «Почему нет станций?» Ведь индийские станции шумны, там вечно торгуют всякой всячиной, даже посреди ночи. Вся станция бурлит, живет, она полна людей, и кроме вагонов первого класса с кондиционерами, все остальные вагоны переполнены. Вагоны третьего класса — для всех — забиты до отказа. На каждом отсеке написано, что он предназначен для перевозки тридцати пассажиров, а туда набивается шестьдесят, девяносто. И как они только ухитряются...

Пару раз — просто для того, чтобы узнать, каково это, — я путешествовал третьим классом. И путешествие третьим классом в Индии — воистину потрясающий опыт. Отсек рассчитан на тридцать человек, а на самом деле там их девяносто или сотня — нет ни дюйма свободного про-

странства, даже пошевелиться невозможно. В туалет не сходишь — тем более что туалет тоже забит людьми. И в любом случае туда не добраться. Но даже если ты доберешься, каким-то образом протолкавшись среди людей, там места нет — он тоже забит под завязку. Люди даже на крышах путешествуют. Торчат из всех дверей и окон.

Однажды я ехал третьим классом из Гвалияра в Дели — просто так, чтобы покататься. Поскольку я уже выпался, а на улице стояла прекрасная ночь с полной луной, я сказал себе: «Поеду-ка я третьим классом. Развлекусь».

У меня был билет в первый класс с кондиционером. Когда я показал билет станционному кондуктору, он несколько раз переводил взгляд с билета на меня, и в его глазах было написано, что я — сумасшедший.

— Вы правы, — сказал я.

— Очень странно, — сказал он, возвращая мне билет. — Зачем вы здесь? Для вас забронировано место, оно будет пустовать.

— Пусть пустует. Если меня утомит этот опыт, я перейду туда.

— Какой опыт? — не понял он.

— Вы даже не знаете, что здесь происходит, — сказал я. — Если хотите, давайте проедем вместе одну станцию.

Он действительно проехал со мной одну станцию и сказал:

— И вправду незабываемый опыт.

А дело в том, что на станциях свет в вагонах включали, а после того, как поезд тронется, выключали. Девяносто человек в небольшом отсеке... Кто кого потянул за ногу? Так весело! Никогда в своей жизни я так не развлекался.

Рядом со мной сидел индуистский монах. Я постукивал его по голове, а он мне жаловался:

— Ошо, кто-то бьет меня.

— В темноте не разберешь, — отвечал я. — Наберись терпения. А если хочешь, тоже кого-нибудь стукни! Тут не имеет значения, кто кого бьет.

Кто-то потянул за ногу женщину, сидевшую на верхней полке, и она упала.

— Что за безобразие! — возмущалась она. — Как можно поступать так с женщиной? Кто этот негодяй?

Но в темноте вычислить негодяя не удалось, а на следующей станции все сидели, как ни в чем не бывало. На станции свет снова включали. Если бы наоборот, было бы намного проще. Если бы свет отключали на станции, проблем не было бы, потому что в вагон все равно пробивается свет, который горит на вокзале.

В вагоне царило истинное безумие, люди кричали во тьме: «Кто-то тащит меня за ногу!» И: «Кто этот гад?» И: «Я ведь узнаю, кто это, и тебе не поздоровится!» И: «Ну пожалуйста, перестань тянуть меня за ногу!» Но никто не отвечал. В третьем классе ты знакомишься с настоящей Индией. Вагон с кондиционером — это вообще не Индия.

Позволять джайнистским монахам оставаться на одном месте не более трех дней — тонкий психологический ход, — я из собственного опыта знаю, что по прошествии трех дней ты уже чувствуешь себя комфортно. Вот они и отвели три дня, чтобы ты не расслаблялся. Должно быть, в числе основателей был кто-то, кто тоже хорошо изучил это на опыте. Это точно, как-то я попросил нескольких моих друзей проверить мои наблюдения, и они, все как один, сказали: «Да, верно: через три дня ты расслабляешься и начинаешь чувствовать себя как дома. Новое место перестает быть новым. Именно столько времени нужно, чтобы познакомиться с ним, обрести некоторое взаимопонимание с ним».

Да, взаимопонимание важно — со стенами, мебелью, людьми, пищей. Нужно раззнакомиться с окружающими, а на это уходит некоторое время. Так что их решение было выверено четко — они отмерили срок безупречно: джайнистскому монаху нельзя оставаться на одном месте более трех дней, чтобы не возникало привязанностей. Если тебе полюбились какое-то место, это уже начало привязанности, зарождение желания — тебе хочется побыть здесь подольше, а затем...

Мне вспомнилась одна история:

Умирал один великий Мастер. Он призвал к себе главного ученика и прошептал на ухо:

— Запомни одно: никогда не впускай кошку в дом, — и умер.

«Что это за послание такое?.. И ради этого ты меня по- звал? “Никогда не впускай кошку в дом...”». И старший ученик решил посоветоваться со старыми мудрецами — может быть, они поймут смысл сказанного. Он спрашивал у них:

— Возможно, это какое-то кодовое слово... иначе к чему это сказано? Мастер умер, так ничего и не объяснив. Я как раз собирался спросить: «Почему ты всю жизнь так не любил кошек? Неужели это и есть резюме всего твоего учения, практик, трактатов, исследований: “Никогда не выпускай кошку в дом”?»

— Я знаю, в чем дело, — сказал один из мудрецов. — Это наставление, которое он получил от своего мастера, ибо у того были проблемы из-за кошек...

Тот старый мастер жил за околицей деревни. У него было только два... Это слово трудно перевести на английский, потому что у англичан ничего подобного нет. Вы носите белье, а индийцы носят *ланготи* — кусок ткани. Чтобы правильно надеть его, нужна практика. Это просто кусок ткани, который ты обматываешь вокруг чресел, и он выполняет функцию нижнего белья либо же составляет «всюодежду». У монахов *ланготи* составляет единственную одежду.

У мастера нашего героя было только две «всеодежды» — таков буквальный перевод слова «ланготи». И еще у него была проблема: в его хижине завелись крысы, которые портили его «всюодежду». И тогда он посоветовался с кем-то из односельчан:

— Что делать с крысами? Очень хитрые животные.

— Проще простого, — посоветовал человек. — Мы в деревне просто заводим кошку. Вот и ты себе заведи. Я принесу тебе кошку. Она быстро покончит с крысами, и твоя «всюодежда» будет спасена.

— Действительно, простое решение, — ответил мастер.

Итак, ему принесли кошку. Она действительно справилась со своей работой — покончила с крысами. Но проблема в том, что кошке и после этого необходимо питаться — ей нужно молоко. Она постоянно сидела перед монахом и всем своим видом показывала, что хочет есть. Голодные кошки выглядят очень жалобно. Она выполнила

свою работу, и теперь без слов говорила монаху: «Я решила твои проблемы. Крыс больше нет. Но теперь меня нужно кормить».

Старый мастер снова обратился за советом к односельчанину:

— А теперь что делать? Кошка постоянно сидит напротив меня и смотрит голодными глазами: «Корми меня, иначе я уйду, а крысы вернуться». Она этого не говорит, но я по глазам вижу, что она мне угрожает, предъявляет свои требования. Мне нужно молоко.

— Молоко потребуется тебе каждый день, — сказал селянин, — поэтому, чтобы ты не ходил за ним каждый день, я дам тебе корову. У меня много коров, можешь взять одну.

Итак, мастер взял корову, но проблем только прибавилось: корове нужна трава. Он снова отправился в селение советоваться, и селяне сказали:

— Странный ты парень. Сплошные проблемы. Почему бы тебе не выращивать что-нибудь вокруг своей хижины? Вокруг полно нераспаханной земли. Мы дадим тебе семена. Бери семена и выращивай злаки. Тебе и самому пригодится: будет пища и тебе, и корове.

Итак, бедняга стал выращивать злаки. Новая проблема: урожай нужно собрать. А он ведь монах — не пристало ему всем этим заниматься. Но одно зацепилось за другое... Он пришел в селение и сказал:

— Все это слишком сложно. Теперь нужно собирать урожай, а у меня нет инструментов, и мне нужны мощники.

— Ты нас утомил, — сказали селяне. — Вообще ни на что не годишься, ни одну проблему сам решить не можешь. Мы что, обязаны решать твои проблемы? Нет ничего проще: в нашем селении овдовела женщина, и она сможет прекрасно позаботиться о тебе, твоей корове, твоём урожае, твоей кухне... обо всем: о котях, о крысах... Очень толковая женщина.

— Но я же монах!

— Да брось ты! — сказали селяне. — Какой из тебя монах! У тебя есть кошка, корова, возделанное поле — и ты все еще считаешь себя монахом? Забудь. Да и к тому же это может быть просто фиктивный брак — тебе вовсе не обя-

зательно по-настоящему сближаться с этой женщиной. Она бедна, ей трудно, тебе тоже трудно — вдвоем вам будет намного проще.

— И то верно, — сказал монах. — Это всего лишь формальный союз, и вреда в этом нет — даже мой собственный мастер никогда ничего не говорил против этого. Он наставлял: «Не женись», — но я ведь и не женюсь. Это будет только спектакль для односельчан — чтобы никто не осуждал меня за то, что я живу вместе с женщиной. Я могу объявить ее своей женой, но не обязан быть ей настоящим мужем, как и она не обязана быть мне настоящей женой.

Он поговорил с этой женщиной, и она сказала:

— А мне и не нужен настоящий муж: одного мне было вполне достаточно. Но мне тяжело жить одной, и тебе тяжело жить одному... так что мы вполне можем помочь друг другу.

Так они поженились. Ну и пошло-поехало... порой ему случалось заболеть, и женщина делала ему массаж стоп. Понемногу, понемногу она стала ему нравиться. Ведь, в конце концов, мужчина есть мужчина, а женщина есть женщина. И сам он понемногу полюбился ей. Ведь обоим было очень одиноко. Когда настали зимние холода, каждый из них ждал, чтобы другой сказал: «Слишком холодно... почему бы нам не прижаться друг к другу?» Наконец не выдержала женщина:

— Слишком холодно... — сказала она.

— Мне тоже холодно, — отозвался монах.

— Но тебе, кажется, недостает смелости... — сказала женщина.

— Ты права. Лучше ты иди сюда... мне не хватает смелости. В конце концов, я только бедный монах, а ты опытная женщина. Так что иди ты ко мне. Вместе будет теплее.

Естественно, им стало теплее! И все его монашество улетело в трубу. Поэтому, умирая, он завещал своим ученикам: «Никогда не пускайте кошку в свой дом».

Итак, мудрый старик сказал старшему ученику:

— С тех пор на вашем пути это стало традицией. Каждый мастер наставляет своих учеников: «Остерегайтесь кошки».

Сложно вовремя заметить приближение кошки: она приходит в разных обличьях. Жизнь — странная штука.

Но джайны и буддисты приложили все усилия, чтобы избежать кошек — любых кошек: «Не оставайся на одном месте больше трех дней. Не останавливайся в семейном доме, потому что тепло и уют семьи может отвлечь тебя от цели. Ночуй только в храме, где никогда не бывает тепло». Джайнистским монахам не дозволено жечь дерево и греться по ночам вокруг костра, как то могут делать индуистские монахи, поскольку быть в тепле опасно. К тому же это сопряжено с насилием: ведь тебе приходится убивать деревья, срубая их и сжигая, и еще в костре могут сгореть какие-нибудь букашки — много всякого может случиться. Так что им запрещено жечь костры — даже лампы в храмах не дозволены.

Время от времени я посещал джайнистских монахов — они меня приглашали для бесед. Порой я говорил: «Днем я не могу прийти, занят. Могу прийти только поздно вечером». А вечером я обнаруживал, что у них нет ни ламп, ни свечей — вообще никакого света. Так что я просто садился напротив и вел беседу в полной тьме. Это так странно... Я говорил им:

— Но ведь свет может зажечь кто-то другой. Если выключателем щелкну я, то вы не будете виноваты.

Вначале они отказывались, говоря мне:

— Нет, это неправильно. Тогда здесь станет светло, а это запрещено.

Но я снова и снова возвращался к этой идее:

— Если это сделаете не вы, тогда вреда не будет.

Наконец один из джайнистских монахов, глава большой секты, согласился на использование электричества — по одной простой причине: на этом собрании говорил и я, и он, а микрофоном пользовался только я — электричество. А во времена Махавиры электричества не было. Естественно, он не мог запретить его, но он его и не позволил. Между тем он был довольно предусмотрителен, поэтому сказал: «Те вещи, которых я не упомянул, использовать не допускается. Можно использовать лишь то, что я перечислил». Итак, даже еще не зная, о чем пойдет речь, он сказал: «Позже в мире появится много вещей, которые

я пока еще не могу запретить, потому что ничего о них не знаю». Итак, я предложил ему тоже воспользоваться микрофоном, но он сказал:

— Нельзя. Махавира запретил.

Когда я говорил, все меня слышали — а там собралось не меньше двадцати тысяч человек, и все меня слышали. Они аплодировали и смеялись, им было весело. Но когда говорил он, кто мог услышать? Возможно, два или три передних ряда. А двадцать тысяч человек только зевали. Тогда я сказал ему:

— Подвел же тебя твой Махавира... Позволь-ка я помогу, — я поставил микрофон прямо перед ним и сказал. — Просто говори. Если кто-то поставил перед тобой какую-то штуку, это тебя не касается — кто ты такой, чтобы мешать мне? Говори же!

Он уловил мою мысль, и она ему понравилась... Итак, этот дурень начал говорить. А потом я стал упрекать его:

— Ты попался в ловушку. Ты же прекрасно видел, что я поставил перед тобой микрофон, ты знал, что это такое, и знал, что тебя теперь все смогут услышать. Ты никого не можешь обмануть. Или ты веришь, что можешь одурачить Махавиру — всеведущего, всемогущего и вездесущего? Он был рядом и наблюдал за тобой... за твоим падением.

Но джайнисты полностью разрушили *ашрамы* и наплодили странствующих монахов. Вот ведь странное свойство человеческого ума: почему-то суровый аскетизм производит на него огромное впечатление. Это психология садистов и мазохистов. Откуда столько уважения к людям, занимающимся самоистязанием? Между тем, как ни странно, мучеников почитают во всем мире. Он голодает, постится во имя великой идеи — и ты его уважаешь. Ты не станешь уважать человека, который *пирует* во имя великой идеи.

Признай, что сама идея тебя не интересует — иначе ты уважал бы и пирующих, ведь человек пирует во имя той же великой идеи. Идея тебя не интересует, идея — лишь повод, рациональное объяснение. Тебя интересует сам пост: способность человека держать в узде свое тело.

Махатма Ганди стал некоронованным царем Индии по одной простой причине: он всех превзошел в самоистяз-

зании. По малейшему поводу он объявлял голодовку «до смерти». Каждый раз он голодал «до смерти», но через три-четыре дня прерывал свою акцию — всегда находилось основание, чтобы прервать ее, — и прекрасно себе завтракал. Все шло по накатанному сценарию.

Но людей очень легко обмануть. Он начинает свою смертельную голодовку, и вся страна молится Богу, чтобы Ганди не умер. Все великие лидеры мчатся к нему в *ашрам* и умоляют, чтобы он прекратил голодание, но он и слушать не хочет, пока его условия не будут выполнены — любые условия: недемократические, диктаторские, идиотские, любые. Например, он постился в знак протеста против идей доктора Амбедкара, лидера неприкасаемых. Амбедкар хотел, чтобы у неприкасаемых были свои отдельные избирательные округа и свои особые кандидаты, иначе эта каста никогда не получит представительства ни в одном парламенте. Кто станет голосовать за сапожника? В Индии сапожники — неприкасаемые. Кто отдаст за него свой голос?

Амбедкар был совершенно прав. Четверть населения страны — неприкасаемые. Их не пускают в школы, потому что другие ученики не хотят сидеть с ними рядом и учителя не согласны их учить. Правительство утверждает, что школы — для всех, но на практике ни один ученик не хочет... Если в класс войдет один неприкасаемый, все остальные тридцать учеников выйдут прочь. Как же этим несчастным людям — а это четверть населения! — получить места в парламенте? Нужно создать для них отдельные избирательные округа, где только они будут выдвигаться и только они будут голосовать.

Позиция Амбедкара абсолютно логична и абсолютно человечна. Но Ганди устроил голодовку, заявив: «Он пытается разделить индийское общество». Индийское общество и так разделено уже десять тысячелетий. Бедняга Амбедкар не создавал этого разделения, он просто констатировал факт, что четверть жителей страны в течение тысячелетий подвергались притеснениям, а теперь пора дать им хоть какой-то шанс для продвижения вверх. Пусть они хотя бы смогут озвучить свои проблемы в парламенте и в местных органах власти. Но Ганди сказал: «Только через мой труп.

Они — неотъемлемая часть индийского общества, поэтому нельзя создавать для них какую-то отдельную избирательную систему» — и объявил голодовку.

Двадцать один день Амбедкар колебался, но с каждым днем давление со стороны соотечественников нарастало, и ему стало ясно: если этот старик умрет, прольется много крови. Совершенно очевидно, что люди убили бы и его самого и еще вдобавок миллионы неприкасаемых по всей стране: «Это из-за вас умер Ганди!» Когда советники подробно объяснили ему всю арифметику происходящего: «Решай побыстрее, потому что времени совсем мало — ему осталось жить дня три», — Амбедкар дрогнул.

Но ведь по сути он был прав, а Ганди абсолютно неправ. Однако что делать? Или он должен был рискнуть? Собственная жизнь его не беспокоила — убьют, ну и ладно, — но он боялся за миллионы бедняг, которые даже и не знали о происходящем. Их дома были бы сожжены, женщины изнасилованы, дети убиты — возникла опасность совершенно беспрецедентной резни.

Итак, он вынужден был принять условия. Он лично принес завтрак Махатме Ганди со словами: «Я принимаю ваши условия. Мы не будем требовать создания отдельных избирательных округов для нас. Пожалуйста, примите из моих рук этот апельсиновый сок». И Ганди принял сок. Но в этом стакане апельсинового сока вместились кровь миллионов людей.

Я встречался с доктором Амбедкаром. Это один из самых умных людей, кого мне довелось знать. Но я сказал ему:

— Вы слабак.

— Вы не понимаете, — отвечал он, — так уж сложилась ситуация: я знал, что прав, а он неправ, но что я мог поделаться с этим старым упрямым? Он бы умер, и тогда я был бы виноват в его смерти и это принесло бы новые страдания неприкасаемым.

— Не в этом дело, — возразил я. — Даже идиот мог бы посоветовать вам один простой ход. Вам следовало тоже объявить голодовку. У вас все равно лишний вес. — Он действительно был очень толстым человеком, как пять Ганди. — Если бы вы спросили меня, я предложил бы вам

простое решение: поставьте свою кровать рядом с Ганди, лягте на нее и голодайте до смерти. Что они могли бы сделать! Я уверен, что Ганди уже через три дня принял бы ваши условия.

— Такая мысль не пришла мне в голову... — признал Амбедкар.

— В таком случае вы просто дурак! — сказал я. — Нехитрый прием, при помощи которого этот человек манипулировал целой страной, — и он не пришел вам в голову?! Единственная сложность в том, чтобы действительно держать голодовку, — особенно для такого человека, как вы, привыкшего есть по четыре раза в день. Наверняка вам это было бы не под силу. Ганди практиковался всю свою жизнь — он опытный голодащик. А вы, должно быть, за всю свою жизнь не пропустили ни одного завтрака.

— Это верно, — согласился он.

— Понятно, — сказал я, — но если бы такая проблема возникла у меня и он вел бы себя так нелогично, то я просто улегся бы рядом с ним. И даже если бы он и сам тоже умер, то все равно нес бы ответственность за мою смерть. Он не допустил бы этого, потому что моя смерть отняла бы у него всю его великую душевность*, всю его ауру — он перестал бы быть лидером в глазах людей. Так что он не позволил бы мне умереть — пришлось бы принять мои условия.

Но, к сожалению, я не являюсь неприкасаемым, и вообще, почему меня должны волновать проблемы двух идиотов? На мой взгляд, вы оба идиоты. За вами стоит четверть страны, и вы ничего не можете сделать. А у этого человека нет ничего, но одними только голодовками... Он просто усвоил женскую уловку. Да-да: вся его философия — это женский психологический трюк.

Женщины проделывают это каждый день. А Ганди, по-видимому, научился этому у своей жены. Индийские женщины делают это ежедневно. Женщина перестает есть, голодает, укладывается в постель. И ее муж приходит в ужас. Пусть даже прав он — не имеет значения. Теперь вопрос уже не в том, кто прав, а кто нет, — вопрос в том,

* Махатма на хинди означает «великая душа». — Прим. перев.

как убедить ее поесть. Ведь если голодает она, голодают и дети — кто будет готовить им еду? Дети плачут, хотят есть, а у жены голодовка — и ты вынужден уступить ей. Она хочет новое сари, и ты его ей приносишь. Вначале принеси сари, только тогда она пойдет на кухню. Это древняя стратегия всех индийских женщин. Ганди, должно быть, перенял ее у своей жены и затем очень ловко использовал.

Но у человеческого ума есть странное свойство. По какой-то загадочной причине на него производят огромное впечатление люди, способные предаваться самоистязанию. И мне известна эта причина. Причина в твоём страхе — ведь ты сам на такое не способен. Ты идешь в цирк и смотришь на человека, прыгающего вниз с высоты в шестьдесят футов*. Он обливается спиртом и поджигает себя, затем прыгает с шестидесятифутовой высоты — в небольшую бочку с водой. Ты смотришь, и твоё дыхание замирает. Никто не дышит в эти секунды.

Я сам наблюдал за этим: люди смотрели на несчастного циркача, а я наблюдал за людьми. Кто-то моргнул? Кто-то вздохнул? Нет, ни один из них не моргнул — они совершенно забыли об этом. Ведь это же бессознательные процессы, которые происходят автоматически, — тебе не нужно моргать, твои глаза делают это сами, и тебе не нужно дышать, об этом заботится твоя грудь. Но даже такие автоматические процессы, как моргание и дыхание, просто замирают — ты объят трепетом.

Но в этом нет ничего особенного. Эти шестьдесят футов просчитаны. Сам циркач постоянно упражняется: он точно просчитал, что за время падения с этой высоты огонь не причинит ему вреда. И это не керосин, не бензин — это чистый спирт. Через считанные мгновения, как только циркач упадет в воду, огонь потухнет, и мужчина выйдет из резервуара целый и невредимый. И он — герой, ибо сам ты не можешь этого сделать. Но тут нужна лишь практика и точный расчет: через какое время спирт начнет обжигать — тебе нужно закончить трюк быстрее. И нужна способность прыгнуть.

* 18 метров.

Я очень любил прыгать в реку с железнодорожного моста, поскольку этот мост над нашей рекой был самым высоким местом, откуда можно прыгнуть. Но я тренировался постепенно — вначале прыгал с небольших возвышенностей, потом со все более высоких, и наконец — с моста. Мост постоянно охраняли солдаты — это были времена Британской империи и какие-нибудь революционеры могли бы попытаться взорвать его. Они меня постоянно останавливали, а я говорил:

— Не собираюсь я взрывать мост. Посмотрите: при мне нет ничего. Волноваться не о чем. Мне и самому этот мост нужен, поэтому я даже рад, что вы его охраняете, — он нужен мне ежедневно.

— Зачем нужен? — однажды спросили они.

— А вот зачем! — и я прыгнул.

А они замерли, потрясенные. Когда все солдаты поняли, что мальчишка просто приходит, чтобы прыгать в реку, они перестали беспокоиться. А я сказал всем революционерам в моем городе:

— Если вам когда-нибудь понадобится... Я — лучшая кандидатура, потому что теперь охранники даже не смотрят на меня. Они только перешучиваются между собой: «Этот парень просто сумасшедший. Однажды он себе шею свернет. Но он прыгает все лучше, все увереннее. Этот мост слишком мал, чтобы его убить. Тут потребуется мост раза в четыре выше — да и то вопрос».

Я сказал своим знакомым революционерам — они нередко заходили к нам в дом, так как мои дядья участвовали в подпольном движении. Я сказал им:

— Если вам понадобится взорвать мост, лучше всего поручить это мне. Никто меня не заподозрит, никто не остановит. Я могу отнести ваши бомбы на мост, положить, где скажете, после чего просто прыгну в реку и уплыву вниз по течению. А потом делайте свое дело.

— Ты ненадежен, — отвечали они. — Ты можешь отдать бомбы охранникам, можешь показать им, где ты их спрятал. Единственное, в чем можно не сомневаться, так это в том, что ты прыгнешь с моста и уплывешь вниз по течению.

Революционеры так и не дали мне бомбы. Сколько я ни просил их, они отвечали:

— Мы тебе не верим. Хотя и знаем, что на мост заслать проще всего именно тебя, так как никого больше туда не пускают: мост под постоянной охраной.

На обеих сторонах были стационарные посты, и один охранник все время прохаживался по мосту. Это был очень важный мост — через него проходили все поезда. Если бы его взорвать, то одна половина страны оказалась бы отрезана от второй. Но подпольщики мне не доверяли.

— Поверьте же мне, — твердил я, — даже охрана моста мне верит.

— Вот это и пугает, — отвечали революционеры. — Они тебе верят, теперь еще и мы поверим... а как ты себя поведешь, известно только тебе самому.

Любая форма аскетизма требует лишь практики. Голодать легко — сложно только первые пять дней. Я постился. Тяжело первых пять дней — хуже всего на пятый. Ты уже даже готов прервать пост. Но если миновать пятый день, считай, что самый опасный, самый неустойчивый период уже позади. С шестого дня организм перестраивается. Он начинает питаться сам собой. С шестого дня и далее все становится очень просто. Начиная с пятнадцатого дня тебя вообще перестает интересовать еда — ты не испытываешь голода. Твое тело потребляет собственный жир, так что голода нет.

Полностью здоровый человек может прожить без еды девяносто дней. Конечно, он превратится в скелет, но девяносто дней проживет, потому что абсолютно здоровое тело имеет запасы жира для таких случаев. Это чрезвычайная ситуация, и у тела есть соответствующие аварийные системы. Если пища не поступает извне, тогда организм питается внутренними запасами. В результате ты ежедневно теряешь вес.

Поначалу ты теряешь по два фунта в день (около килограмма). Потом тело осознает, что, возможно, чрезвычайная ситуация продлится дольше, и тогда ты начинаешь терять всего по полтора фунта в день. Как ни странно, телу свойственна своя особая мудрость. Затем твой вес станет убывать на один фунт в день, затем на полфунта — тело будет стараться экономить ресурсы, расходуя как можно меньше, чтобы максимально долго поддерживать в тебе жизнь.

Так что это никакое не чудо — между тем на людей добровольное голодание производит впечатление, ибо в глубине души они чувствуют: «Мы на это не способны». Если кто-то наслаждается пиром, то у тебя такого чувства не возникает, ведь ты тоже можешь пировать с удовольствием. Другое дело, что тебя, возможно, не пригласили, и ты злишься на пирующего — он просто обжора. Он придерживается примитивной жизненной философии: ешь, пей, веселись — он не духовный человек. Это просто зависть, ты злишься из-за того, что тебя не позвали. Ты бы тоже с удовольствием попиrowал... но голодать? Ты даже никогда не пробовал.

Поначалу пост не доставляет удовольствия. Пять дней тянутся, словно пять месяцев. Кажется, что часы остановились, а голод все растет. Желудок болит, кажется, что кишки сжимаются. Все тело в тревоге — оно не получает своей ежедневной порции. Все части тела оказываются в странном положении: они не понимают, что происходит, — почему их перестали кормить? Ты их не предупредил: ты ведь не знаешь их языка, а они — твоего.

Тело погружается в хаос — но только на пять дней. После этого организм автоматически переходит в аварийный режим — и тогда проблем больше нет. Все эти махатмы усвоили лишь одно: правило пяти дней. Когда знаешь о нем, тогда продержаться эти пять дней не так уж и трудно.

Джайнистские и буддистские монахи произвели такое огромное впечатление на Восток, что индуистские *ашрамы* — которые на самом деле прекрасны — стали подвергаться осуждению. Люди осуждали живших там провидцев и мудрецов: «Они слишком привязаны к материальным вещам. Настоящие махатмы — это джайнисты и буддисты. А эти люди с ними не сравнятся». Естественно, индуистам пришлось в корне менять структуру.

В мире царит конкуренция. Чтобы сохраниться, индуизм совершенно изменил стиль своих ашрамов. В ашрамах воцарился аскетизм, но при этом они сохранили старое имя — имя сменить забыли. Но теперь это уже не ашрамы, они не несут расслабления, отдыха, радости, блаженства. Войди в ашрам, и ты увидишь там людей, предающихся самоистязаниям, психологически искалеченных, мазохи-

стов, самоубийц — но в то же время и эгоистов, потому что все эти самоистязания дают им лишь одно: огромное уважение со стороны окружающих. Вся страна испытывает огромное уважение к тому, чем они там занимаются. Но красота подлинного ашрама исчезла.

Западные монастыри с самого начала аналогичны современному индуистскому ашраму, поскольку во времена, когда в Индии существовали настоящие ашрамы, на Западе царило варварство — никакой религии, никакой культуры, никакой цивилизации. Величайший из ваших людей родился всего два тысячелетия назад. В Индии трудно определить, когда родился величайший, так как Маха-вира, родившийся двадцать пять столетий назад, является самым последним *Джиной тиртханкарой* — двадцать четвертым. А перед ним было еще двадцать три *тиртханкары*. И должно быть, они сменяли друг друга в течение не менее десяти тысячелетий — если за две с половиной тысячи лет был только один *тиртханкара*. Джайнистские статуи обнаружены среди развалин древнейших городов Мохенджо-Даро и Хараппа.

Джайнистскую статую распознать очень легко — она изображает обнаженного мужчину, и такие статуи делали только джайнисты. У римлян тоже были статуи, изображающие обнаженных людей, но эти изваяния чувственны, сексуальны, возбуждающи. Это журнал «Плейбой» в мраморе. Ты отчетливо видишь в этой статуе чувственность, сексуальность — таковы все римские статуи. *Джина тиртханкара* на своих статуях обнажен, но не гол. Да, на нем нет одежды, но у зрителя не возникает никаких сексуальных или чувственных мыслей. Наоборот.

Джайнистская статуя полностью лишена чувственности — она по самой своей структуре асексуальна. Глаза закрыты, руки свободно свисают вдоль тела. Мужчина запечатлен в положении стоя. В его ушах птицы свили небольшие гнездышки, так как он простоял в одной и той же позе шесть месяцев, не двигая головой. Он не мотнет головой, чтобы спугнуть птицу, не скажет ей: «Что это ты делаешь? Перестань вить гнездо в моем ухе». Вверх по его телу взбираются вьюнки — поднимаются до шеи, до головы. Когда приходит время, на них расцветают цветы.

Нет, эти статуи не в римском стиле. В целом мире нет ничего похожего на них. И такие вот статуи обнаружены в Мохенджо-Даро — а ученые при помощи самых надежных и точных методов доказали, что этот город насчитывает не менее семи тысячелетий до рождения Христа. Так что мы можем без натяжки говорить, что *тиртханкары* существовали уже десять тысяч лет назад.

Западный монастырь — копия ашрама в том виде, в каком он существует на Востоке ныне. Идею монастыря принесли на Запад западные путешественники, западные философы. Сам Иисус учился в буддистских университетах, в ламаистских монастырях Тибета, в монастырях Ладакха. Пифагор в своих путешествиях углублялся далеко на Восток. И эти люди принесли на Запад многие идеи. Западный монастырь есть не что иное, как сделанный под копирку дубликат позднего восточного ашрама. В нем нет ничего уникального и нового.

Моя коммуна представляет собой нечто совершенно другое. Это не ашрам (ни древний, ни современный) и не монастырь (ни христианский, ни магометанский). Начнем с того, что моя коммуна не аскетична. Она изначально стремится разрушить твои психические недуги — в число которых входит и садомазохизм. Она учит тебя быть здоровым и не стыдиться своего здоровья. Она учит тебя быть человеком, ведь по моим наблюдениям люди, стремящиеся обрести божественность, не становятся божественными, но опускаются ниже человеческого уровня. Они старались подняться над человечностью — и действительно вышли за пределы человечности, но только вниз. В монастырях люди становятся почти что зверьми: чем больше ты себя истязашь, тем больше теряешь разум, — разум требует комфорта.

Разум — очень нежный цветок. Не пытайся растить розы в пустыне. Разум — нежный цветок, и произрастает он в роскоши. Ему нужна роскошная почва — плодородная, творчески наполненная, сочная. Лишь тогда он сможет расцвести. А что ты есть без разума?

Я стараюсь сделать так, чтобы твой разум превратился в жаркое пламя, и это пламя сожжет все, что не принадлежит твоей истинной сущности. Ты становишься огнем

и сжигаешь весь тот хлам, который набросали в тебя другие.

Поэтому первым делом разум, затем медитация.

Медитация происходит от разума — и она выжигает все остатки мусора из твоего существа. Тогда ты становишься чистым и самодостаточным — именно таким, каким хочет видеть тебя мироздание.

Коммуна — это всего лишь место, где совместно живут люди, заинтересованные в этом путешествии, в этой внутренней одиссее, — они помогают друг другу быть собой, давая каждому полную свободу, никак не вмешиваясь ни в чью жизнь, ничего не навязывая. Если кто-то может тебя поддержать, хорошо; если есть риск, что поддержка станет помехой, тогда тебя даже поддерживать не станут — просто отстранятся. Окружающие уважают твою неприкосновенность, твою индивидуальность, твою свободу. Я выбрал слово «коммуна» (*commune*), потому что оно означает «общность» (*communion*) — общность мятежных духов.

Это не очередное общество, это не монастырь, не ашрам. Здесь индивидуумы остаются индивидуумами. Они просто живут вместе. Каждый остается один и в то же время взаимодействует с другими, откликается на их действия — при этом не нарушая их уединения. На мой взгляд, самодостаточность, уединенность — величайший признак религиозности.

Поэтому мы вместе, но мы не в неволе — мы очень свободны. Ни одни взаимоотношения в моей коммуне не связывают. В действительности ни одни взаимоотношения здесь и не являются взаимоотношениями — они являются взаимным соотношением, процессом. Пока это происходит, хорошо; когда стороны расходятся, изменяют свой курс, это тоже прекрасно, потому что, возможно, таким образом твоя сущность сможет вырасти. Никогда не знаешь заранее. Возможно, мы пройдем вместе несколько футов или несколько миль, а затем с благодарностью разойдемся: «Мы пережили много радости вместе. Теперь давай насладимся разлукой. Ты помог мне, я помог тебе. Теперь же давай поможем друг другу начать движение в том направлении, в котором зовет каждого из нас его существо».

Наша коммуна — совершенно новое явление. Она не имеет ничего общего с тем, что было прежде. Древние ашрамы были прекрасны, но они оставались частью общества. Они утверждали все ту же общественную структуру — систему из четырех каст. Неприкасаемые оставались неприкасаемыми. Неприкасаемые не могли войти в древний индуистский ашрам. Лишь брамин мог стать *видящим*. И это очень странно, что только брамин мог обрести глаза. Но такова была стратегия браминов, направленная на то, чтобы сохранить свою власть и влияние, — а они обладали немалой властью. Они были хорошими людьми, но не революционерами; добрыми, но не мятежными.

Мятежник включает в себя оба начала. Он — меч и он — песня. Все зависит от ситуации. Он может стать песней, он же может стать мечом.

Здесь у нас сообщество мятежников. Мы не поддерживаем никаких общественных институтов, никакую политическую структуру, никакую страну, никакую нацию, никакую религию. Мы оставили все это позади. Мы пришли сюда поодиночке, чтобы быть вместе с теми, кто ищет того же — самодостаточности, уединения.

Поэтому помни: самодостаточность священна, одиночество священно. Не вздумай посягать на чью-нибудь самодостаточность, на чье-либо уединение, свободу, индивидуальность. Объединяйтесь, любите, будьте вместе, радуйтесь, но всегда помните о своей самодостаточности, своем одиночестве. Вы рождены одинокими, вы умрете одинокими, и жить стоит тоже в одиночестве. Все, кто находится здесь, — индивидуумы, одиночки. Они не принадлежат какому-либо учению, не подчиняются догматам — они ориентируются лишь на свой внутренний голос. Постарайся слышать его и следовать ему.

Да, это очень спокойный и тихий голос — но стоит его расслышать, и ты уже не сможешь делать что-либо помимо того, к чему он тебя призывает.

ТРЕВОГА ИЛИ ТЕРЗАНИЯ?

*Ошо,
что такое терзания? Это то же самое, что
и тревога, или нет?*

Терзания несут в себе тревогу — но это не только тревога. Это нечто намного, намного более глубокое.

Тревога означает, что ты обеспокоен определенным предметом и пребываешь в состоянии нерешительности. Ты не можешь решить — делать что-то или нет. Как правильно поступить? Что выбрать? Так много вариантов. Ты стоишь на распутье. Все дороги выглядят одинаково — и, несомненно, они куда-то ведут, но ведут ли они к той цели, к которой ты стремишься? Тревога отображает такое положение, когда ты не можешь решить: делать что-либо или не делать; выбрать один вариант или другой. Но объект тревоги всегда очевиден: ты не знаешь, какой из путей выбрать; кого из двух людей выбрать; какую из двух работ выбрать. У терзаний же нет определенного объекта.

Терзания бывают у немногих. Тревога бывает у всех — это общераспространенный опыт. Терзания преследуют гениев — это наивысшее пиковое проявление разума. У них нет определенного объекта. Тебе не из чего выбирать — никакого «или—или». Вопрос о выборе не стоит. Тогда в чем же проблема, лежащая в основе терзаний?

Тебе нужно понять определенный феномен. В мире есть много разных существ — животные, птицы, человек — и все они порой испытывают тревогу: и деревья, и животные, и птицы, и человек. Тревога — универсальный опыт. Но терзания бывают лишь у очень редких людей. Они — сливки человечества, вершина сознания. Их проблема касается самого бытия как такового.

К примеру, существует гора. Она живая, она растет. Гималаи растут до сих пор — на фут ежегодно. Кто-то может сказать им: «В этом нет никакого смысла. Вы и так уже самые высокие в мире. К чему эти лишние хлопоты?» Очевидно, это очень хлопотное предприятие: тысячи миль, тысячи вершин — просто колоссальная работа. Даже подрасти всего на один фут в год — огромный труд для Гималаев. «В этом уже нет нужды. Независимо от того, подрастете вы или нет, вы были и останетесь самыми высокими горами в мире. Вы превзошли все другие горы — оставили их далеко внизу». Но горы не понимают. Даже человек не понимает — что уж говорить о горах! Гималаи продолжают расти — они живые.

Гора рождается, дерево рождается, лев рождается, орел рождается — но все они радикальным образом отличаются от человека. Различие в том, что их бытие предшествует рождению. Понять это нелегко, но вполне возможно. Я попытаюсь объяснить. Их сущность предшествует рождению: все, что они делают, запрограммировано в них заранее. Это их сущность. Роза будет розой. Еще до цветения ты знаешь, что на этом кусте не распустится календула. Это розовый куст, в нем изначально присутствует сущность розы, и реализоваться может только она. Природа уже заложила в данное растение некую базовую программу — и теперь эта программа просто реализуется.

Тут следует напомнить об одном открытии, совершенном в Советском Союзе несколько десятилетий назад. Один фотограф-любитель, истинный творческий гений, экспериментировал с фотокамерой и реактивами в поисках новых эффектов в фотографии. И вот однажды совершенно случайно ему удалось сделать одно из величайших открытий в истории человечества — «эффект Кириана».

Например, мы фотографируем розовый бутон. При помощи тонкого инструментария Кириана мы, фотографируя бутон, можем получить снимок будущего цветка. На пленке фиксируется нечто еще не проявившееся, но в то же время уже каким-то образом существующее — ведь камера уловила эти очертания, хотя наш глаз пока еще их не видит. И как ни странно, когда роза расцветет, она будет выглядеть в точности как на фотографии.

Каким-то образом энергия розы, доступная пленке, обретает те же формы, которые впоследствии обретет цветок. Это энергетический цветок, чистые лучи света и цвета, готовящие почву для дальнейшего проявления. А камера Кирлиана фиксирует эти лучи и предоставляет нам снимок будущей розы. Возможно, завтра или послезавтра цветок станет доступен и невооруженному глазу. И это означает, что роза существует как сущность еще до того, как она обретет существование. Поэтому говорят: *ее сущность предшествует существованию*.

Во время Второй мировой войны фотографический метод Кирлиана творил чудеса. А в будущем он принесет огромную пользу в медицине. К сожалению, ученые тоже разделены политическими границами. То, что происходит в Советском Союзе, засекречено; то, что происходит в Америке, засекречено. В результате гении вынуждены делать двойную работу, впустую тратить свое время и силы — а времени у нас совсем мало.

Прежде чем драма завершится и упадет занавес, было бы лучше, чтобы ученые всего мира объявили: «Мы — интернационалисты». И тогда мы — наша коммуна — выдадим им международные паспорта, не принадлежащие ни одной стране. Но если бы ученым достало смелости, они уже сейчас открыли бы совершенно новое измерение, обзаведясь паспортами, которые были бы не советскими, не американскими, не британскими, не индийскими, а интернациональными. Конечно, многих из них тут же схватили бы и бросили в тюрьму, но в этом нет ничего страшного — долго ли их можно там держать?

Если бы все ученые в мире сговорились, а вслед за ними пошли бы все нобелевские лауреаты во всех номинациях, а затем все поэты, инженеры, врачи и интеллигенты мира... можно ли затолкать их всех в тюрьмы? Что вы можете против них? Что можете против них вы, тупорылые политики? Без них вы — ничто.

Раджнишпурам стал бы штаб-квартирой этого движения. Мы готовы печатать международные паспорта. Это положит начало революции. Перестаньте обращать внимание на государственные границы — кто-то должен начать это. Пусть встретятся все поэты мира, все ученые

мира — пускай соединят всю свою энергию в единый фонд.

Но пока что метод Кирлиана не используется за пределами Советского Союза. А в Советском Союзе он творит чудеса. Этот эффект был открыт во время Второй мировой войны. Кирлиану было поручено выяснить: если метод работает на цветах, то как он работает на людях? Вот, например, человек на войне лишился руки. При фотографировании по методу Кирлиана на снимке виден ее энергетический отпечаток со всеми пятью пальцами — тогда как в действительности ее нет. Правда, очертания отсутствующей руки на снимке выглядит несколько бледнее, чем остальные части тела. Руки уже нет, но энергия, которая ею управляла, продолжает циркулировать. Глазами мы эту энергию не видим, но чувствительная камера способна ее зарегистрировать.

Отсюда родилась идея: если энергия продолжает движение, тогда есть возможность пустить эту энергию через руку — и эта рука станет настоящей. Это будет не деревяшка и не кусок пластика, но настоящая рука, такая же, как у здоровых людей, — ибо что делает руку настоящей? Почему она живая? Почему движется? Она движется потому, что внутри протекает энергия.

Что происходит, когда человека разбивает паралич? Дело не в самой руке, а в том, что внутри нее перестает протекать энергия. Рука остается на месте, кости на месте, кровь на месте — все осталось, как было. Чего же не хватает? Что такое паралич? Энергия больше не движется, она по какой-то причине прекратила свое движение. Если нам удастся возобновить течение энергии...

Именно это в течение пяти тысячелетий пытается делать китайская акупунктура — запустить движение энергии. Акупунктура достигла огромных успехов — к парализованным людям возвращается способность двигаться. Но со стороны их действия выглядят будто какая-то детская игра — постороннему наблюдателю не верится, что врач делает великое дело. Он просто втыкает иглы в определенные точки на теле. У человека парализована рука, но врач может к руке даже и не прикасаться. Он втыкает иглы где-то в другом месте, ибо знает, где возникают препятствия

для движения энергии в руке. Если игла устранил затор, энергия потечет снова — и рука оживет.

При помощи эффекта Кирлиана было сделано еще одно открытие. Точно так же как можно получить снимок цветка еще до того, как он распустит свои лепестки, — просто сфотографировав бутон, — при фотографировании здоровых людей можно наблюдать еще не состоявшиеся изменения в тех или иных частях тела. Таким образом мы обнаруживаем потенциальную угрозу для здоровья.

Один человек говорил: «У меня нет никаких проблем, я совершенно здоров». Но через шесть месяцев точно в указанном месте развились опасные процессы. Энергия уже готовила почву для патологических процессов — возможно, для раковой опухоли. Эффект Кирлиана — пока что единственная возможность видеть такие вещи заранее. Если обнаружить рак еще до его материализации, мы сможем просто его предотвратить. Хирургическое вмешательство не потребуется — нам нужно будет только остановить энергетические изменения, изменить энергетическую структуру, изменить программу, и тогда рак вообще не разовьется.

На Востоке бытует верование, что за шесть месяцев до смерти человек перестает видеть кончик своего носа — и я наблюдал это собственными глазами, так что для меня это не вопрос веры: я вообще ни во что не верю, пока не увижу. Человек действительно не может опустить свой взгляд достаточно низко, чтобы увидеть кончик носа, — он не видит кончика носа. А ровно через шесть месяцев умирает. Это древнее открытие аюрведистов — возможно, оно насчитывает десять тысяч лет. Когда врач-аюрведист приходит к тяжелому пациенту, он в первую очередь спрашивает: «Можете ли вы увидеть кончик своего носа?»

Любому представителю аллопатической медицины это кажется полной глупостью: «Как связана способность видеть кончик своего носа с предстоящей смертью? Человек тяжело болен, а вы тут клоунаду устраиваете? Чем вы вообще занимаетесь?» Этот врач не знает о существовании странного явления: глаза постепенно теряют способность опускаться вниз. Когда человек умирает, они полностью закатываются наверх. Если ты обследуешь мертвеца, то об-

наружишь, что его глаза закатились наверх — тебе видны только белки. Поэтому во всем мире существует традиция немедленно закрывать умершему человеку глаза — многих людей их вид может напугать. Видны только белки, а зрачки закатились под верхние веки.

Возможно, именно это десять тысяч лет назад навело лекарей на мысль: если в момент смерти зрачки закатываются полностью, то, вероятно, этот процесс начинается намного раньше — ибо жизнь всегда протекает постепенно, ничто не случается внезапно. В мироздании нет такого явления, как внезапность. Поэтому они стали наблюдать за пациентами и действительно обнаружили, что за шесть месяцев до смерти глаза становятся все менее подвижными — они постепенно закатываются наверх и их все сложнее опускать вниз. Так что, если человек не способен увидеть кончик своего носа, врач подготавливает членов семьи: «Сейчас не стоит тратить время впустую. Подготовьте его к смерти. Помогите ему умереть тихо, спокойно, медитативно, с благодарностью».

Лишь на Востоке человек имеет возможность подготовиться к смерти. Люди и к жизни — то не готовятся. Они осознают, что жили, лишь тогда, когда умирают либо даже уже мертвы. Тогда к ним приходит внезапное потрясение: «Бог мой! Что случилось? Я был жив, а теперь уже больше не живу. Все эти восемьдесят лет (или девяносто) прошли мимо, и я ничего не сделал, ни на миг не ощутил удовлетворенности, завершенности. Не было ни одного мгновения, когда я мог бы сказать: я счастлив».

Кроме человека, все существа — каждая птица, каждая зверушка — приходят в мир именно так: вначале сущность, потом проявление. Они запрограммированы природой. Вся их жизнь представляет собой не эволюцию, но *проявление*. Все, чем им предстоит стать, уже содержится в базовой программе, и они не могут отступить от этой программы ни на дюйм в сторону. Не во власти цветка решать, стать ли ему розой или ноготком. Так что у него не возникает тревоги по этому поводу. Цветку никто не предлагает принять решение в отношении собственной сущности. Он никогда не оказывается на распутье, но всегда движется по строго заданному маршруту. У него

нет возможности выбирать в отношении своего «бытия».

Быки, кони, ослы, слоны не испытывают тревоги, она не заложена в их программу. Да, они могут разозлиться, если ты станешь мешать им. Они способны на ярость и насилие, если ты поступаешь с ними неправильно. У них есть определенный кодекс поведения. Если ты занимаешься своими делами, не вторгаясь на их территорию... Например, у каждого слона есть своя территория. Заходить на нее опасно. Лучше не нарушать его границ... правда, ты их не знаешь, они известны только самому слону. Стоит вступить на его территорию, и ты в опасности: ты стал нарушителем границы.

Они могут злиться. Они могут чувствовать свое превосходство или подчиненное положение. Вот подойди к дереву, на котором сидят обезьяны. Ты удивишься: вожак сидит на самой высокой ветке, а пониже — его подчиненные. У вожака самые лучшие самки. Он может быть стар, может быть уже не способен на воспроизводство, но вожак остается вожаком.

Часто представители младшего поколения убивают старого обезьяньего вожака просто потому, что он не позволяет им приближаться к самкам, — и он действительно никого к ним не подпустит, пока жив. Это его гарем — и ему безразлично, способен ли он еще на воспроизводство. Его царствование, его власть зависит от того, сколько у него самок.

Именно на основании наблюдения за обезьянами Зигмунд Фрейд пришел к выводу, что порой и у людей представители младшего поколения убивали старика, владеющего всеми красивыми самками. Молодые люди злились: «Старику пора умереть!» Но старик все жил и жил, не позволяя им... Зигмунд Фрейд предположил, что представления о Боге у древних народов возникли потому, что младшие убивали отца и испытывали чувство вины: все же он был их отцом, их вожаком, а они его убили ради женщин. Напрашиваются два вывода — хотя Зигмунд Фрейд сделал только один... Я удивляюсь, как он упустил второй, который, по идее, должен был стать для него еще более очевидным, — но даже гении совершают промахи.

Зигмунд Фрейд пришел лишь к одному выводу: убив отца, они испытывали чувство вины, и для того, чтобы компенсировать эту вину — избавиться от нее, — стали поклоняться останкам отца, возможно, его костям или месту его захоронения. Они возводили небольшой памятник и поклонялись ему — чтобы дух отца не отомстил, чтобы его призрак не явился за ними. Они знали, что он был строг и очень ревнив, поэтому развлекаться с его женщинами... Его дух этого так не оставит. Поэтому нужно принести какую-нибудь жертву, поклониться ему, попросить о прощении, покаяться в грехах.

Зигмунд Фрейд ищет корни христианства и вообще всех религий в идее о том, что Бог Отец — это в действительности отец-бог. Вначале дети убивали отца, а затем, чтобы упокоить его дух, возвеличивали своего предка до статуса Бога Отца. Тем самым они говорили: «Ты по-прежнему наш вожак. Мы и сейчас ходим под тобой, мы твои слуги, твои поклонники. Прости нас — мы поступили глупо. Но все молодые люди глупы. Ты опытный, ты знаешь все — и мы надеемся на твое прощение». Именно так, по мнению Фрейда, зарождались все религии. Исторических подтверждений этому нет, но вполне вероятно, что он прав.

Второй ключевой факт — и я всегда удивлялся, почему Фрейд не обратил на него внимания, — состоит в том, что молодые мужчины убивали отца ради того, чтобы завладеть его юными девами. А отсюда легко сделать второй вывод: все религии выступают против женщин именно для того, чтобы утихомирить гнев отца. Ведь именно из-за женщин они убили папочку! Связь совершенно очевидна — а Зигмунд Фрейд ее упустил. Даже слепец не мог этого не заметить. Совершенно очевидно, что для убийства был единственный мотив: завладеть красавицами, которых заграбастал себе этот старый грязный павиан. *Так что во всем виноваты женщины!*

Поэтому, очевидно, у религии должно быть две составляющие. Во-первых, поклонение господину, сопровождающееся молитвами и восхвалениями. И во-вторых, проклятия в адрес женщин. Когда я знакомился с теориями Фрейда, я перерыл все его книги в поисках этого второго

вывода — который даже более в духе Фрейда, чем первый, — но не нашел. Первый вывод представляет собой довольно надуманную философскую идею, но второй — это абсолютно очевидная фрейдистская концепция. Но теперь Фрейд уже давно мертв, и нам остается только добавить ее самостоятельно.

Я подчеркиваю этот факт: все религии ополчились на женщин именно потому, что это убийство было совершено из-за женщин. Если бы не стремление заполучить женщин, молодые мужчины отца не убивали бы. История об Адаме и Еве повествует о том же: грехопадение случилось из-за женщины. Религии никогда не простят женщину — они проклинают ее вот уже много веков. Фрейд вполне мог бы заметить оба факта: те самые люди, которые верят в Бога и поклоняются Ему, испытывают глубочайшее недоверие к женщине, считая ее агентом змея, дьявола, главной виновницей грехопадения.

Мы можем у всех животных наблюдать ту же иерархию, что и у обезьян. Но это работа программы, и здесь не идет речь о тревоге. Наблюдал ли ты, как лают и наускаивают друг на друга две собаки, демонстрируя готовность к драке, — но конфликт всякий раз каким-то образом решается еще до того, как начнется схватка? Дело почти никогда не доходит до логического завершения. Так к чему было скулить, и лаять, и скакать, и скалиться друг на друга? А дело в том, что они просто стремятся показать друг другу: «Смотри, насколько я сильнее тебя!» Собаки — умнейшие существа. Зачем драться? Они просто демонстрируют друг другу свои бойцовские качества и решают, кто сильнее.

Проведя соответствующую оценку сил, обе приходят к согласию. Собака, признавшая себя более слабой, поджимает хвост и отступает. Это сигнал: «Ты сильнее». Это не проявление трусости, а простая констатация факта: «Что я могу поделаться? Я слабый, а ты сильный. Ты лаешь громче, и прыгаешь лучше, и сам покрупнее будешь. Зачем драться? Зачем проливать кровь?» Собака просто подает сигнал: поджимает хвост. И тотчас же вражда прекращается. Драка закончилась — закончилась, так и не начавшись.

С малых лет я был очень любопытным ребенком — все мне было интересно. А в Индии очень много собак. Му-

ниципальные власти не могут их истреблять, ведь это насилие, да и люди воспротивятся: «Вы — убийцы!» Поэтому собаки плодятся беспрепятственно. Сидя зимой на крыльце своего дома, я наблюдал за собаками и не переставля удивляться. Я снова и снова видел эту сцену и поражался разумности этих животных. Они намного разумнее людей.

Даже если ты поймешь, что слабее противника, все равно вступишь в драку, потому что не можешь признать свою слабость. Ты предпримешь попытку: а вдруг по какой-то случайности тебе удастся победить. Никто хотя бы не упрекнет тебя, что ты даже не пытался. Ты при-мешь бой и будешь бит. И ведь это не принесет абсолютно никакой пользы ни тебе, ни противнику — драться глупо. Но так уж ты запрограммирован — вот в чем проблема. Ты не можешь определить точно, не можешь быть уверен. Допустим, противник явно крупнее, но ведь менее крупный человек может оказаться проворнее, умнее, коварнее... он может знать айкидо, дзюдо, джиу-джитсу или что там еще бывает... Возможно, силач ничего не умеет — он вовсе не спортсмен-тяжеловес, а просто увалень, и тогда более мелкий противник имеет все шансы завалить его.

Мы не запрограммированы. Собаки запрограммированы, и они могут легко читать программы друг друга. Они сразу показывают друг другу все параметры своих программ: «Вот что я могу. Вот мои зубы, смотри. Вот так я лаю, вот так прыгаю, а вот так бросаюсь. Покажи-ка и себя тоже!» Они обе сразу выкладывают карты на стол. Когда ты видишь, что у соперника карты лучше, о чем тут дальше говорить? Игра закончена. Но человек устроен иначе — в этом единственное отличие человека от всех других существ.

В человеке существование предшествует сущности. Вначале он рождается — и лишь потом открывает, чем может стать. Отсюда терзания. У него нет программы, нет четко заданных природой ориентиров, нет надежной карты. Он заброшен сюда как чистое существование. Ему необходимо проработать все самостоятельно. В каждый миг жизнь ставит перед ним задачи — и в каждый миг нужно делать выбор. Когда приходится выбирать, это всякий раз

сопряжено с тревогой — но тревога имеет определенный объект.

Терзания же — это общее состояние, свойственное бытию человека. Он терзается с рождения и до самой смерти, ибо ему не дано знать свою судьбу — не дано знать цель своего путешествия. Конечно, очень немногие люди ощущают эти терзания, поскольку лишь очень немногие достаточно отчетливо осознают себя, свое существование — куда они движутся, кем становятся, что должно произойти. Люди слишком озабочены всякими пустяками.

Поэтому все люди ощущают тревогу — пустяки порождают тревогу. На такой-то работе ты можешь получать больше, но эта работа не так уважаема, как нынешняя. В действительности именно поэтому там лучше платят — там менее престижно. А на более престижной работе и зарплата пропорционально ниже. Вот и возникает тревога: что делать? Ты хотел бы, чтобы работа была и престижной, и высокооплачиваемой, — но не получается.

Общество разбито на группы по интересам, и все устроено очень хитро. Быть профессором в университете очень престижно, но платят так себе. Сутнер зарабатывает намного больше, чем профессор. Но сутнер — он сутнер и есть. Ты не можешь добиться, чтобы тебя называли профессором сутнерства. Хотя с лингвистической точки зрения здесь нет никакой ошибки — ибо такова твоя профессия. Ты вполне можешь называть себя Профессором Сутнерства! Существуют люди, которые называют себя профессорами — например, профессорами магии, — но при этом не имеют никакого отношения к университетской науке. Фокусники называют себя профессорами магии, но при этом они имеют в виду, что такова их профессия; они — профессиональные фокусники.

В Индии есть прославленный на весь мир фокусник, профессор Саркар. Этот бенгальский джентльмен является, вероятно, самым знаменитым фокусником в мире. Однажды я спросил у него:

— У меня нет вопросов по поводу ваших магических способностей, но есть вопрос по поводу профессорской должности. Почему вдруг «профессор»? Где вы препода-

ете? В каком университете? Ибо я не слышал об университетах, где была бы кафедра магии. И вообще не слышал об учебных заведениях, специализирующихся на магии... Так где же вы преподаете?

— Преподавание тут ни при чем, — ответил он. — Просто такова традиция: среди фокусников принято так себя величать. Это наша профессия, и слово «профессор» в данном случае означает всего лишь «профессионал».

— Прекрасная идея! — восхитился я. — Теперь каждый может называть себя профессором. Если есть профессия, значит, он профессор.

Но одно можно сказать наверняка: у сутнера доход намного больше, чем у профессора в университете. Конечно, на должности профессора ты будешь пользоваться гораздо большим уважением, но останешься бедняком — в лучшем случае, дотянешь до среднего класса. Поэтому возникает проблема выбора. А где выбор, там и тревога. Тревога — распространенное повседневное чувство; а вот терзания — они намного глубже.

Но оба эти слова в английском языке происходят от одного и того же корня (*anguish* и *anxiety*) — поэтому у саньясина и возник вопрос. В терзаниях тоже присутствует некоторая доля тревоги, потому что ты беспокоишься, ты озабочен. Но ты озабочен не работой, не какими-то вещами, и вообще, не чем-то конкретным. Это общее смутное чувство: «Кто я есть?»

Гурджиев развил эту идею до логического предела. Мне нравится этот человек, хотя по многим вопросам я с ним не согласен. Он с удивительной проницательностью видел вещи, но страдал одной логической болезнью: склонностью доводить все до логического предела. Проблема в том, что если ты доводишь что-либо до логического предела, то приходишь к ложным результатам — если довести то же самое до противоположного предела, ты опять получаешь ложный результат. Крайности всегда ошибочны. Избегай крайностей. Намного более вероятно, что ты найдешь истину где-нибудь посередине, между двумя крайностями.

Гурджиев развил идею терзаний до предела: он сказал, что у человека нет души. Это довольно простой вывод.

Если с самого начала у нас есть лишь существование, а сущность нам нужно открыть позже, это означает, что человек рождается без души. Душа — это твое существо, твоя сущность. Поэтому ты от рождения представляешь собой пустую коробочку без какого бы то ни было содержимого. Естественно, ты ощущаешь терзания: ведь ты пуст внутри, в тебе ничего нет. Даже цветок розы намного богаче тебя. У него по меньшей мере есть программа, некоторая определенность в отношении того, чем он будет. Он предсказуем.

Мне часто думается, что среди собак должно быть много астрологов, хиромантов, физиогномистов, телепатов и прочего эзотерического люда, потому что у собак все это очень легко считывать. Будущее особи можно предсказать во всех подробностях. Очень странно, что все эти астрологи, хироманты, физиогномисты, телепаты, гадатели на картах Таро и на *Ицзине* — и многие, многие другие — существуют только в мире людей. С другой стороны, удивляться в действительности и нечему: что бы они делали в мире собак, слонов и верблюдов?

Ни одному верблюду не свойственны терзания. Он совершенно естественно следует программе. Он не беспокоится о завтрашнем дне. Он знает, что и завтра останется верблюдом, и послезавтра. Он будет таким же верблюдом, как все его праотцы. Нет ни малейшего шанса стать слонем, или обрести душевную тревогу, или встать перед выбором: «Кем я хочу стать?» Вопрос «быть или не быть?» не возникает. Альтернатив нет — у него фиксированная сущность. Тут бизнес астрологов и хиромантов не будет процветать — они просто разорятся, если перейдут в мир животных.

Но почему у всех этих астрологов и хиромантов так хорошо идут дела в мире людей? Я наблюдал за ними много раз, и они все делают одно и то же. Однажды я проводил занятия в палаточном городке близ Сринагара, что в штате Кашмир. И ко мне привели одного *пандита* — очень пожилого ученого мужа, прославившегося на весь Кашмир своими предсказаниями. Кто-то из моих слушателей, знакомый со стариком, посоветовал ему:

— Сходи взгляни на этого человека и посмотри, сможешь ли предсказать его судьбу.

Я думал, что он читает по ладони, поэтому протянул руку и сказал:

— Ладно, взгляни. Вот.

— Нет, я читаю не по ладоням, — ответил он. — Я читаю по стопам — по линиям на стопе. — Вот так откровение! Я никогда прежде о таком не слышал. — Это особая кашмирская методика. Линии на стопах намного более точны, чем линии на ладонях.

И он даже обосновал:

— Линии на ладонях постоянно изменяются, но линии на стопах остаются неизменными по той простой причине, что кожа там намного более грубая.

Это естественно, потому что ты постоянно ходишь, давишь на них своим весом. Кожа на руках не бывает такой грубой — в этом нет потребности. На более мягкой коже линиям проще измениться. А на грубой коже это почти как борозды на камне. Итак, он сказал:

— У нас в Кашмире традиция: читать по стопе.

— Хорошо, — согласился я, — читай линии на моей стопе. Но помни одно: что бы ты ни сказал, я не позволю этому случиться. Произойдет в точности обратное.

— Впервые слышу такие заявления, — сказал он. — Люди хотят знать, что с ними произойдет, а ты говоришь, что попытаешься сделать обратное всему, что бы я ни сказал.

— Конечно. Потому что я хочу доказать, что ты не прав.

Вся хиромантия, вся астрология — только эксплуатация человеческих терзаний. Именно из-за своих терзаний человек хочет, чтобы кто-то где-то как-то сказал ему, кто он есть и кем должен стать — каково его будущее. Все эти науки расцвели именно благодаря терзаниям. Им удается вот уже тысячи лет эксплуатировать человека по одной простой причине — человек непременно рано или поздно задается вопросом о том, зачем дана ему жизнь: «Что я здесь делаю? Если ли смысл в моей жизни или нет? Может ли куда-то привести жизненный путь — или это просто бег

по кругу? А если этот путь куда-то ведет, то правильное ли направление я выбрал?»

Моим преподавателем логики в колледже был доктор С. Н. А. Шривастава. Он постоянно на меня сердился, потому что никак не мог заставить меня отказаться от споров во время его лекций. Я с самого начала дал понять, что уж на занятиях по логике я буду спорить непременно.

— Я пришел сюда учиться искусству спора — чем еще является логика?

Итак, я постоянно затевал споры, и он не мог с этим ничего поделать. По каждому пункту у меня возникали вопросы и возражения. Он был сыт мною по горло. Остальные студенты тоже меня умоляли:

— Из-за тебя профессор просто не может изложить материал учебника. По каждому пункту обсуждение длится неделями. Так мы за всю жизнь не пройдем этот учебник!

Через два месяца занятий С. Н. А. Шривастава так устал от меня, что попросил себе месячный отпуск, — он был очень пожилым человеком. Он решил поехать в дом отдыха, чтобы отдохнуть от логики и от споров. Я не знал, что он туда поехал. Но случилось так, что в ту же субботу я гостил на ферме у моего друга. У него на ферме росли прекрасные манго, но я заявил:

— Никуда не годные плоды. Вот если бы ты приехал в мою деревню, тогда узнал бы, какие должны быть манго! А это просто дичка. Мелкие, не сочные.

— А почему бы нам не съездить прямо сегодня? — предложил друг.

— Я всегда за то, чтобы все делать сегодня! — обрадовался я.

Поэтому мы бросили все и побежали на станцию, находившуюся неподалеку. Поезд вот-вот собирался отходить. Я успел войти в вагон, а мой друг тащил тяжелый чемодан и поэтому отстал. В купе я увидел доктора С. Н. А. Шривастава.

— Что вы тут делаете? Неужели тоже едете в дом отдыха? — спросил он.

Я ехал в свою деревню, которая просто была по пути. Дом отдыха находился на сто пятьдесят миль дальше. Но ради шутки я сказал:

— Этот поезд не едет в дом отдыха. Он едет в противоположном направлении. Зачем вы сюда сели?

— Помогите мне! — попросил преподаватель.

Дело в том, что он уже разложил вещи и расстелил постель (это был вагон первого класса). В общем, я кое-как помог ему собрать вещи и выпроводил из поезда. На перроне к нему подошел мой запыхавшийся друг — поезд уже тронулся, и он не успел добежать. Он спросил у С. Н. А. Шриваставы:

— Почему вы вышли? Я-то просто не успел на поезд, потому что шел медленно. У меня тяжелый багаж, поэтому я не поспел за своим другом — он-то сам едет налегке. Мы направляемся к нему домой, так что у него там есть все, что нужно, а мне пришлось взять сменную одежду и еще много разных вещей... Но вы почему сошли с поезда?

— Этот поезд не идет в дом отдыха, — ответил С. Н. А. Шривастава.

— Да нет же! Он как раз туда и идет! — возразил парень.

Когда два дня спустя я вернулся, доктор С. Н. А. Шривастава устремил на меня взгляд, которого я никогда не забуду. Стоит мне закрыть глаза... Он просто смотрел на меня, не отрываясь.

— Может быть, вы что-то скажете — или так и будете смотреть? — не выдержал я.

— Что тут сказать? — ответил он. — Я взял отпуск на месяц. Я заказал себе номер в доме отдыха. С большим трудом уговорил жену поехать со мной... И тут в моем купе появились вы. Никак не ожидал встретить вас там. То, что вы со мной сделали, — очень нехорошо.

— А что я сделал?

— Вы сказали, что поезд едет в противоположном направлении.

— Но так оно и было. Потому что мне самому пришлось вернуться со следующей станции. Я тоже хотел попасть в дом отдыха, но этот поезд точно ехал в противоположном направлении.

— Не пытайтесь меня одурачить, я спросил у начальника станции. И ваш друг тоже подтвердил, что это был поезд, идущий в дом отдыха.

— Тут какая-то путаница, — сказал я. — Не исключено, что мне самому дали неверную информацию — я спросил у другого пассажира, и он мне сказал: «Этот поезд не идет туда, куда вам нужно, поэтому сойдите на следующей станции и вы как раз успеете на поезд, идущий обратно». Возможно, правы вы, возможно, прав тот человек. Но сейчас уже ничего выяснить не удастся.

— От вас одна головная боль! — сказал он. — Раньше в моей жизни были всего лишь тревоги... а теперь начались самые настоящие терзания. И это именно из-за вас исчезли все мои тревоги, уступив место терзаниям, которые гложут меня день и ночь. Даже по ночам мне снится, что вы доставляете мне проблемы, а мне нечем вам ответить.

В тот день он использовал слово «терзания» — поэтому я его и вспомнил. Он сказал: «Вы — причина моих терзаний».

— Это совершенно не так, — возразил я. — Вот опять у нас начался спор. Терзания — это нечто внутреннее, они не могут идти извне. Если источник снаружи — значит, это тревога. Если вы говорите, что я — источник ваших терзаний, значит, вы используете не то слово. Я могу быть причиной тревоги. Терзания, уважаемый профессор С. Н. А. Шривастава, представляют собой нечто, что вам нужно проработать внутри себя. Кто вы? Вы думаете, что вы доктор С. Н. А. Шривастава? Вы думаете, что вы индус? Думаете, что вы человек?

— Если я не человек, не индус и не доктор С. Н. А. Шривастава, тогда кто я?

— Вот это и есть терзания! Размышляйте над этим. Медитируйте. Если найдете ответ, терзания исчезнут.

Но не дожидаясь окончания терзаний, он пригрозил уволиться из колледжа. Он сказал:

— Отпуск не помог. Все равно пришлось вернуться обратно. Даже в доме отдыха я все время думал о вставшей передо мной проблеме, которую мне никак не удастся решить.

Он был очень пожилым человеком, воспитанным на Аристотелевой логике. Я же изучал вещи, противоречащие Аристотелю, вещи, о которых Аристотель никогда и не

слышал, и поэтому моему профессору пришлось тяжело. Ведь он не мог просто ответить: «Я этого не знаю», — признать такое перед аудиторией было бы унижительно.

Ему приходилось притворяться, будто он все знает, и в результате у него возникли проблемы, ибо он не представлял себе, во что ввязывается, — а поэтому оказался всецело в моих руках. Я сказал директору колледжа:

— Доктор С. Н. А. Шривастава — известный и уважаемый профессор. Он написал много книг, у него много почетных степеней и званий. Но он не правдив.

— На каком основании вы такое говорите? — спросил директор. — Мне никогда не казалось, что он в чем-то лжет. Он очень набожный человек — не просто профессор философии, но и религиозный человек.

— Я сто раз проверял. Он лжет, — настаивал я.

— Вам придется предоставить мне доказательства, — потребовал директор.

— Я-то всегда готов... вся проблема как раз в том, что я сам постоянно требую от него доказательств. А вам я представляю доказательства с большим удовольствием. Придумайте название несуществующей книжки.

— Это еще зачем?

— Просто напишите.

И он написал: «Начала логики». Да, существуют книги под названием «Начала математики» и «Начала этики», но «Начал логики» не существует.

— Подойдет, — сказал я. — Я скоро вернусь.

Я вошел в кабинет доктора С. Н. А. Шриваставы и спросил его:

— Я вычитал в «Началах логики» такое-то утверждение. Как вы его прокомментируете?

— В «Началах логики»? Ну, мне трудно сказать. Я не помню в точности, о чем там идет речь, потому что я читал эту книгу лет двадцать или тридцать назад.

— Давайте зайдем в кабинет директора, — предложил я.

— Зачем?

— Просто идемте. Он велел мне привести вас.

Итак, мы вошли в кабинет директора и я сказал:

— Профессор С. Н. А. Шривастава говорит, что читал книгу «Начала логики» лет тридцать назад. Он отлично помнит название книги, но не может вспомнить ту цитату, по поводу которой я задал ему вопрос.

— Шривастава, вы действительно читали эту книгу? — спросил директор.

— Да, конечно, — ответил тот.

— Простите, вы были правы, — сказал мне директор.

С. Н. А. Шривастава не мог понять, о чем мы говорим. Он спросил:

— В чем он был прав? И в чем проблема?

— Ни в чем, — ответил директор. — Просто этот юноша утверждал, что вы — отпетый лжец, и только что вы подтвердили его слова. Я сам придумал это заглавие. Такой книги просто не существует и никогда не существовало — как же вы могли прочесть ее тридцать лет назад? И вам хватает совести такое говорить... всем этим студентам, которые пришли у вас учиться. Вы нагло лжете им.

Доктор С. Н. А. Шривастава подал в отставку, потому что в результате этого случая совершенно потерял лицо. Я пришел к нему домой, чтобы утешить, но он сказал:

— Пожалуйста, не нужно мне ваших утешений.

— Время от времени я буду навещать вас, независимо от того, нужно оно вам или нет. Я знаю, что вам это необходимо, — сказал я.

— Закончится это когда-нибудь? Или мне придется покончить с собой? Я говорю, что не хочу вас видеть, а вы заявляете: «Возможно, вам это и не нужно, но вам это необходимо». И вот вы затронули новую проблему: разве есть разница между «нужно» и «необходимо»?

— Да, «необходимо» — это нечто иное. Вы можете не осознавать своих истинных потребностей. Вы можете знать о том, чего вам хочется, и думать, что вам это *нужно*, — но то, что вам нужно, не всегда *необходимо*. Глядя на чью-то красивую шляпу, вы можете подумать, что вам нужна такая же. Но у вас нет потребности в шляпе — возможно, вам необходимы новые туфли. «Нужно» и «необходимо» — совершенно разные вещи.

— Ладно, разные, — согласился профессор, — но все равно не приходите ко мне больше, пожалуйста.

Но вот ведь бывают странные совпадения... Когда я сам стал преподавателем, меня назначили в университет, где он был заведующим кафедрой философии! Когда я впервые зашел на кафедру, он воскликнул:

— Это еще что такое! Зачем вы здесь?

— Меня назначили вашим ассистентом.

— Оставьте вы меня когда-нибудь в покое или нет? Я был сыт вами по горло еще в качестве студента. А теперь вы преподаватель — да еще и мой ассистент! Боюсь, вы станете причиной новых терзаний, — он снова использовал это же самое слово.

— Господин С. Н. А. Шривастава, — сказал я, — прошло шесть лет, а вы так ничему и не научились. Снова терзания? Назовите это тревогой. У тревоги есть внешний объект, какая-то ситуация. А терзания — внутри вас. Вам нужно взглянуть в себя.

— Еще бы! — сказал он. — Поскольку мы теперь с вами сидим в одном кабинете, мне волей-неволей придется взглядываться в себя. Иначе я вынужден буду смотреть на вас — а от одного вашего вида я начинаю терять рассудок. Вы выпихнули меня из того колледжа. А теперь вы явились сюда... и я уверен, мы не можем сосуществовать в одном кабинете. Вы не из тех людей, кто согласится уйти, поэтому, полагаю, мне придется просить руководство о переводе в другое место.

Из-за вас и у жены моей рассудок помутился, ибо она все время твердит, что я вас боюсь и постоянно убегаю. Она говорит мне: «Как долго ты собираешься бегать от этого человека? Если уж он решил тебя преследовать, то не отстанет».

Моя квалификация действительно позволяла последовать за ним в любой университет, куда бы он ни отправился. И я сказал:

— Если я действительно решил, то и правда могу преследовать вас. Но я не хочу быть причиной ваших тревог. Я хочу, чтобы у вас были терзания. Ваша смерть близка, вы уже очень стары — сейчас не время для тревоги. Тревоги — для молодых людей, перед которым постоянно встает выбор. А вам... Прежде чем придет смерть, решите свою главную проблему.

Короче говоря, терзания — это поиск себя.

Один из величайших мудрецов нашего времени, Рамана Махарши, давал всем один и тот же совет. Он был очень простым человеком — не ученым. Он ушел из дома, когда ему было всего семнадцать, даже не получив толком образования. У него был один простой совет. Кто бы ни приходил к нему — а к этому мудрецу приходили люди со всего мира, — он говорил всем одно: «Сядь где-нибудь в уголке...» Он жил на горе в Аруначале и предлагал своим ученикам обживать пещеры в горных склонах. Там поблизости много пещер. Итак, он говорил: «Сядь в пещере и медитируй над одним вопросом: кто я?» Все остальное — лишь объяснения, переживания и попытки выразить эти переживания в словах. Реален лишь только этот вопрос: «Кто я?»

Я встречался со многими людьми, но мне не довелось увидеться с Раманой Махарши. Он умер, когда я был еще слишком юн. Мне хотелось к нему отправиться, хотелось посетить его, но он жил слишком далеко — за полторы тысячи миль. Я много раз заводил с отцом разговор:

— Этот человек уже стар, а я так молод. Он не говорит на моем родном хинди, а я не знаю его языка — тамильского. Даже если я доберусь до него, что само по себе сложно...

От моего дома до Аруначала было почти три дня пути — нужно было сменить несколько поездов, с каждой сменой поездов меняется и язык. Когда выезжаешь с территории, где говорят на хинди, — а это самая большая территория, — ты попадаешь в места, где говорят на маратхи. Когда заканчивается область, где говорят на маратхи, ты попадаешь в земли Низама Хайдарбадского, где говорят на урду. Далее ты попадаешь в штаты, где преобладают языки телугу и малаялам, и лишь потом оказываешься на территории, где говорят на тамильском, — там и жил Рамана Махарши.

— Для меня само по себе это путешествие было бы сложным, — говорил я отцу, — а ты даже билет мне не купишь. Придется ехать без билета. Сотня миль для меня не проблема — я не раз уже ездил на такие расстояния. Когда ты не даешь мне денег на билет, я просто подхожу

к контролеру и говорю: «У меня проблема: отец не покупает мне билета, но мне очень нужно кое-куда попасть, поэтому придется ехать без билета. Однако я не хочу путешествовать как вор, поэтому ставлю вас в известность».

И железнодорожный служащий всегда думал с удивлением: «Безбилетники никогда не подходят к контролеру, чтобы поставить его в известность...» И тогда он мне отвечал: «Ладно. Садись. Я тебе помогу. Через сотню миль выйдешь вместе со мной, и я проведу тебя до выхода с платформы, чтобы тебя не остановили станционные контролеры, которые дежурят там на случай, если тебе удастся избежать контролера в поезде. В ближайшие сто миль функцию контролера в этом поезде выполняю я. Но тебя могут поймать на станции, так что я тебе помогу».

В детстве я часто путешествовал без билета. Папа думал, что если не покупать мне билетов, то я никуда и не уеду. Но вскоре он понял, что я нахожу способ. Он спрашивал:

— Как тебе удается не попасться?

— Не скажу. Это секрет, — отвечал я. — Но я открыл его дедушке, так что можешь спросить у него.

Люди во всем мире живут в постоянной тревоге.

Даже если сказать тебе — а именно это говорил всем Рамана — «Перейди на уровень терзаний»...

Мне так и не удалось побывать у Раманы, но позже во время своих путешествий я встречался со многими его учениками. Посетив Аруначал, я познакомился с очень близкими его учениками, которые и сами на тот момент были уже очень старыми людьми, — но не нашел среди них ни одного, кто понимал бы смысл послания учителя.

И дело не в языке, потому что все они знали тамильский. Дело в совершенно иной точке зрения и ином понимании. Рамана говорил: «Вглядишься внутрь себя и найди, кто ты есть». А чем занимались эти люди, когда я к ним приехал? Они сделали из его наставлений песнопения! Они просто сидели и повторяли напевно: «Кто я? Кто я? Кто я?» — как любую другую мантру.

Некоторые люди выполняют *джану*: «Рама, Рама, Рама» или: «Харе Кришна, Харе Кришна, Харе Кришна». А в Ару-

начале они по той же самой технологии пытались делать нечто совершенно другое — чего Рамана никак не мог иметь в виду. Я сказал его ученикам:

— Речь шла совсем не о том, чем вы тут занимаетесь. Неужели вы действительно думаете, что, повторяя «Кто я? Кто я? Кто я?», вы можете получить ответ? Даже если твердить эти слова всю свою жизнь, ответа не будет.

— С одной стороны, мы делаем то, что, как нам кажется, имел в виду учитель... — ответили они. — А с другой — мы не можем утверждать, что ты ошибаешься, потому что и правда похоже, что мы тратим время впустую. Сколько бы мы ни пели «Кто я? Кто я? Кто я?», ничего не происходит.

Естественно, они пели это на тамильском — их родном языке. Я сказал им:

— Вы можете петь это много жизней кряду, но ничего не произойдет. Задача не в том, чтобы петь «Кто я?». Не нужно произносить ни слова — нужно просто молчать и слушать. Вначале вы обнаружите, что вокруг вас, подобно мухам, кружатся тысячи мыслей, желаний, грез — бессвязных, неуместных, бессмысленных. Вы — в гадающей толпе. А вам нужно просто спокойно и тихо сидеть посреди этого внутреннего базара.

Прекрасное слово — «базар» (*bazaar*). Оно пришло в английский язык с Востока, но, вероятно, англоязычные люди не знают, что оно воспроизводит жужжание: «бз-з-з-з». Базар это место, где гомон многих голосов сливается в непрестанное жужжание. А твой ум — самый огромный базар на свете. В уме каждого человека — в этом маленьком черепе — вмещается крупнейший базар. Ты удивишься, если узнаешь, как много людей толпится внутри тебя: так много идей, так много мыслей, так много желаний, так много грез. А ты просто седи себе тихонько посреди этого базара и наблюдай за ними.

Если ты начинаешь говорить: «Кто я?» — то сам становишься частью базара, ты жужжишь. Не жужжи — просто молчи. Пусть базар живет своей жизнью, оставайся в центре циклона. Да, нужно набраться терпения. Невозможно предсказать, когда в тебе прекратится жужжание, но рано или поздно оно прекратится — это точно. Все зависит от

тебя: насколько оживленный у тебя базар, как давно он в тебе обосновался, в течение скольких жизней ты его носил в себе, насколько щедро ты его подпитываешь и насколько у тебя хватает терпения, чтобы сидеть безмолвно посреди этой безумной толпы — сводящей тебя с ума, дергающей тебя со всех сторон.

Ты когда-нибудь бывал в сумасшедшем доме? Вот посиди там — и ты прочувствуешь вкус своего ума. Кто-то из сумасшедших станет тянуть тебя за руку, другой — за бороду, третий попытается снять с тебя одежду — все станут возиться вокруг тебя. А ты седи тихо. Надолго ли тебя хватит?

Отец одного из моих санньясинов — Нарендры — каждый год на шесть месяцев сходил с ума. В периоды безумия у него было очень хорошее настроение и он вел себя странно. Мог отправиться в странствие, в паломничество по святым местам. Однажды во время такого своего приступа безумия он сбежал из дому. Его искали, но не могли найти. Искали повсюду, стараясь охватить максимально большую территорию. Но он сел в очень быстрый экспресс на Агру. Возможно, ему хотелось посмотреть Тадж-Махал, неизвестно — никому не ведомы мотивы сумасшедших. Но на момент приезда в Агру он очень проголодался. Денег у него не было, тем не менее он зашел в магазин сладостей.

В Индии делают очень вкусные слойки под названием *кхаджа*. И вот из-за этого названия у отца Нарендры возникли проблемы. Слово *кхаджа* имеет два значения, и одно из них «мягкость». Эти слойки удивительно мягкие — стоит чуть сжать их пальцами и они крошатся, рассыпаясь на мелкие кусочки. А другое значение слова *кхаджа* — «ешь».

И вот отец Нарендры спросил у лавочника:

— Что это?

— *Кхаджа*, — ответил тот, и отец Нарендры начал есть.

— Что вы делаете? — возмутился лавочник.

— Ем. Вы сами предложили, — сказал сумасшедший.

Вокруг стала собираться толпа, но он не переставал есть. Нужно сказать, что отец Нарендры был очень силен. Он заявил:

— Если уж он сказал «*кхаджа*», то я все это доем — всю эту кучу, которая тут у него есть.

— Кажется, этот человек сумасшедший! — догадался лавочник. — Я продаю *кхаджу* всю свою жизнь, и это первый случай, когда человек думает, что это слово означает «ешь». Мне никогда и в голову не приходила такая возможность.

— Ты сказал «ешь», вот я и ем, — сказал сумасшедший.

Отца Нарендры отвели в полицейский суд, где он был признан невменяемым. Тогда его на шесть месяцев отправили в сумасшедший дом в Лахоре. Лахор был очень далеко от нас — теперь он находится в Пакистане, даже не в Индии — это был самый далекий уголок страны. Тем временем семья очень переживала — никто не имел ни малейшего представления, куда он делся. В Лахоре тогда был один из самых больших сумасшедших домов в Индии.

Отец Нарендры относился ко мне с большой симпатией, потому что я был, вероятно, единственным человеком во всем городке, кто мог понять и оценить его безумие. Мы частенько беседовали — я и с Нарендрой — то постепенно познакомился именно благодаря его отцу — мы вместе плавали в реке, ходили на рынок. Мне было с ним весело, потому что мне самому даже не было нужды проказничать — того, что вытворял он, вполне хватило, чтобы не заскучать.

Он рассказал мне потом, что первые четыре месяца в лахорском сумасшедшем доме (где пребывало не меньше трех тысяч человек) у него все шло хорошо. «Первые четыре месяца я даже не помню, — говорил он, — они пролетели легко, как будто я был в раю. Но через четыре месяца произошел случай, с которого начались проблемы».

Как-то раз он обнаружил в ванной емкость с какой-то жидкостью для мытья туалетов. Он ведь сумасшедший, а жидкость на вид напоминала молоко, вот он и выпил всю емкость. В результате в течение пятнадцати дней его мучила диарея — и врачи ничего не могли сделать. Ничто не помогало — те химикаты были отнюдь не предназначены для употребления внутрь. Он выпил целую емкость —

и немаленькую емкость — жидкости для мытья раковин и унитазов в дурдоме. И это средство отменно прочистило его персональный дурдом: после пятнадцати дней непрерывной диареи его рассудок прояснился. Произошло своего рода очищение.

Но тут началась трагическая часть нашей истории, продлившаяся еще два месяца. Он снова и снова обращался к главврачу:

— Я уже не сумасшедший, дальнейшее пребывание в вашей лечебнице — пытка для меня. В прошлые четыре месяца мне было хорошо: кто-то бил меня, кого-то бил я, это не имело ни малейшего значения. Мы дрались, толкали друг друга, орали, визжали, кусались. Творили все что угодно — на то он и сумасшедший дом. Но теперь я уже не сумасшедший.

— Трудность в том, что я теперь не могу их бить, — продолжал он, — мне грустно за них, я сострадаю их безумию. А они постоянно меня бьют, толкаются, стаскивают с кровати. Кто-нибудь подходит и усаживается мне на грудь... один человек обрил мне полголовы, а четверо других тем временем меня держали. Я просил их: «Хотя бы добрейте до конца», — но это не входило в их планы. Затем они поймали еще кого-то и обрили его. Должно быть, тот сумасшедший на воле был парикмахером, на выков ему не занимать — вот он и делает свою старую работу, по привычке. Эти два месяца...

— Ничего не могу поделать, — отвечал главврач. — У меня есть распоряжение суда. Вас поместили сюда на шесть месяцев. К тому же здесь каждый говорит, что он не сумасшедший. Как я могу верить на слово? Какие у вас доказательства, что вы не сумасшедший?

А какие у тебя могут быть доказательства? Если однажды тебя упекут в дурдом и спросят: «Какие у тебя есть доказательства, что ты не сумасшедший?» — ты ничего не сможешь предоставить. Если они уверены, что ты безумен — если они уже решили это для себя, — тогда любые твои аргументы будут в их глазах всего лишь новыми свидетельствами безумия.

— В те два месяца, — рассказывал мне отец Нарендры, — передо мной впервые в жизни по-настоящему

встал вопрос: «Кто я?». Иногда я безумец, иногда — душевно здоровый человек, но это лишь фазы внешних проявлений. Так кто же я? Кто сходит с ума и кто затем снова обретает здравый рассудок?

— Те два месяца позволили вам ощутить вкус терзаний, — сказал я. — Не забудьте эти моменты. Теперь, когда вы вышли на волю, используйте эти терзания в своей медитации. Постарайтесь выяснить, кто вы, ведь вы можете в любой момент снова потерять рассудок, и прежде, чем это случится, постарайтесь обрести хоть что-то прочное: выясните, кто вы.

Но это была слишком трудная задача для бедняги. Через месяц он снова утратил рассудок.

А что можно сказать о человечестве в целом? Вы уже осознаете свою тревогу, но пока еще не осознаете терзаний. Когда к тебе придут терзания, ты в первую очередь почувствуешь полный внутренний разлад, огромную подавленность. Перед тобой развернется непостижимая бездна — и ты рухнешь в нее. Поначалу это ужасно, но лишь поначалу. Если ты сумеешь проявить терпение — совсем немного терпения — и примешь все происходящее как оно есть, то вскоре ощутишь новое качество в своем существовании: все происходящее — лишь вокруг тебя, это происходит не внутри тебя. Это нечто внешнее, а не внутреннее. Даже твой ум — вовне.

А в самом сокровенном твоём центре есть лишь одно: свидетельство, наблюдение, созерцание, осознание. Именно это состояние я называю медитацией.

Без терзаний не может быть медитации. Вначале нужно пройти через горнило терзаний. Там сгорит уйма мусора, и ты станешь чище, свежее. Твое существо недалеко. Оно здесь, очень близко. И только жужжание мыслей не позволяет тебе услышать его, увидеть его, прочувствовать его.

Терзания — это исследование твоей собственной сущности, это вкладывание вопросительного знака внутрь себя. Ты задавал самые разные вопросы: «Что такое Бог?» или «Кто сотворил этот мир?». Все эти вопросы — для умственно отсталых. Зрелый ум задает лишь один вопрос. Даже не два, а один-единственный вопрос: «Кто я?». Да и его не стоит озвучивать, нужно просто войти в состояние вопро-

шания. Тебе не нужно повторять: «Кто я?» — нужно просто пребывать здесь, наблюдать, смотреть; задавать вопрос не голосом, но всем своим бытием. Этот бытийный вопрос поначалу внушает ужас, поначалу причиняет боль — но в конце-концов он приведет тебя к блаженству.

Гаутама Будда сказал: «Мой путь поначалу горек, но в конце очень сладок». Что это за путь? Он говорит не о буддистской религии, хотя именно так толкуют его слова буддистские монахи. Он имеет в виду тот путь, о котором говорю я, — путь, ведущий внутрь тебя.

Да, вначале он горек, но сладок в конце. Вначале он подобен смерти, а в конце — вечной жизни. Все блаженство бытия — с тобой. Ты настолько благословен, что можешь сам благословлять все Сущее. Именно в этом смысле слова *Бхагаван*: благословенный. Рождению благословенного предшествуют муки терзаний.

ПРОСВЕТЛЕННЫЙ АРОМАТ РЕВОЛЮЦИИ

*Ошо,
является ли Джидду Кришнамурти просветленным?*

Да, он просветленный, но в его просветлении кое-чего не хватает. Представь себе, что после долгого перелета в аэропорту обнаруживается, что твоего багажа нет. А с Джидду Кришнамурти произошло нечто еще более серьезное: багаж прибыл, а его самого нет!

Это сложно, но не так уж необычно. Такое происходило много раз и прежде, но по другим причинам. В случае Кришнамурти причина другая, но ситуация та же самая. В мире были люди, которые обрели просветление, но при этом остались христианами, индуистами, джайнами, буддистами. Мне это кажется просто невероятным. Обретя просветление, человек должен избавиться от всех программ ума. Как же тогда можно оставаться христианином? Что такое ваше христианство? В силу случайного стечения обстоятельств ты родился в христианской семье, и родственники запрограммировали твой ум некоторым образом. Они привили тебе определенную идеологию, навязали определенное религиозное мировоззрение — и ты все это заучил, как попугай.

Я понимаю, что ребенок не может всему этому сопротивляться, он беспомощен. Он вынужден усваивать все то, чему его учат. Даже без целенаправленного обучения он впитывает информацию, поступающую из окружающего мира — от родителей, от друзей, от соседей. Он ходит вместе с родителями в церковь, в синагогу, в храм — и поглощает информацию. Даже если ты не вкладываешь в него

знания напрямую, косвенный процесс программирования все равно протекает непрерывно.

Но родители и учителя не пускают дело на самотек: они не оставляют ребенка на произвол косвенных влияний. Они прилагают все усилия, чтобы напрямую обратить в свою веру невинного ребенка, который изначально приходит в мир абсолютно незапрограммированным — чистое зеркало, способное отражать все как есть. Общество, культура, религия берутся разрисовывать это зеркало. Они могут изобразить на нем Кришну, могут изобразить Христа, могут изобразить Моисея — все что угодно. Могут нанести портрет Карла Маркса, могут нарисовать христианство, коммунизм, фашизм — что захотят. Ребенок беззащитен и зависим от взрослых — он не может сказать «нет». На самом деле «нет» отсутствует в нем даже на уровне идеи.

Ребенок всецело доверяет людям, которые дают ему все, помогают ему во всем, поддерживают его: папа, мама, родные — тепло, уют... Они создают все возможности для его роста — нельзя им не доверять. Вопрос о недоверии даже не возникает в голове у малыша — и это естественно.

Но используя эту естественную ситуацию, религии мира совершают самое страшное преступление в человеческой истории: они превращают ребенка в христианина, в магометанина, в иудея, в индуиста, в коммуниста — и делают это, пока ребенок еще не может принять все это осознанно, пока ребенок еще не готов, пока его воля еще не созрела. Конечно, малыш не говорил «нет», но «да» он тоже не говорил. По-настоящему чуткие люди дождутся, пока ребенок сам скажет «да».

По-настоящему любящие люди дождутся, пока ребенок спросит: «Что такое церковь?» Они должны прилагать все усилия, чтобы не влиять на него даже косвенно, не говоря уже о прямом влиянии. Нужно хранить его врожденную чистоту до тех пор, пока у него не начнет развиваться собственный разум.

Рост отнимает некоторое время — тут всего лишь требуется немного терпения. Рано или поздно он начнет задавать вопросы, ибо каждому человеку от рождения при-

суша склонность к исследованию. Вопросы в нем созреют. И тогда тоже нужно проявлять внимание, любовь, сострадание к твоему юному спутнику... Он — не твое имущество, он просто пришел в этот мир через тебя. Ты был только каналом, никогда не забывай этого. Он тебе не принадлежит, он принадлежит всему мирозданию. А ты был только тропинкой, по которой он пришел в свое тело.

Не разрушь природный потенциал ребенка. Не сбивай его с собственного пути в угоду собственным шкурным интересам. Не веди себя как политик, хотя бы по отношению к собственному ребенку. Но все родители и все учителя на всей Земле абсолютно не соображают, что делают. Во имя религии они совершают грех. Обычно я не употребляю этого слова. С моей точки зрения, в жизни бывают ошибки и промахи, но не грехи — ибо человеку свойственно ошибаться. Человек не рождается всеведущим. Он не рождается непогрешимым, как Папа Римский. Он снова и снова падает — и встает. Так уж человек учится ходить, так уж он учится видеть, исследовать.

Да, много раз он будет вступать на ложный путь. И в этом нет ничего плохого. Вступив на ложный путь, ты узнаешь, что он ложный, поскольку при движении в ложном направлении ты не можешь чувствовать себя комфортно — это естественный индикатор. Тебе становится неуютно, желудок сводит, ты напряжен — потому что избранное направление для тебя не естественно. Все это индикаторы того, что нужно изменить маршрут и навсегда запомнить, что данный путь тебе не подходит.

Но когда речь заходит о религии, я не могу использовать обычные слова: ошибка, промах... нет. Здесь требуется что-то намного более весомое. Поэтому я говорю, что так называемая религиозная принадлежность — единственный грех в мире, потому что побуждает тебя совершать злодеяние против существ, которые абсолютно беспомощны и находятся всецело в твоих руках. Это преступление воистину чудовишно.

Так что, если ты стал христианином, если ты стал индуистом, если ты стал буддистом — это все вполне объяснимо. Но когда человек обретает просветление, что это означает? На самом деле это означает, что он преодолел

все то, что некогда сделали с ним общество, культура, религия, государство, система образования, родители, — сделали, действуя в сговоре против маленького ребенка. Преодолеть это все и означает обрести просветление: вернуть себе детство, вернуть эту свежесть, эту зеркальную чистоту, позволяющую просто отражать мир, не вынося никаких суждений.

Зеркало просто отражает. Когда ты стоишь перед зеркалом, оно не судит — хорош ли ты, плох ли, красив ли, уродлив ли — вообще никаких суждений. Зеркало просто отражает. Оно не вовлечено в происходящее.

Вспоминаю свое детство. В тот самый миг, когда я осознал, что происходит (должно быть, мне тогда было года четыре или пять), как только я осознал, что меня пытаются тащить в направлении, которого я не выбирал, я спросил у своего отца:

— Думаешь, что только из-за того, что я рожден твоим сыном, я обязан следовать твоей религии, твоей политике? Я должен стать членом клуба *Lion's* и унаследовать твой бизнес? Неужели из-за того, что я имел несчастье родиться в твоей семье, мне придется делать все эти вещи?

— А кто сказал, что тебе придется стать членом клуба *Lion's* или вступить в ту же политическую партию, в которой состою я? — удивился отец. — Кто тебе все это наговорил?

— Никому и не пришлось ничего такого говорить, потому что вот уже в течение пяти лет ты постоянно подталкиваешь меня к этому. Зачем ты водишь меня в джайнистский храм? Кто ты такой, чтобы решать? Зачем ты велишь мне кланяться статуям Махавиры и каким-то там священным книгам, о которых я пока вообще ничего не знаю?

А я тогда даже читать еще не умел. Все эти писания в моих глазах ничем не отличались от всех остальных книг — но почему-то все им кланялись.

— Вы все отвешивали им поклоны и меня побуждали к тому же: мне было неловко оставаться равнодушным, когда все вокруг выказывали столько почтения. Но меня никто ни о чем не спрашивал — меня таскали в храм без моего согласия. Совсем недалеко стояла мечеть — туда

водили моих приятелей. Почему ты меня не водил в мечеть? Почему родители приятелей ни разу не привели их в джайнистский храм?

— Иначе что еще означает политика? — продолжал я. — Ты навязываешь мне определенные идеи, скармливаешь определенные отношения. Ты начал это так рано, что я даже не осознавал происходящего. Но отныне прекрати. Оставь меня в покое. Теперь я уже в состоянии сказать «нет». И запомни: пока я не способен сказать «нет», как я могу сказать «да»? Способность говорить одно означает также и способность говорить другое — они идут в паре.

Так что не обижайся на мое «нет». Когда-то я скажу «да», но придется подождать. Возможно, я скажу «да» не этому храму, а какому-то другому; возможно, не этой книге, а другой. Сейчас ничего нельзя предсказать — я непредсказуем, в отличие от неодушевленных предметов. Завтра стул останется стулом, стол останется столом, они предсказуемы. Но разве можно ждать того же от человеческого детеныша?.. Я непредсказуем.

Однажды пьяница, уже порядком навеселе, забрел в лавку сладостей. Он дал владельцу рупию, заказал сладостей на полрупии и потребовал сдачу. Лавочник сказал:

— Сейчас у меня нет мелочи. Зайди завтра утром, когда будешь проходить мимо. Или оставь рупию себе, запла-тишь завтра утром — как тебе больше нравится.

— Ладно, заберу сдачу завтра, — сказал пьяница.

Но потом он подумал: «А что, если лавочник сменит адрес? Сейчас в мире столько обмана... нужно как-то позаботиться о том, чтобы он никуда не съехал». Итак, пьяница огляделся и увидел лежащего перед магазином буйвола. «Вот и хорошо, — подумал он. — Должно быть, лавочник даже и не заметил, что там лежит буйвол».

На следующее утро пьяница смог вспомнить только то, что напротив лавки, где ему нужно забрать полрупии, лежал буйвол. И он стал искать этого буйвола — свой единственный ориентир. Но ведь буйвол — не статичный объект, теперь он лежал напротив парикмахерской.

Пьяница вошел туда, схватил парикмахера за горло и прошипел:

— Ах ты сукин сын! Ради половины рупии ты сменил профессию, сменил касту и всего за одну ночь переделал лавку сладостей в парикмахерскую!

— Я вас не понимаю, — взмолился парикмахер. — Вчера мой магазин вообще был закрыт.

— Замечательно! Ты еще и обманывать меня вздумал. Вон, посмотри, буйвол. Я хоть и пьяница, но не дурак. Я сразу почувствовал, что у меня будут с тобой неприятности, поэтому запомнил этого быка — всю ночь старался не забыть о нем. И вот — буйвол лежит точно в той же позе напротив твоей парикмахерской.

— Теперь я понял, в чем твоя проблема, — сказал парикмахер. — Ведь вчера вечером я видел этого буйвола напротив лавки со сладостями. Ступай туда, пожалуйста. Буйвол — не из тех предметов, которые все время остаются на одном месте, он движется. Вот он и переместился! Что я могу с этим поделать?

Но люди думают, что ребенок остается таким же, каким они сделали его с самого начала. Но впрочем, большинство детей и остаются — ведь это удобно, комфортно. Зачем морочить себя? Если тебе дают готовые ответы, к чему скептицизм?

Все религии порицают скептицизм. На самом же деле скептицизм — начало настоящей религиозности. Скептицизм означает исследование; скептицизм означает: «Что бы ты мне ни говорил, я не могу принять это на веру, пока не сумею убедиться в твоих словах на опыте». Но это неудобная позиция. Тебе приходится пускаться в долгие путешествия, и никогда нет уверенности в том, что ты сумеешь зайти на своем пути достаточно далеко, чтобы получить ответ самостоятельно.

Большинство людей — основная масса — ищут удобства, комфорта, готовых вещей, готовых ответов. И это понятно. В этом уродливая сторона человеческой природы: даже ради истины они не готовы немного потрудиться. Даже истину хотят получить по дешевке. А поскольку ты хочешь истину по дешевке, находятся лоточники, которые продают ее по дешевке. Не просто по дешевке — бесплатно раздают. Более того, еще и поощряют: если ты берешь

их истину, они дают тебе что-нибудь сверху. Христиане станут называть тебя праведником, индуисты — махатмой, мудрецом. Без малейших усилий, ничего не заплатив, ты становишься уважаемым человеком. Все, что тебе нужно, — это немного притворства, немного лицемерия.

Все человеческое общество притворяется. Что ты знаешь об опыте Христа? А не попробовав его на вкус, как ты можешь быть христианином? Если *это* не лицемерие, тогда что есть лицемерие? Ничего не зная о Боге, ты веруешь в Него. Если *это* не лицемерие, тогда что есть лицемерие?

Ты нечестен даже перед Богом. Честный, искренний человек начнет со скептического отношения. Он будет исследовать. Он будет ставить знак вопроса на каждой программе, которую пытаются навязать ему родители и общество.

И все это понятно в отношении общей массы людей — их можно простить. Но как простить просветленного? Его просветление означает, что он ушел от любого программирования, от всех навязанных ему моделей мышления. Он стер все программы, вышел из-под гипноза. Для просветленного называть себя христианином непростительно — но такое не раз случалось в человеческой истории.

Очень редкие люди вслух заявляли о своей уникальности.

Они совершили небольшой самостоятельный шаг и оставили позади магистраль, по которой движутся все — с комфортом движутся. А когда ты покидаешь магистраль, тебе приходится самому протаптывать тропинку — ногами. Готового пути нет. Потому я и говорю, что истина стоит дорого. За нее нужно платить.

Когда идешь не по проторенному пути, ты разбиваешь стопы в кровь. Твой ум убеждает тебя, что нужно вернуться на магистраль, где идут все. Он твердит тебе: «Не будь идиотом! Тут ты заблудишься. Там толпа, там тепло. Когда вокруг столько людей, можно не сомневаться в том, что идешь в правильном направлении, — не могут же столько людей одновременно заблуждаться!»

Когда ты один, где гарантия, что выбранное тобой направление верное? Никаких подтверждений нет. А на магистрали миллионы людей впереди тебя, миллионы

позади, миллионы рядом. Какие еще доказательства тебе нужны? Я могу понять, почему обычные люди предпочитают магистраль. Будь то христианин, индуист, джайн или магометанин, не важно — человеку нужно принадлежать большой толпе. Куда ни кинь взгляд, везде лишь толпы и толпы — это дает тебе ощущение убежденности в том, что ты на верном пути.

Я могу простить тебя. Но как простить святого Франциска? Он просветленный, но при этом остался христианином и с почтением прикасался к стопам Папы Римского. Но это же омерзительно: Папа Римский! — отнюдь не просветленный, а обычный человек на выборной должности. Папой может стать любой проныра, если он сумеет удачно провести предвыборную кампанию.

Но зачем к нему ходил святой Франциск? Франциска уважала вся страна, люди любили его, прислушивались к нему... вести о нем дошли до Папы, и тот не на шутку разозлился. Народ считает святым человека, прежде чем его объявил таковым Папа! Его обошли — и терпеть такое нельзя. Этот человек пренебрегает католической системой — ни одна иерархия не может мириться с таким саботажем: если ты хочешь быть просветленным, то вначале приди к Папе, и пусть Папа даст тебе лицензию: ты просветленный только в том случае, если он скажет «да», нужна его санкция на просветленность... Именно это у христиан и означает «святой»: «тот, кто получил санкцию Папы».

Становись кем угодно, но только не христианским святым. «Христианский святой» означает лишь одно: «санкционировано Папой». В особенности позорно быть христианским святым в наше время — не становись таким, сколько бы тебе за это ни платили. Санкционировано Папой! И чего стоит такая святость?

Но святой Франциск, видя, что Папа злится все больше и посылает недвусмысленные послания: «Ты должен вначале прийти к Папе», — отправился к нему, прикоснулся к его стопам и, сложив руки в молитвенном жесте, смиренно попросил: «Благослови меня и скажи, как я могу служить Христу, Его Церкви, христианству и тебе». Папа остался доволен. А Франциск получил свою санкцию на святость.

Я могу понять Папу и его тупость — ибо ничего другого от Папы Римского и ждать нельзя. Но *святой Франциск*? Все-таки чего-то в его святости недоставало. Он обрел просветление, но при этом остался пленником старых программ. Хотя он и знает: «Я — не эти программы», но ему недостает смелости сбежать из тюрьмы. Наоборот, он решил использовать саму тюрьму, саму программу, сам язык программирования, чтобы передать людям свое послание. Это трусость. Именно поэтому я утратил всякое уважение ко многим святым прошлого, принадлежащим к самым разным религиям.

Я знаю, что они пришли к пониманию, но их понимание было недостаточно пламенным — оно лишь чуть теплится. Оно было не революционным, оно было ортодоксальным. Возможно, они были обычными людьми и страхи обычных людей нависали над ними тенью, окрашивая их действия. Их манера говорить, их поведение, их действия указывают на просветленность — но в то же время и на то, что этим людям не удалось полностью стереть свою программу. Возможно, они думали, что если сотрут ее, то не смогут общаться с другими людьми, в которых заложена та же программа.

Такой подход уместен для бизнесмена, но не для просветленного человека. Кого тревожит, поймут ли его люди? Если поймут, тем лучше для них. Если не поймут, пусть катятся к чертям — это их личное дело. Почему я должен ради вас таскать весь этот лишний багаж, прекрасно осознавая, что это — хлам?

Вот так многие просветленные прошлого лишились моего уважения. Я не могу отрицать, что они находились в том же пространстве, куда я желаю попасть вам всем, — да, они были в этом пространстве, но остались бутонами, так и не сумевшими расцвести. Они остались бутонами из страха. Побоялись раскрыться. Раскрываться всегда рискованно. Кто знает, что произойдет, когда ты расцветешь? Лишь одно можно сказать наверняка: высвободится твой аромат. А это может создать для тебя проблемы. Аромат просветленного — это революция, бунт. Возможно, лучше остаться закрытым бутонем, как все эти робкие люди... просветление попало не в те руки.

А с Дж. Кришнамурти — совсем новая ситуация. Он просветленный, и он не ортодокс, однако этот человек ударился в другую крайность: он *анти*-ортодокс. И вот это «анти-» нужно подчеркнуть.

Когда я заканчивал обучение в аспирантуре, вместе со мной учились две девушки. Вся группа по изучению религии состояла только из нас троих. Вполне логично, что преподаватель был человеком религиозным. И, как того можно ожидать от религиозного человека, он был безумно влюблен в одну из девушек. Профессор хранил обет безбрачия. Он строго следовал индуистским традициям, ибо хотел однажды стать монахом и усердно готовил себя к этому: занимался йогой, выполнял упражнения по концентрации и визуализации, постоянно напевал мантры. Но все эти вещи составляют лишь одну сторону — на другой стороне находится наша биология, и она перевешивает.

Положите на одну чашу весов все ваши писания — все писания всех ваших религий, — а на другую чашу — биологию. Чаша биологии опустится до земли, а все ваши писания улетят в небеса. Они вообще ничего не весят. Чтобы они оставались на земле, необходимы идиоты, играющие роль пресс-папье.

И вот у нашего преподавателя возникли большие проблемы. Одна из девушек была совсем неброской — из тех, на кого не обращают особого внимания. В действительности, «неброская» это даже мягко сказано. У нее росли усики, и ей приходилось брить их — а что еще делать? Она была из Пенджаба, а в Пенджабе такое не редкость. Пенджабские женщины сильны, они отличные работницы, трудятся на полях едва ли не наравне с мужчинами. Полагаю, усы и борода начинают расти именно в результате тяжелого изнурительного труда — нечто подобное я наблюдал в ашраме у Шри Ауробиндо.

В ашраме у Ауробиндо всем приходилось выполнять очень тяжелые упражнения. Большинство обитателей его ашрамов составляли юные девушки, которых туда послали родители — последователи Ауробиндо, — чтобы они там научились жить духовной жизнью. И я с удивлением обнаружил, что у них почти у всех растут усики. Странное дело! Я сказал:

— Если такое происходит в этих ашрамах, тогда их нужно закрывать!

Я поинтересовался о причинах этого феномена у главы ашрама, и он сказал:

— Мне уже даже как-то неловко, потому что все об этом спрашивают, а я не знаю, в чем дело.

— Три часа упражнений утром и три часа упражнений вечером... наверное, это все от упражнений, — предположил я.

А упражнения там почти такие, как в армии! Наверняка, дело в этом. Слишком много усилий, слишком много упражнений — вероятно, это приводит к смене гормонального фона и у девушек начинают расти усики... Я хорошо помню ту девушку из университета, и она была более чем невзрачной. Пройдя мимо, ты даже и не взглянул бы в ее сторону, и я не думаю, что кто-то когда-то на нее обернулся.

Но вторая была редкой красавицей. Она родом из Кашмира, а в Кашмире рождаются, наверное, самые красивые женщины в мире. Наш профессор-монах просто не находил себе места. А тяжелее всего ему было оттого, что эта девушка была расположена ко мне, а не к нему. Поэтому он на меня злился: ведь он всеми путями старался привлечь к себе ее внимание, а она словно бы его и не замечала.

Меня самого эта девушка совсем не интересовала — но ее ко мне определенно влекло. Она задавала мне вопросы, брала книги почитать... И когда она ко мне обращалась, я, естественно, исполнял ее просьбы. Профессор же просто кипел от ярости!

Вся эта ситуация достигла своей кульминации, когда однажды она пригласила меня к себе домой на ужин — и профессор-монах слышал состоявшийся между нами диалог. Та девушка была дочерью начальника городской налоговой инспекции, и она зачем-то хотела познакомить меня со своими родителями. Только ей самой известно, зачем это было нужно, — я не в курсе. Я ей прямо сказал:

— Тебе нужно знать, что я не настроен на какие-либо серьезные взаимоотношения, так что, возможно, ты зря меня приглашаешь. Если у вас с родителями есть какие-то

планы на меня, то все это зря. Я, конечно, могу прийти на ужин — ты приглашаешь, я приду, — но этим все и ограничится.

Она была несколько шокирована. Я сказал:

— Можешь забрать свое приглашение назад, я не обижусь. На самом деле скорее у тебя есть основания обижаться на меня.

Однако я хотел рассказать совсем не об этом. Когда профессор услышал об ужине и о том, что девушка хочет познакомить меня со своей семьей, он подловил меня в библиотеке.

В библиотеке у меня был собственный уголок — маленькая комнатка, которую мне выделили по специальному разрешению проректора, чтобы мне не приходилось сидеть в общем читальном зале, где постоянно снуют люди. Я любил читать в одиночестве, поэтому закрывался изнутри. Мой интерес к книгам был необычайно велик. Возможно, я прочел больше, чем любой другой человек в этом мире, — потому что я не занимался вообще ничем, кроме чтения. Я и спал-то всего по три-четыре часа в день, а все остальное время читал.

Кто-то постучал в дверь. Такого никогда раньше не бывало, так как я сказал всем своим преподавателям, что, даже если будет гореть весь университет, меня это не интересует, — так что никто никогда меня не отвлекал. И библиотекаря я предупредил: «Если хотите закрыть библиотеку, закрывайте — я останусь на ночь, — но никогда не стучитесь в мою дверь. Не люблю такой фамильярности».

А тут впервые кто-то ко мне постучался. «Кто бы это мог быть?» — подумал я и открыл дверь. Снаружи стоял красный от гнева профессор-монах.

— Вы любите эту девушку? — выпалил он.

— Я ее даже не ненавижу, — ответил я.

— Что вы имеете в виду?

— В точности то, что говорю: я ее даже не ненавижу. Вопрос о любви вообще не возникает. Между нами нет даже таких отношений, как ненависть, — напрасно вы так раскипятились. Вон покраснели весь. Уходите из моей комнаты. Что касается сегодняшнего ужина, то я его от-

менил, так что можете не беспокоиться. Но если вы хотите поужинать у нее в доме, я могу вам это устроить.

— Нет-нет, я вовсе не хочу ужинать у нее в доме, особенно если это устроите вы... Но что вы имели в виду, когда сказали «Я ее даже не ненавижу»? — снова спросил профессор.

— Все очень просто. Неужели вы, преподаватель религиоведения, не понимаете таких простых вещей? Любовь — это взаимоотношения, ненависть — тоже взаимоотношения. Любовь может в один прекрасный день превратиться в ненависть, и это происходит — причем не в один прекрасный день, а каждый день. Верно и обратное: ненависть может превратиться в любовь. Такое случается реже, но тоже случается, потому что любовь и ненависть — это одна и та же энергия, просто по-разному структурированная. Допустим, у вас в комнате есть диван, стол и стулья — сами они всегда остаются одними и теми же, но существуют тысячи возможностей их взаимной расстановки. И люди занимаются этим постоянно. Вот я и сказал, чтобы устранить проблему в самом ее корне: «Я ее даже не ненавижу», — так что можете быть спокойны.

Почему я об этом вспомнил? Из-за Дж. Кришнамурти. Он ненавидит ортодоксию — он ненавидит все, что приходит от имени религии. Запомните разницу: я критикую, а он ненавидит. Я все это даже не ненавижу! Кришнамурти находится с религией в определенных взаимоотношениях — именно здесь его ошибка.

Он вырос в очень странных условиях. Его воспитывали теософы — с тем чтобы впоследствии провозгласить Учителем Человечества. Но таких учителей невозможно создавать. Учителем человечества нужно родиться — нельзя заставить человека стать им. И учителя человечества никто не провозглашает учителем — он просто является таковым. Это не вопрос декларации, это вопрос признания со стороны людей... так что воспитатели тут ничего поделать не могут.

Когда появляется человек, обладающий способностью притягивать к себе людей со всего мира — умных людей, искателей, исследователей, тех, кто способен рисковать и

ставить все на кон, — ему нет нужды объявлять: «Я учитель всего человечества». Весь мир будет просто смеяться над человеком, сделавшим такое заявление. Настоящий учитель человечества ничего такого не говорит — решает само человечество, а не он.

Но теософы попробовали пойти другим путем: они постарались вырастить Учителя Человечества. Поэтому они специально обучали Дж. Кришнамурти с девятилетнего возраста. Теперь ему девяносто. Теософы выбрали его, когда он купался обнаженным в реке, протекающей через индийский город Адьяр, где находится штаб-квартира теософского общества. На тот момент это было очень мощное движение — тысячи людей проявляли к нему интерес. Единственное, чего им не хватало, — это Учителя всего Человечества.

Среди них были очень умные люди — Лидбитер, Анни Безант, полковник Олкотт, — но никто не обладал харизмой. Чтобы стать Мастером, совершенно необходима одна черта: человеку нужно обладать некой магической притягательностью — харизмой. Не только его слова, но все его существо должно притягивать к себе людей, словно магнит. Ни у кого из них этого не было.

Анни Безант была очень милой женщиной, но что толку? Существуют миллионы милых женщин. Лидбитер — замечательный писатель, но никто из учителей человечества писателем не был. Ни один учитель человечества, достойный этого звания, не занимался писательством, потому что сказанное слово обладает магией, которую никогда не вложишь в слово написанное. Написать может кто угодно. Думаешь, была бы какая-то разница между тем, что написал бы Христос, и тем, что написал бы ты? Может быть, у тебя даже почерк лучше. Но слово не обрело бы харизматической силы лишь из-за того, что его написал бы Иисус. Если же говорить о слове высказанном — то слово Иисуса обладало особой силой. Если бы то же самое слово сказал ты, в нем той силы не было бы.

Все христианские миссионеры постоянно повторяют те же самые слова. Иисус немного после себя оставил — фактически, единственную проповедь. Все его учение за-

ключено в Нагорной проповеди. Он не был образованным человеком и не мог говорить изысканно — его речь была простой и грубой. Чего еще ожидать от сына плотника? Но он оказывал колоссальное воздействие на слушателей. Людей не распинаят просто так.

Если иудеи и римляне сговорились распять этого человека, можешь не сомневаться, что в нем было нечто, заставлявшее царя Ирода трепетать на своем троне. Слушая Иисуса, иудейские первосвященники, обладавшие всей полнотой религиозной власти, сразу поняли, что их ученость бессильна победить этого человека.

И дело не в том, *что* Он говорил, но в том, *как* Он это говорил — или, скорее, в Его *присутствии*. То пространство, откуда исходили слова Христа, изначально несет в себе некий особый аромат, обладающий свойством проникать прямо в сердце. Этому не помешаешь. Возможно, позже ты найдешь тысячу аргументов против Его слов, но пока этот человек здесь — независимо от того, прав Он или ошибается, — Его воздействие на слушателей абсолютно. Пока Он присутствует, ты не можешь в Нем сомневаться.

И ты не сможешь создать такую личность, обучая человека ораторскому искусству: давая ему уроки дикции, риторики и актерского мастерства. Профессионализм тут ни при чем. Тем не менее теософы работали над Джидду Кришнамурти до тех пор, пока ему не исполнилось двадцать пять. Тогда они подумали: «Пора возвестить о нем людям — он готов». Между тем они и вправду подобрали *великого человека*.

В свое время они взяли на воспитание и нескольких других мальчишек, ведь заранее не угадаешь, кто окажется подходящим. Обучение проходили по меньшей мере полдюжины, но Кришнамурти оказался лучшим. И, несомненно, он действительно был лучшим — но не для достижения их целей. Для их целей подошел бы любой из оставшихся пяти.

Один из них — Радж Гопал — жив до сих пор. Он всю жизнь служил личным секретарем Кришнамурти, но несколько лет назад предал его, и это было по-настоящему жестокое предательство. Все имущественные и интеллектуальные права были записаны на Раджа Гопала — чтобы

Кришнамурти не приходилось забивать себе голову всеми этими мелочами. Когда Кришнамурти было восемьдесят лет, Радж Гопал просто взял и забрал все это лично себе: миллионы долларов, все будущие авторские гонорары, все права на издания книг, все пожертвования, поступившие за предыдущие пятьдесят лет. Это огромное состояние. Он просто отшил Кришнамурти, сказав: «Я больше не твой секретарь. Забудь о том, что у тебя все это было, — или же, если хочешь, можешь со мной судиться».

Этот человек — Радж Гопал — мог бы принести намного больше пользы теософскому движению и его задачам. Он оказался чрезвычайно умным, хитрым и невероятно терпеливым — воистину волевой человек. Радж очень долго выжидал, прежде чем предать Кришнамурти: должно быть, он лелеял свою идею все пятьдесят лет, но никто даже и не догадывался о его замыслах. Даже сам Кришнамурти ничего не подозревал. Как можно подумать, что человек, служивший тебе пятьдесят лет, вдруг возьмет и отрежет тебе голову?.. Тот, кто никогда не сказал ни слова поперек, ни разу не усомнился в тебе... Радж Гопал намного лучше подходил для реализации целей, которые ставили перед собой теософы.

Дж. Кришнамурти, несомненно, был самым лучшим — но не для их целей. И это стало очевидно в тот самый день, когда он должен был провозгласить себя учителем всего человечества. Все было тщательно подготовлено — каждое слово заявления, которое он должен был сделать. Организаторы мероприятия устраивали репетиции его речи снова и снова, чтобы убедиться, что он говорит все без запинки, — ведь это заявление должно было стать документом исторического значения, никто никогда не делал ничего подобного прежде.

На это мероприятие в Голландию приехали шесть тысяч человек со всего мира. Одна дама королевских кровей пожертвовала свой замок и пять акров земли под штаб-квартиру Кришнамурти. В общем, все делалось с большим размахом.

Кришнамурти встал перед аудиторией и объявил:

— Я здесь никому не учитель и никто мне не ученик. Единственное заявление, которое я намерен сегодня сде-

ать, состоит в том, что я отказываюсь от сформированного вокруг меня движения. Я распускаю организацию «Звезда Востока», созданную для моей работы, и возвращаю замок, земли и все пожертвования их владельцам.

Анни Безант расплакалась. Она не могла поверить своим ушам. Это стало для нее настоящим потрясением: «Что происходит? Мы съехали сюда со всего мира, а этот человек говорит, что он никому не учитель и, вообще, никакой учитель не нужен». Но с точки зрения любого человека, понимающего, как работает человеческая психология, это было вполне ожидаемое событие.

Теософы постоянно давили на него, и это для него был первый шанс встать и высказаться публично — Кришнамурти решил свой шанс не упускать. До того момента его никому не показывали, а между тем по всему миру распространялись слухи о том, что он получает инициации на все более и более высокие уровни духовности: «Вот он поднялся на уровень трех звезд, а теперь уже на уровень пяти звезд... семи звезд. Наконец он достиг уровня девяти звезд — его время пришло». Именно поэтому организация, созданная для Учителя Человечества, была названа «Звезда Востока» — ведь он был первым человеком, достигшим наивысшего уровня сознания: девять звезд.

Звучит как пятизвездочный отель — девятизвездочный отель! И конечно, когда ты падаешь с девятизвездочного отеля... Все движение рассыпалось в прах. Не только «Звезду Востока» пришлось распустить — потрясение оказалось настолько сильным, что разваливаться и увядать стало все теософское общество. Теперь оно — достояние истории.

Проблема Кришнамурти состоит в том, что с тех пор прошло уже шестьдесят пять лет, а он продолжает безостановочно твердить людям одно и то же: «Умри для прошлого, живи в настоящем моменте». Это одержимость. Насколько я понимаю, он не сумел умереть для своего прошлого: оставить позади годы суровой дисциплины, йоги и лицемерия. Эти люди почти пытали его йогой — подъем в три часа ночи, холодная ванна, упражнения, мантры — и все это оставило на нем шрамы.

Он говорит тебе: «Умри для прошлого», — но сам так и не сумел простить всех этих людей, которые давно уже

мертвы. Он не сумел забыть детские годы, проведенные в пытках во имя работы над собой, во имя самодисциплины.

Странное совпадение: как раз сегодня я впервые увидел Дж. Кришнамурти по телевизору. Однажды случилось так, что мы одновременно оказались в Мумбае, и он захотел со мной увидеться. Ко мне пришел один из самых приближенных его учеников в Индии, который был со мной знаком и не раз слушал мои беседы. Он сказал:

— Дж. Кришнамурти хочет с тобой увидеться.

— Нет проблем, — ответил я, — приводи.

— Нет, в Индии так не принято, — сказал он.

— Кришнамурти не обращает внимания на то, что принято в Индии, или в Европе, или в Америке... — заметил я.

— Он-то действительно не обращает внимания на все это, но остальные обращают.

— Посторонние не будут присутствовать, — пообещал я. — Ты говоришь, что Дж. Кришнамурти хочет со мной познакомиться, так приведи же его. Если бы я хотел познакомиться, то пришел бы к нему, а так не вижу потребности.

Но ученик Кришнамурти снова и снова настаивал:

— Ведь он старше, а ты младше, — мне тогда было лет сорок, а Кришнамурти вдвое больше.

— Совершенно верно, — отвечал я, — но я не вижу никакой потребности с ним встречаться. Что я ему скажу? У меня нет к нему вопросов, есть только ответы. Будет очень неловко, если я стану отвечать ему на вопросы, которых он не задал. Он будет ожидать от меня вопросов. Но это невозможно — я никогда ни о чем не спрашивал. У меня есть только ответы — что мне теперь делать?

— Несомненно, он просветленный, но зачем нам встречаться? — продолжал я. — Большую часть времени мы будем просто молча сидеть друг напротив друга. Стоит ли мне ради этого ехать за десять-двенадцать миль?

В Мумбае десять-двенадцать миль означают два-три часа. Улицы переполнены всякого рода повозками. Мумбай, наверное, единственный город в мире, где можно встретить абсолютно все модели машин. Даже самая древ-

няя из машин — на которой Бог вывез Адама и Еву из рая — должно быть, тоже колесит где-нибудь по улицам Мумбая. Это без вариантов — она просто не может быть нигде больше.

— У меня нет никакого желания тратить три часа без нужды... У меня уже были подобные случаи — все это абсолютно бесполезно. Пойди и спроси его: если он хочет задать мне какие-то вопросы, то я, возможно, и приеду — просто из уважения к его преклонному возрасту. Но у меня самого вопросов нет. Если же он просто хочет меня увидеть, тогда пускай приезжает сам.

Естественно, Кришнамурти очень рассердился, когда услышал это. Он вообще легко впадает в гнев. Этот гнев обусловлен его прошлым — он злится на свое прошлое.

А вот сегодня я увидел интервью с Кришнамурти на BBC — я впервые увидел, как он выглядит, и был просто потрясен! Опять та же самая история, которую я рассказывал вам вчера, — та же история. У него совсем нет харизмы, никакого посыла вовне. Мне было грустно смотреть это интервью. Я знаю, что он просветленный, но лучше бы мне не видеть его лица, его жестов, его глаз, потому что ты не заметишь во всем этом и тени просветления. Груз прибыл, а пассажир потерялся где-то по пути.

Я все же говорю, что он просветленный, потому что читал слова тысяч просветленных — и тексты Кришнамурти намного более точно описывают этот опыт. И тот его бунт — он тоже свидетельствует о просветленности. Но существует разница между бунтом и мятежом — огромная разница. Бунт — это реакция. Мятеж — не реакция, а действие.

Пожалуйста, постарайся увидеть разницу: реакция неизменно подразумевает озабоченность той ситуацией, которая ее вызвала. И это постоянно тянет его назад. Кришнамурти не может избавиться от этих теней — а ведь это не более чем тени, — он все время окружен ими и продолжает на них реагировать. Когда он с тобой говорит, его слова обращены отнюдь не к тебе — ты лишь повод обличить давным-давно умерших людей, которые сделали ему что-то плохое.

Я думаю, он в любом случае скоро обрел бы просветление — если не в этой жизни, то в следующей. Но сделай он это самостоятельно, просветление обладало бы совсем другим качеством. Оно представляло бы собой действие, а не реакцию. И тогда это был бы мятеж.

Я ни на что не реагирую. Все, что я говорю, — не реакция, но мой опыт. А если он чему-то противоречит, то я тут ни при чем; это побочный эффект. В случае же Кришнамурти сами его слова являются побочным эффектом, а его главная задача — сокрушить тех людей и обличить проступки, совершенные против него. Ему уже девяносто лет, но его по-прежнему продолжают окружать эти старые тени, и из-за них он не сумел расцвести в харизматическую сущность. Именно это я и увидел сегодня: у него совсем нет харизмы.

Девяносто лет — долгая жизнь. А начал он свою карьеру в девять — с девяти лет Кришнамурти живет в духовном мире, это уже восемьдесят один год без перерыва. Возможно, никто прежде не жил в духовном мире так долго. Восемьдесят один год, но этого заветного магнита все еще нет... Он выступал перед людьми во всем мире. Должно быть, Кришнамурти — один из самых выдающихся ораторов в истории человечества. Иисус ограничивался лишь Иудеей, Будда ограничивался Бихаром, но Кришнамурти за все эти годы объехал весь мир. У него есть особые места, где он выступает регулярно.

Я знаю о его выступлениях в Мумбае, потому что сам прожил четыре года в этом городе. Мои санньясины ходили на выступления Кришнамурти и рассказывали мне. Один факт: в Мумбае его слушают не более трех тысяч человек. Он приезжал в Мумбай всю свою жизнь, он останавливается там только раз в год всего на две-три недели. В неделю проводит по два, максимум три выступления — и все равно туда приходит не больше трех тысяч человек. Самое удивительное, что это в основном одни и те же люди, и большинство из них очень стары. Они слушают его в течение сорока лет — одни и те же замшелые пни.

Вот ведь странно: сорок лет ты слушаешь этого человека, но ничто не изменяется и ты сам не изменяешься.

Такое впечатление, что это просто вошло в привычку: он ежегодно приезжает в Мумбай и тебе нужно его послушать. Постепенно старики умирают, их заменяют многочисленные новички, но общее их число никогда не превышало трех тысяч. Та же ситуация в Нью-Дели, та же ситуация и в Варанаси — я выступал в его школе в Варанаси. Я спросил у них:

— Сколько человек сюда приходит?

— Полторы тысячи максимум, и это всегда одни и те же люди, — ответили мне.

Какое воздействие на людей! А ведь этот человек прилагает напряженные усилия. Иисус за три года создал христианство — едва ли не самую влиятельную религию в мире, — независимо от того, справедливо это или нет. Но вскоре после смерти Кришнамурти исчезнет и его имя — разве что озеро Кришнамурти останется! И причину этому я вижу уже сейчас. Это не тот человек, который проникает внутрь тебя в обход интеллекта и пленяет твое сердце, даже если интеллект продолжает сопротивляться, — а ведь именно в сердце находится твоя сущность. Интеллект может бороться, может сомневаться, но, если сердце в плену, интеллект мало что может.

Разум вынужден следовать за сердцем. Да, если он успевает перехватить послание прежде, чем оно дойдет до сердца, он все испортит. Харизматическая личность — это такой человек, который может дотянуться прямо до сердца, пока интеллект не успевает даже сообразить, что происходит, что творится. К моменту, когда интеллект осознает, что твое сердце забилося с новой радостью, становится уже слишком поздно. Разум не может изменить то, что произошло в сердце, — это невозможно. Он не в состоянии вернуть все назад. Как нельзя вернуться во времени, так разум не может вернуться к сердцу — он всего лишь страж у ворот.

Харизматическая личность каким-то образом входит в ворота, когда стражник то ли отлучается, то ли спит, то ли погружен в какие-то свои мысли. Лишь услышав колокольчики, зазвеневшие в сердце, страж просыпается, но теперь уже слишком поздно: кто-то вошел внутрь. А страж не может войти внутрь, это исключено — ибо разум не способен двигаться назад, это против природы

вещей. Да, если разум поймает тебя у ворот, то сердце никогда о тебе не узнает. Именно сердце трансформирует человека, соединяет его с миром, строит золотые мосты. А интеллект — очень поверхностное явление.

Когда я смотрел интервью с Кришнамурти сегодня утром, мне стало грустно за этого человека. Он работал всю свою жизнь, преодолевал невообразимые трудности — а результат нулевой. И причину найти не трудно: в нем нет харизматической энергии, нет ауры. Он окружен тенями прошлого, они скрывают его. Он против ортодоксии, против традиций, против обычаев — но вся его энергия ушла в ненависть. Его взаимоотношения с прошлым замешаны на ненависти — но они все равно остаются взаимоотношениями. Он не сумел полностью отделить себя от прошлого. Возможно, это позволило бы ему высвободить свою энергию; пробудило бы его харизматические качества — но этого не произошло.

Люди, которым он интересен, — чистые интеллектуалы. Обрати внимание, я сказал *чистые* интеллектуалы, не те, кто знает, что у них есть еще и сердце. Эти интеллектуалы, испытывающие интерес к нему, не принадлежат к числу людей, которые могут трансформироваться. Они всего лишь софисты, полемисты, и Кришнамурти напрасно тратит свое время на этих интеллектуалов всего мира.

Заметь, я не сказал интеллигенция всего мира — это совсем другая категория. Я сказал чистые интеллектуалы, любящие играть со словами, с логическими конструкциями — это для них своего рода гимнастика. А Кришнамурти всего лишь подкармливает их интеллект. Он думает, что разрушает их ортодоксальные взгляды, разрушает их приверженность традициям, разрушает их наносную личность и помогает обнаружить индивидуальность. Но это заблуждение — ничего он не разрушает. Он просто питает их сомнения, поддерживает их скептицизм, помогает сформулировать некоторые идеи — теперь им проще оспаривать что бы то ни было. Ты можешь оспаривать в этом мире все что угодно, — но поддерживает ли твое сердце хоть что-то, утверждает ли хоть одну вещь?

Нельзя выступать против всего — это тебя не изменит. Отстаиваешь ли ты что-то? От него не исходит ничего

такого, что можно отстаивать. Он только спорит и спорит. Проблема в том — именно поэтому мне жаль его, — что деятельность этого человека могла бы принести огромную пользу, но не принесла. Я встречал тысячи сторонников Кришнамурти, но ни один из них не трансформировался. Да, они умеют говорить. С ними не поспоришь — если речь идет о дискуссии, то они непобедимы. Кришнамурти оттачивал их интеллект годами, но в результате они стали всего лишь попугаями, повторяющими его слова.

В этом парадокс всей его жизни. Кришнамурти хотел, чтобы они стали независимыми индивидуумами, а что получилось? Они всего лишь попугаи, интеллектуальные попугаи.

Раосахеб Патвардхан, который звал меня повидаться с Кришнамурти, — один из давних его соратников. Мы познакомились с ним в 1965, когда я выступал в Пуне, а он тогда в Пуне жил. Теперь его уже нет в живых. Я спросил Раосахеба Патвардхана, который был очень уважаемым человеком:

— Ты был так близок к Кришнамурти всю свою жизнь, и что ты обрел? Я не хочу слышать, что традиции — это плохо, социальное программирование — плохо и от всего этого нужно избавляться. Я и так это знаю. Забудь обо всем этом и просто скажи мне: что ты обрел?

И этот старик, умерший всего через шесть или семь месяцев после того разговора, ответил:

— Я никогда не задумывался о своих приобретениях, и меня никто никогда не спрашивал об этом.

— Тогда в чем же смысл? — настаивал я. — Независимо от того, являешься ли ты сторонником или противником традиций, ты остаешься привязан к ним. Когда ты расправишь крылья и полетишь? Кто-то сидит на дереве потому, что любит это дерево, кто-то сидит на том же дереве потому, что ненавидит его и не хочет слазить, пока не разрушит его. Один его поливает, другой пилит — но оба они ограничены, привязаны, прикованы к этому дереву.

— Когда ты расправишь крылья и полетишь? — снова спросил я его. — Вот оно, небо. А вы оба о небе забыли. И в любом случае, какое отношение имеет к нему дерево?

Поэтому я и вспомнил об этом случае с профессором-монахом и о моих словах: «Я ее даже не ненавижу».

У меня нет ненависти ни к одной религии. Я просто констатирую факт: *религии есть не что иное, как преступление против человечества*. Но я говорю это без всякой ненависти. Я не питаю к ним любви; я не питаю к ним ненависти. Я просто констатирую факт.

Итак, ты найдешь много общего между тем, что говорю я, и тем, что говорит Кришнамурти. Но между нами огромная разница. Различие состоит в том, что, обращаясь к твоему разуму, я одновременно работаю кое с чем другим — отсюда и паузы. Вот почему наши беседы продолжаются так долго! Любой идиот может оттараторить мою беседу за один час — но не я, потому что мне нужно сделать кое-что еще.

Так что время, когда ты ждешь продолжения моих слов, не проходит зря. Ты сосредоточен на своей голове, ты ждешь — а я тем временем краду твое сердце.

Я вор.

ЛОНО ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ

*Ошо,
опиши, пожалуйста, ортодоксального раджни-
шевца.*

Здесь есть терминологическое противоречие, но я не стану просто отмахиваться от вопроса. Я постараюсь выжать из него как можно больше сока. Да, есть способ описать ортодоксального последователя Раджниша. Определение получится странное, ведь в данном случае мы вместе употребляем термины, которые полностью противоречат друг другу. Первое качество ортодоксального раджнишевца состоит в том, что он не ортодоксален — ни в одном возможном смысле этого слова, ни в одном отношении.

Он всецело привержен духу мятежа.

Он готов бороться со всем, что уже отжило свой век, но продолжает отягощать человеческое сознание, — со всеми теми вещами, которые давно уже нужно было выбросить на помойку. В силу странной привычки человеческого ума к тебе прочно цепляются различные мертвые вещи — и чем они древнее, тем глубже и сильнее они в тебя впиваются. Причину этого нужно понять.

Прежде чем в мире возникла такая вещь, как образование, существовал лишь один способ обучения: перенимать опыт от тех людей, у которых он есть. Естественно, старшее поколение учило младших. У старшего поколения был опыт, и этот опыт представлял собой единственную школу — никакой альтернативы не было. Младшее поколение должно было перенимать все, что говорили старшие, — никаких обходных путей не существовало. Старшее поколение было единственным источником знания,

поэтому стариков очень уважали. Чем старше человек, тем большим он пользовался уважением, так как у него больше опыта, его опыт более продолжителен — и это давало таким людям определенный авторитет и власть.

Не существовало других авторитетов, которые могли бы конкурировать со стариками — старшему поколению принадлежала монополия. В результате такой ситуации — а она, по-видимому, существовала тысячи лет — ум приобрел определенные привычки, а привычки очень живучи. Привычки, сформировавшиеся на протяжении тысячелетий, накрепко вмурованы в тебя. Они стали своего рода программой.

Всю свою жизнь я критиковал Махатму Ганди, но ни один из его последователей не ответил на мои аргументы. Я не могу их упрекать, поскольку с их стороны никаких аргументов и не существует: все, что они могли бы сказать, выглядело бы глупо, и они это знают. В частных беседах со мной они признавали:

— То, что ты говоришь, правильно, но сам тот факт, что ты говоришь это, — неправильный. Говорить что-то против человека, которого боготворят миллионы, уже само по себе неправильно, ты ранишь их чувства.

— Так вы имеете в виду, что мне нужно врать, чтобы не ранить их чувств? — отвечал я. — Мне нужно перестать говорить правду? Разве вся жизнь Ганди не может быть охарактеризована как глубокий поиск истины? Он даже свою автобиографию озаглавил «История моих экспериментов с истиной» — этот человек всю свою жизнь считал экспериментом с истиной. А вы — его ближайшие последователи. Вы жили рядом с ним. И у вас хватает наглости настаивать, что я не должен что-то говорить, несмотря на то, что мои слова правдивы.

Публично ни одному последователю Ганди не хватило смелости признать моих слов, но и контраргументов они тоже найти не могли. Поэтому они нашли единственный довод против меня, который в Индии звучит очень убедительно: все последователи Ганди по всей стране стали твердить, что я слишком молод и неопытен, а когда я стану постарше, то не буду говорить таких вещей. Даже Морарджи Десаи...

Он считает себя единственным живым преемником Махатмы Ганди и очень доволен одним обстоятельством... Ганди во всей Индии называли *бану*. *Бану* означает «отец», но это слово гораздо ласковее — скорее «папа» или даже «папочка». Чтобы перевести точно, нужно использовать то же слово, которое говорил Иисус, — *авва*. Это арамейское слово имеет в точности то же значение, что индийское *бану*. *Бану* — слово из языка гуджарати. Морарджи Десаи тоже принадлежит к народности гуджарати, и сейчас он уже довольно стар, ему девяносто, так что самое время называть его *бану*, — и последователи действительно стали так его называть. Десаи очень радуется то, что его называют *бану* — точно так же, как вся страна называла самого Ганди.

Находясь на посту вице-премьер-министра, Морарджи Десаи критиковал меня, и вся его критика сводилась к тому, что я слишком молод. Через несколько лет, когда он уже больше не работал в правительстве, Морарджи захотел встречи со мной. Он задумал отстранить Индиру Ганди от власти, и ему понадобилась моя помощь, мой совет. Когда я приехал к нему в гости, он встречал меня у ворот — необычный для него жест, но тогда он оказался действительно в трудном положении. Необычный для него жест — я ведь встречался с ним прежде, когда он еще был при власти.

Он взял меня за руку, провел в дом, позаботился о том, чтобы я расположился с комфортом... У меня уже появилось несколько седых волос, поэтому он сказал:

— В прошлую нашу встречу у тебя еще не было седины.

— Что делать? — ответил я. — Я усиленно седею ради того, чтобы доказать свою правоту. Нет седых волос — нет правоты.

Он не понял моего замечания, и я объяснил:

— Позвольте вам напомнить. В свою бытность вице-премьером вы критиковали меня, утверждая, что я слишком молод. Вот с тех самых пор я стараюсь стать постарше. Моя позиция осталась прежней — только теперь я излагаю ее более убедительно, потому что стал опытнее. В каком-то смысле вы были правы... но, насколько я вижу, с возрастом мои аргументы становятся все более жесткими и вескими.

Я не вижу причин надеяться, что когда-либо смогу согласиться с разными глупостями — независимо от того, кто их излагает, будь то Махатма Ганди или сам Бог.

Морарджи Десаи был очень смущен, и я сказал ему:

— Если возраст действительно является аргументом в дискуссии, тогда слышали ли вы мое ответное высказывание?... «Морарджи Десаи совсем ослабел умом. Если бы он был немного моложе, то понял бы, о чем я говорю. Но для этого нужен разум, а он его теряет. Со временем идеи, овладевающие его умом, будут становиться все более нелепыми и глупыми».

Но вот ведь странность: и Кака Калелкар, и Морарджи Десаи, и Виноба Бхаве, и Дада Дхармадхикари, и Шанкар Рао Део — в общем, все выдающиеся последователи Ганди в Индии — использовали против меня один и тот же аргумент: твердили, что я слишком молод. Как будто молодость — преступление, как будто молодость сама по себе подразумевает склонность ошибаться и никакие больше аргументы не нужны.

Я говорил Шанкару Рао Део:

— Сколько лет было Иисусу Христу, когда Его распяли? А ведь я старше — Ему было всего тридцать три. По вашей логике, нам следует отвергнуть все, что Он говорил, — все это чепуха. Какой может быть смысл во всех Его словах? Ему было только тридцать три, какой же авторитет может быть у столь неопытного?

— Однако, — продолжал я, — возможно, лично вы и готовы отвергнуть слова Иисуса Христа, ведь вы не христианин, поэтому позвольте напомнить вам, сколько лет было Шанкаре, великому индийскому философу. Ему тоже было тридцать три на момент смерти. Если возраст имеет значение, тогда нам нужно просто забыть Шанкару. А Шанкара оказал величайшее влияние на индийский ум.

Нет, когда это им на руку — когда молодые просто следуют за стариками, без всякой критики, — тогда о возрасте никто даже не вспоминает. Вопрос о молодости поднимается лишь тогда, когда молодые скептически, когда они начинают сомневаться в идеях стариков.

В древности это было невозможно, потому что молодые не могли достаточно веско подтвердить свои слова: их опыт

был слишком мал для этого. Теперь ситуация очень сильно изменилась — я могу сказать, что она развернулась на сто восемьдесят градусов. Благодаря образовательной системе опыт перестал быть единственным способом обретения знания — фактически, он является слишком долгим путем к знаниям. Образование позволяет прийти к знаниям напрямик. То, что на опыте человек обретал за девяносто лет своей жизни, теперь ты можешь узнать за год.

Все, что Бертран Рассел написал за свою долгую, почти вековую жизнь, ты можешь прочесть за шесть месяцев. Был такой случай: Людвиг Витгенштейн, студент Бертрана Рассела из Германии, прочел все его книги, что сравнительно несложно. А сам Бертран Рассел писал это практически всю свою жизнь — будучи одним из величайших умов всех времен, он записывал практически все, что приходило ему в голову.

Людвиг Витгенштейн был совсем молодым человеком. Он прочитал все книги Бертрана Рассела, поскольку Рассел должен был стать его педагогом и ему хотелось знать, что происходит в уме этого человека. В тот день, когда Людвиг вошел в аудиторию Рассела, он уже знал больше, чем сам профессор. Бертран Рассел был древним стариком. Витгенштейн был совсем молод, но знал уже больше, поскольку прочел все книги самого Рассела плюс еще массу книг других авторов, многие из которых были оппонентами Рассела. Так что он видел много ошибок и огрехов в работах Рассела.

Бертран Рассел был потрясен таким оборотом, но он был человеком очень искренним и честным. Он признал: «Хотя Людвиг Витгенштейн — мой студент, но он знает намного больше, чем я, ибо шел к знаниям напрямик, а мне пришлось долго петлять. Он срезал путь, познакомившись со всеми моими работами, и начал спорить со мной — причем спорить так, как мог бы спорить лишь человек с колоссальным опытом».

Бертран Рассел был так впечатлен успехами своего студента, что уже через несколько дней сказал Витгенштейну:

— Не тратьте зря своего времени, вы ничему не можете у меня научиться. Вы уже знаете больше.

Витгенштейн вел какие-то записи в аудитории. Однажды Бертран Рассел попросил его:

— Я хотел бы посмотреть ваши записи.

Прочтя написанное Витгенштейном, Рассел сказал:

— Это нужно публиковать!

Но Витгенштейн возразил:

— Я пишу это не для публикации, я просто фиксирую идеи, которые приходят мне в голову. Материал пока еще слишком сырой, он не потянет на книгу.

— Публикуйте как есть, — настаивал Рассел, — а я напишу предисловие к вашей работе.

Эти заметки действительно были опубликованы и оказали революционное воздействие на умы современников. Книга получалась фрагментарной, поскольку и не задумывалась как целостное эссе или статья — просто набор идей, приходивших в голову этому молодому человеку. Но поскольку эта книга под названием «Логико-философский трактат» стала настолько знаменитой — это был всего лишь трактат, но он стал знаменит, как ни один другой философский труд в этом столетии, — и оказалась настолько глубокой, она определила стиль Витгенштейна. Впоследствии он не писал книг в другой манере — фрагментарные заметки стали его стилем.

Успех книги показал, что, когда ты пишешь большой труд, твоя идея размазывается по большому тексту и теряет свою силу, свою остроту. Она более понятна, но воздействует слабее. Когда же идеи облачаются в форму максим, голых утверждений без всяких украшений, они проникают глубже, пусть и оказываются понятны лишь немногим — лишь тем людям, которые способны увидеть в семени целое дерево, существующее пока лишь потенциально.

Человек способен видеть дерево в семени.

Утверждения Витгенштейна — как семена. Тебе приходится додумывать, каков их потенциал. Он не дает тебе ключей, он просто выкладывает перед тобой семечко за семечком, семечко за семечком. Он никогда не пытается показать связи между ними — связи ты должен обнаружить сам. Читать Витгенштейна — богатейший опыт. Читая других авторов, ты словно ешь пережеванную кем-то

пищу. Витгенштейн же просто дает тебе еду — а пережевать и переварить ее должен уже ты сам. Тебе нужно самостоятельно выяснить, что значат его тексты.

Обычно философ старается в точности передать тебе свою мысль. Он делает все, чтобы ты не отступил от того значения, которое вкладывает в свои слова он сам, — подает свои мысли в мельчайших подробностях. Но он не оставляет ничего тебе самому, не задает никакой домашней работы. Он не помогает развитию твоего разума, а на деле даже затормаживает его. Если ты привыкнешь жить на жидком питании, то вскоре совсем потеряешь способность самостоятельно переваривать твердую пищу. Жидкое питание испортит твою пищеварительную систему.

Но Бертран Рассел не говорил Витгенштейну: «Ты слишком молод», — нет. Именно так и должен был вести себя истинный мыслитель.

Образование принесло нам новый метод познания. Сидя в библиотеке, ты за считанные дни можешь прочесть все то, что Пифагор собирал в течение всей своей жизни, — все это тебе доступно. Поэтому, когда юноша возвращается домой после окончания университета, возникает проблема всемирного масштаба. Раньше всегда был прав отец, а дед — еще более прав. Теперь же все не так — теперь прав молодой человек, ибо даже если его отец и сам закончил университет, то это было тридцать лет назад, а за тридцать лет многое изменилось.

Когда я изучал в университете психологию, мне попался очень пожилой преподаватель. Он очень много знал — но все эти знания были полувековой давности. Те имена, на которые он ссылался, были на тот момент уже совсем забыты психологическим сообществом. Кто сейчас знает Вудворта? Я спросил у него:

— Вудорт? Это имя было вполне актуально перед Первой мировой, но с тех пор прошло две глобальные войны. Или вы все это время проспали? Вудорт больше не авторитет...

Но в то время когда мой профессор был студентом, Вудорт был большим авторитетом.

— Вам нужно бы почитать Ассаджиоли! — посоветовал я.

— Ассаджиоли? Это еще кто такой? — спросил профессор.

— Если вы не знаете, кто такой Ассаджиоли, тогда подавайте в отставку! Потому что психология продвинулась от Фрейда к Адлеру, затем к Юнгу, затем к Райху, и вот теперь — Ассаджиоли. Ассаджиоли предлагает психосинтез. Фрейд разработал психоанализ, а это противоположный процесс. Когда я записывался к вам изучать психологию, я не думал, что меня станут пичкать всякими прогнившими древностями, которые давно уже неактуальны. Вы умерли вместе со своим Вудвортом! Что вы вообще здесь делаете? Вам даже имя Ассаджиоли не известно? Если вы ничего не знаете о психосинтезе, значит, вы отстали от жизни.

— Вы напоминаете мне одного моего сумасшедшего соседа, — продолжал я. — Каждое утро, когда я завариваю чай, он приходит ко мне за газетой. И я даю ему любую газету — месячной давности, двухмесячной, любую! Он берет ее и с удовольствием читает. Дата его не интересует.

Однажды я спросил у этого сумасшедшего: «Я вижу, тебя так интересуют газеты, но меня удивляет одна вещь: ты совсем не обращаешь внимания на даты». И он ответил: «Меня интересуют сами события. Какая разница, когда они произошли? Хоть год назад, хоть два года... Событие произошло, и оно мне интересно».

— Я приду к вам в дом и рассортирую всю ту макулатуру, которую вы читаете, — заявил я профессору.

— Нет уж, лучше не приходи ко мне, — сказал профессор, — ведь, судя по твоим словам, ты просто все выбросишь. Так что я опасаюсь за свою библиотеку: ты вынесешь все на свалку, а все эти книги напоминают мне о студенческих годах.

— Тогда вам нужно срочно обновить свои знания... иначе садитесь за парту, а преподавать буду я. Если вы не хотите сами следить за новыми течениями, то и не утруждайте себя. Просто садитесь за парту — так хотя бы пополните свои знания. Я не думаю, что могу чему-то научиться у вас. Если для вас психология закончилась на Вудворте, тогда...

— Хорошо, я постараюсь подтянуться, — сказал профессор.

Он был хорошим человеком и сумел признать мою правоту. Многим профессорам пошло бы на пользу, если бы они признали, что после окончания университета они ничего не читали — даже в библиотеке ни разу не были. На самом деле я действительно заинтересовался этим вопросом. Я ходил в библиотеку и спросил:

— Сколько здешних преподавателей посещают библиотеку?

— *Преподавателей?* — переспросил библиотекарь. — Библиотека предназначена для студентов. Преподаватели сюда не ходят.

— Странно, — удивился я, — преподаватели должны ежедневно знакомиться с новинками, ведь все меняется так быстро, а они застряли где-то в прошлом: тридцать лет назад, сорок лет назад.

И за эти годы знание продвинулось вперед настолько сильно, что последние тридцать лет вполне можно сравнить с предыдущими тремя тысячами. За последние тридцать лет произошло больше, чем за предыдущие три тысячелетия, а за последние три года — больше, чем за предыдущие тридцать.

Обрати внимание на такой факт: ныне научные открытия публикуются не в книгах, а в периодических изданиях, в форме статей. Так происходит по простой причине: пока ты закончишь писать книгу, содержащаяся в ней информация уже устареет. Работа над книгой отнимает много времени, возможно год, если писать ее в старом формате — со всеми примечаниями, ссылками, приложениями. Но к тому времени, как ты ее закончишь, кто-то другой опубликует целый ряд статей, в которых поднятая тобой тема будет раскрыта намного глубже, чем в твоей книге. Поэтому современные ученые спешат опубликовать свои находки в периодике. Никогда не знаешь, что произойдет завтра.

Так что теперь молодые люди знают больше, чем старшие: чем свежее твои знания, тем лучше. Но в прошлом было иначе. А в странах с низким уровнем образования и сейчас все иначе — например, в Индии, где хорошее об-

разование получают только два процента населения. По статистике, восемь процентов индусов имеют образование, но у шести процентов «образованность» сводится к тому, что они могут написать свое имя — не больше. Но даже если мы зчтем этих людей, то все равно девяносто два процента сельских жителей остаются совершенно безграмотными.

В сельской местности до сих пор остается нормой, что носителем знания является отец, сын вынужден перенимать его опыт, а дед знает еще больше. Чем старше человек, тем более он уважаем, потому что и мудрости у него больше. Поэтому не удивительно, что во всех религиях Бога изображают древним старцем. Видел ли ты когда-нибудь, чтобы Бога изображали в виде юнца в джинсах? Такой образ Ему не подходит, Он будет выглядеть оскорбительно — и все же сегодня Бог должен выглядеть именно так.

То, как вы изображали Бога в прошлом, нормально. На тот момент старость означала мудрость — естественно, нельзя было изображать Бога в образе молодого человека. Но сейчас старость означает просто отсталость — чем моложе человек, тем он современнее, точнее, ближе к истине. Если вы хотите, чтобы Бог был близок к истине, нарядите его в джинсы. Возможно, Ему будет немного непривычно, но что поделаешь? Все изменилось. Но ум продолжает нести где-то в своих глубинах старую программу.

Мой санньясин должен быть совершенно не ортодоксален. Я не говорю «анти-ортодоксален» — по той простой причине, что, если ты анти-ортодоксален... Возможно, в Америке не стоило бы произносить «анти-ортодоксален» — здесь говорят «антей-ортодоксален»! Но у меня язык не поворачивается: слишком уж это нелепо. «Полуэ-автоматическое оружие»... Эти янки очень странные вещи творят с красивым языком. Нет, я буду и дальше говорить по-своему.

Я не стану называть своих людей анти-ортодоксами, потому что, если ты «анти», ты все равно так или иначе привязан. Взаимоотношения с объектом все равно сохраняются — пусть даже не дружественные, а враждебные. Это не любовь, а ненависть — но ненависть связывает намного крепче, чем любовь.

Замечал ли ты, что любовь очень быстротечна? Она приходит и уходит, как ветерок. Вот она здесь, и ты настолько переполнен любовью к кому-то, что не можешь даже представить, что эта любовь может куда-то деться. В такие моменты люди делают романтические жесты, говорят слова, подходящие только безумцам и поэтам. Но эти моменты так пьянят, и человек говорит: «Я буду любить тебя вечно!» И это чистая правда — *на данный момент*. Он не врёт, он действительно так чувствует: «Если существуют другие жизни, я не могу даже представить себе, что когда-то полюблю кого-то, кроме тебя».

И этот человек не врёт, он абсолютно честен. Он настолько переполнен любовью, что искренне считает: так и есть, одной жизни слишком мало, чтобы испытать такую любовь до дна, чтобы разделить эту любовь. Но он не осознает, что это всего лишь порыв ветра: он влетел через одну дверь и вылетит через другую, оставив тебя в том же состоянии, что и прежде, — ты снова вернешься на землю.

За спиной вдруг выросли крылья, и ты воспарил так высоко: «Все выше и выше, Ошо, все выше и выше». Крылья... Потом оглянулся, а крыльев нет. Внезапно ты чувствуешь, как опускаешься все ниже и ниже, ниже и ниже. Теперь ты даже не на уровне земли, ты падаешь в яму!

Любовь мимолетна — она всего лишь фаза, но ненависть, похоже, намного сильнее. Любовь приходит к человеку и покидает его. Но стоит только возненавидеть... Редко доводится слышать, чтобы человека покинула ненависть. Он застревает в ней, он приклеивается к ней. Ненависть обладает некой особой силой — она держит тебя крепко-крепко. Враги остаются врагами на протяжении целых поколений.

Наши соседи, наши ближние — самые заклятые враги. Где найдешь врагов хуже, чем твои ближние? Вероятно, это осознавал и Иисус. Вначале Он сказал: «Люби врагов своих, как самого себя». А позже говорил: «Люби ближнего своего, как самого себя». Тем самым он уточнил значение сказанного, ибо ближний и есть враг. Не нужно идти далеко, чтобы найти себе врага, он всегда под боком.

Семья моих родителей на протяжении многих поколений враждовала с семьей, жившей по соседству. Мне

было запрещено ходить к соседям в дом и в сад, играть с их детьми:

— Они — наши враги.

— Возможно, они действительно ваши враги, — заявил я. — Но лично я с ними еще даже не успел подружиться, как я могу быть их врагом? Позвольте мне хотя бы познакомиться с этими людьми.

— Споры здесь неуместны, — заявил отец. — Мы тягались с ними по судам, мы дрались с ними на кулаках, и это длится так долго, что наша вражда стала почти священной.

— А я больше не хочу в этом участвовать. Я буду играть с их детьми и ходить в их сад, потому что у них манго лучше, чем у нас. И еще у них очень красивый колодец.

В Индии есть особая разновидность колодцев. Не знаю, делают ли такие где-то еще. Это очень древняя конструкция. Ты можешь либо вытаскивать воду ведром на веревке, либо же можешь спуститься к воде по ступенькам. Называется *бавди*. Так что, если у тебя нет ведра и веревки, ты можешь просто спуститься по ступенькам и набрать воды.

Особенно часто устраивают именно *бавди*, а не обычные колодцы возле дорог, идущих через джунгли, поскольку есть вероятность, что путнику захочется пить, а воду достать будет нечем — так что нужно оставить для него обе возможности. Если он может просто вытащить воду ведром, то так оно даже лучше. Альтернатива — только на случай, если другого выхода нет, потому что, спустившись к воде, человек может ее загрязнить, например, если станет черпать ее руками. Поэтому спуск в *бавди* по ступенькам в общем-то не одобряется. Но мне нравилось спускаться в колодец к соседям — там можно было хорошенько выпотаться.

— У тебя обычный колодец, — сказал я отцу, — а у них *бавди*. Ты лелеешь вашу вражду, как делали твои отцы и деды, — а мне это не интересно. У них хорошие дети, и сами они хорошие люди, зачем я стану враждовать с ними? Мы даже не знаем, по какой причине наши предки рассорились с их предками. Какое отношение имеют все эти древние конфликты к нам? Мы никогда не ссори-

лись. А когда я к ним прихожу, соседи всегда мне рады, и им просто-напросто не верится в происходящее: «Такого не случилось между нашими семьями уже много веков». Я оказался первым, кто разрушил барьер.

Соседи и вправду радовались. Они говорили:

— Мы и сами хотели сломать этот барьер, но кто решился бы взять на себя инициативу? Такого человека сочли бы слабаком.

— Я прихожу к вам не из слабости, — отвечал я. — Мне просто вообще непонятно, какими соображениями руководствуетесь вы и мои родственники. Ведь вы даже не знаете имен тех людей, которые положили начало вражде — а этого действительно не знали ни они, ни мой отец, — и тем не менее продолжаете этот конфликт. Это почти превратилось для вас в религию.

Я прихожу не потому, что слаб, но потому, что силен. Я пришел сказать вам, что упорствовать в своей ненависти глупо. Ведь любовь никто не лелеет так долго, зачем же лелеять ненависть? Более того, вы меня вообще не интересуете. Меня интересует ваше манго, меня интересует ваш *бавди*, ваши дети, так что мне просто приходится ходить в ваш сад. А дружите вы с моими родителями или враждуете — это ваше дело.

А отцу я сказал:

— Никто не помешает мне ходить туда. К тому же они сами меня признали и приняли со словами: «Мы давно хотели прекратить эту вражду, но кто решился бы взять на себя инициативу?» Я считаю, что инициативу должен брать на себя самый умный, а глупцы пусть болтаются в хвосте.

Постепенно, постепенно, поскольку родные не могли меня заставить... Они знали, что чем больше они станут на меня давить, тем чаще я буду ходить к соседям. Я сказал отцу:

— Если будете слишком на меня наседать, я и ночевать у них стану, и питаться. Они уже предлагали мне угощение.

— Ладно, — сдался отец, — я не буду ни на чем настаивать, только не принимай от них пищу. Это наши враги, они могут тебя отравить.

— Да забудь же ты о вражде! Они хорошие люди. Я знаю их намного лучше, чем ты или твои предки. Я хожу к ним каждый день, и вижу: они хорошие. Они даже не запрещают мне нырять в их колодец... по той же самой причине — я первый представитель нашей семьи, вошедший к ним во двор. Они говорят между собой: «Пускай купается в нашем *бавди*. Не будем ему запрещать — это было бы нехорошо как-то. Ведь после стольких поколений он стал первым, кто отважился прийти к нам».

И не бойся, что меня отравят, потому что я уже много раз угощался у них. Я тебе этого не говорил, потому что знал, как ты отреагируешь. Поэтому я вначале попробовал их пищу и убедился, что она не отравлена, — никто никого травить не собирается. Они не запрещают мне рвать манго и другие фрукты в их саду. И опять-таки, по той же самой причине: я первый человек из нашей семьи, который пришел к ним во двор. Теперь я собираюсь пригласить их детей в наш двор и сад. И я ожидаю, что вы станете вести себя как воспитанные люди.

И когда я стал приводить соседских детей к нам, естественно, мои родные тоже отнеслись к ним приветливо. Как можно враждовать с детьми, которые не сделали тебе ничего плохого, и вообще совсем недавно пришли в этот мир?

Но ненависть — очень живучая штука. А у любви жизнь короткая. Видимо, так уж устроен мир. Поутру сад может быть полон цветущих роз, но к вечеру их лепестки уже начинают опадать и вскоре от красоты не остается и следа. А что же булыжник? Он был утром, он остается вечером и будет таким же на следующее утро. Множество роз распустятся и облетят, но булыжник останется неизменным. Ненависть подобна булыжнику. Любовь подобна цветку.

Поэтому я не говорю, что мои люди — анти-ортодоксы, анти-традиционалисты, анти-консерваторы. Нет, они просто не ортодоксы, не консерваторы, не традиционалисты. Не ортодокс значит тот, кто не имеет никакого отношения к ортодоксии — ни позитивного, ни негативного. Ты нейтрален, тебя все это вообще не касается. Ты не сторонник и не противник, тебе просто не интересно.

Потому что «сторонник» и «противник» — это просто противоположные полюсы интереса.

Таким образом, ортодоксальный последователь Раджниша должен быть неортодоксальным во всех отношениях. Его жизнь представляет собой непрерывный мятеж. Позволь повторить: непрерывный мятеж.

Мятеж, длящийся непрерывно.

Это что-то вроде плавно текущей реки. Это не похоже на резервуар с водой. В этом разница между мятежом и революцией. Революция подобна резервуару с водой: французская революция, русская революция, китайская революция. Посмотри, что произошло. Русская революция стала точечным событием, она не является непрерывным процессом. В 1917 она произошла, а что было потом? Она и умерла в том же 1917. С тех пор никакой революции в России нет.

С тех пор революция превратилась для них в ортодоксию, революция превратилась для них в традицию, в статус-кво. Она не течет, не движется — в 1917 она замерла на месте. Они отдают дань почета великой революции, которая произошла в 1917. Что это за революция, если она постоянно оглядывается назад? Даже сам Бог не такой реакционер, как советские коммунисты в наши дни.

Это же очевидно: Бог не дал нам глаз на затылке. Правильный Бог — правильный с точки зрения любых ортодоксов — должен был дать человеку глаза на затылке, а не на лице — какой толк от глаз на лице? Ведь тебе нужно смотреть назад, а не вперед.

Это произошло когда-то в Индии...

Один человек ехал вместе со своим другом из Джабалпура в Нагпур. Было холодно, встречный поток воздуха пронизывал их до костей. Поэтому у водителя возникла идея: он надел свою куртку пуговицами назад, чтобы меньше продувало. Но вскоре они попали в аварию, возможно, именно из-за этой куртки...

Навстречу ехала машина с *сардарджи* за рулем. Девяносто процентов шоферов в Индии — сикхские *сардары*. Не знаю, почему представители этого сословия выбирают профессию шофера... Увидев, что навстречу ему едет мо-

тоциклист, сидящий за рулем спиной вперед, сардар занервничал. Он не справился с управлением и столкнулся с мотоциклом. Но это еще не конец истории, а только начало!

Сардар вышел из машины, чтобы посмотреть, что произошло. Обнаружив мотоциклиста, он подумал: «Бог мой! Ему вывернуло голову!» И тогда он развернул голову бедняги так, чтобы лицо оказалось со стороны пуговиц. Если поначалу мотоциклист был жив, то теперь уже нет. Он пытался вырваться из рук сардара, но это дело нелегкое. Сардары очень сильны и при этом абсолютно глупы — он просто не слушал мотоциклиста. Он только успокаивал его:

— Тихо! Тихо!

Итак, сардар свернул бедняге шею, и тот затих навсегда.

Как раз в этот момент я подъехал к месту происшествия — я как раз ехал из Нагпура — и увидел сцену на дороге. Я спросил у сардара:

— Что случилось, сардарджи?

— Странные дела! — ответил тот. — Вначале этот человек ехал спиной вперед. Из-за этого произошла авария, потому что я совсем растерялся... все случилось за секунду. А когда я вышел из своего грузовика, чтобы помочь этим людям, то увидел, что один без сознания, а второй... Похоже ему развернуло голову.

Я подошел посмотреть.

— Сардарджи, — сказал я, — ты убил этого человека. Ему не голову развернуло, на нем просто куртка была надета задом наперед. Все очень просто: было холодно, да еще и ветер в лицо. Бедняга просто надел куртку задом наперед.

— Вот как? — сказал сардар. — Значит, мне нужно было просто переодеть куртку, а не голову разворачивать. Ведь он был еще жив... а я велел ему помалкивать! И уже только потом я попытался с ним поговорить: «Теперь ты уже можешь разговаривать. Скажи, чего ты хочешь, скажи, куда тебе нужно, и я отвезу тебя в своем грузовике. Прости, что я велел тебе вести себя тихо», — ведь он не говорил мне ни слова.

— Теперь он мертв, — сказал я. — Не тереби его больше! И никому не рассказывай эту историю, не то тебя обвинят не только в том, что ты стал виновником аварии, но и в том, что ты свернул человеку голову, — а вот это уже более серьезно.

Бог дал тебе глаза, чтобы смотреть вперед. А сторонники традиций и противники традиций всегда смотрят назад.

Дж. Кришнамурти — анти-ортодокс, анти-традиционалист, анти-консерватор. Именно в этом состоит различие между нами: я не ортодокс, не традиционалист, не консерватор. Так что «ортодоксальный последователь Раджниша» (и запомни, когда пишешь словосочетание «ортодоксальный раджнишевец», всегда заключай эти слова в кавычки, ведь здесь присутствует внутреннее терминологическое противоречие) пребывает в состоянии непрерывного мятежа. Это не просто революция, которая происходит однажды и сразу же заканчивается, после чего сама становится достоянием традиции.

Иисус был революционером, а христианство не революционно. Будда был революционером, а буддизм не революционен, поскольку революция эта произошла двадцать пять столетий назад. Мы оставили ее далеко позади. Теперь христиане стали столь же ортодоксальны, как и иудеи, некогда распявшие Христа. Если Христос снова придет в этот мир, его распнут функционеры из Ватикана. На этот раз, конечно же, действие будет происходить не в Иерусалиме, а в Ватикане, но распятие неизбежно.

Был такой случай...

Я останавливался в одной христианской семье в Хайдарабаде. Целый день у меня были встречи и интервью. А вечером, когда я собрался ложиться спать, мой друг — а был он намного старше меня — сказал мне:

— Весь день я не решался тебя тревожить, чтобы не нарушить твои планы, однако я хочу поделиться с тобой своей проблемой. Прости, я понимаю, что уже поздно и тебе нужно отдохнуть, но мне необходимо рассказать тебе об этом.

Мой сын был фанатиком Иисуса. Никто не воспринимал этого всерьез, да и не было особого вреда в том, что он постоянно читал Библию и все время цитировал ее. Мы думали, что это у него такой период в жизни... надеялись, скоро пройдет. Но, к несчастью, легким фанатизмом дело не обошлось. Теперь он сам стал Иисусом Христом!

Вот уже два месяца мы очень беспокоимся о нем. До того как он сам стал Иисусом, некоторый фанатизм казался нам в пределах нормы: человек цитирует изречения Иисуса, и хорошо — ведь мы же христиане — человек чтит Иисуса... Все это не слишком настораживало, хотя и было несколько странно, потому что двадцать четыре часа в сутки он только и твердил: «Иисус, Иисус...» Мы, конечно, и сами христиане, но ограничиваемся лишь тем, что ходим по воскресеньям в церковь. Иисус одним часом в неделю вполне удовлетворен. Нет нужды посвящать Ему всю свою жизнь — есть много других забот. Ведь мы же не чудотворцы: не умеем превращать камни в хлеба и воду в вино, поэтому приходится зарабатывать себе и на хлеб, и на все прочее. Одного часа вполне достаточно — и это все, что мы можем Ему посвятить.

Тем не менее мы терпели поведение сына, полагая, что эта фаза в его жизни скоро пройдет: просто юношей на время овладела идея. Но теперь это уже не просто жизненная фаза: он сам стал Иисусом. Он уже не просто цитирует Христа, но говорит от Его имени. Наш мальчик стал всеобщим посмешищем.

Он становится где-нибудь на перекрестке и заявляет, что он — Христос. Люди смеются, бросают камни. Его поведение очень нас беспокоит. Работы у него нет, а быть Иисусом — едва ли это завидная карьера. Всем известно, что произошло с Иисусом Христом! Даже сам Он не сумел сделать хорошую карьеру на своей деятельности, что тогда говорить о нашем сыне? Кто теперь возьмет его на работу? Он окончил университет, поступил в аспирантуру, мог бы сделать отличную карьеру — если бы только не стал Иисусом. И хотя наш сын — первоклассный специалист, но, услышав о том, что он — Иисус Христос, любой работодатель скажет: «Нет, это нас не устраивает. Нам нужен заместитель начальника отдела. Но разве может Христос

быть заместителем начальника? Нет, он достоин большего! Что тут поделаешь?»

— Завтра утром я поговорю с вашим Иисусом, — пообещал я. — Мне нужно с ним увидеться.

Я знал этого молодого человека. Я уже и раньше останавливался в их семье, и видел, что юноша у них странный, но мне он никаких проблем не доставлял. Парень прекрасно понимал, что если он немного помешанный, то я помешанный вдвойне! Поэтому однажды я раз и навсегда дал ему понять: «Запомни, со мной эти номера с Библией и Иисусом Христом не пройдут. Донимай кого-то другого. И вообще: я гость в твоём доме, так что будь добр, веди себя гостеприимно». И он все прекрасно понял. Однако это было в те времена, когда юноша был всего лишь умеренным фанатиком — теперь же он стал Иисусом Христом.

— Но вначале мне нужно получше разобраться в ситуации, — сказал я отцу.

Итак, на следующее утро, не ожидая, пока отец приведет юношу ко мне, я вошел в его комнату и воскликнул:

— Привет, Иисусе!

— Вы сказали «Иисусе»! — обрадовался молодой человек.

— Да.

— Но никто в меня не верит: ни отец, ни мать, ни даже друзья. С тех пор как я стал Христом, у меня совсем не осталось друзей.

— На меня можешь положиться, — заверил я. — Фанатиков я не люблю, но Иисус Христос... Отличная идея! Пойдем пройдемся. Теперь мы с тобой в одной лодке и вполне можем поговорить по душам.

— Что вы имеете в виду? — не понял юноша.

— Просто пойдем. Мы в одной лодке. Очень скоро ты поймешь, что я имею в виду.

Я старался убедить его и так, и эдак, но молодой человек был очень насторожен. Он понимал, что скорее всего я стоворился с его отцом и теперь просто стараюсь каким-то образом вернуть его на землю, чтобы он снова стал всего лишь простым фанатиком Иисуса: «Ну же, это уж слишком. На дворе XX век, и теперь быть Христом слиш-

ком тяжело... Даже во времена Иисуса это было нелегко, а сейчас и подавно».

Он не хотел ничего слышать. Затем в комнату вошел его отец, и я сказал:

— Думаю, он действительно Иисус Христос. Теперь остается только одно: распять его.

— Что?! — воскликнул молодой человек.

— Без распятия ты не придешь в чувство, — сказал я.

— Распятие! — выдохнул юноша.

Отец был в шоке, когда я сказал о распятии, но я деловито продолжал:

— Займитесь приготовлениями.

— Вы серьезно? — спросил молодой человек.

— Я всегда все говорю серьезно, — ответил я. — И я тебе когда-то уже говорил, что если ты помешанный, то я помешанный вдвойне. И если уж ты одержим идеей, что ты — Христос, тогда я вдвойне одержим этой идеей. Я прослежу, чтобы тебя распяли, и останусь здесь до твоего Воскресения.

Тогда он бросился к отцу и сказал:

— Прости меня, я просто фанатик! Я не хочу, чтобы меня распяли, ибо не думаю, что мне удастся воскреснуть. Это для меня слишком.

Две тысячи лет христиане смотрят назад. А буддисты смотрят назад вот уже два с половиной тысячелетия. Если ты оглянешься вокруг, то увидишь, что глаза людей всего мира обращены назад. Но тебе-то известно, что мы движемся вперед. Наши ноги шагают вперед, а взгляд устремлен назад.

Даже с таким человеком, как Дж. Кришнамурти, происходит то же самое: его глаза смотрят назад. Сейчас ты враг, хотя вначале был другом. Но нет никакой разницы, потому что глаза твои по-прежнему направлены назад.

Поэтому я предпочитаю слово «мятеж» — ведь революции происходили не раз, но всегда оказывались чем-то статичным, они слишком быстро застывают на месте. Создается новая ортодоксия, новые устои: новый Бог, новый рай, новый ад — все новое, но очень скоро это тоже становится старым.

После русской революции прошло шестьдесят лет. Больше шестидесяти — и теперь это шестидесятилетняя традиция. Маркс, Энгельс и Ленин — их троица. «Капитал» — их Библия, Коран и *Гита*.

Сходство настолько разительное, что просто не верится. Любопытно, что магометане совсем не читают Коран — они поклоняются ему, но не читают. Где взять время, чтобы читать Коран? И это в каком-то смысле хорошо, что они его не читают, ведь если человек прочтет эту книгу, то уже не сможет ей поклоняться — там просто нечему поклоняться.

Ты либо поклоняешься этой книге, либо *понимаешь* ее. Стоит ее понять, и конец всему — тем более что там особенно и нечего понимать. Поэтому священнослужители не заинтересованы в том, чтобы ты понимал Коран, Библию, *Гиту*, — нет, они заинтересованы в том, чтобы ты и дальше только поклонялся им.

Это окаменевшая революция. Да, когда эти слова говорил Иисус, в них был огонь. Это были пламенные слова. Но думаешь, теперь можно найти огонь в Библии? Будь он там, Библия давно сгорела бы.

В Библии ты можешь найти лишь локоны папиных волос, которые мама срезала еще тогда, когда отец любил ее... Она положила их между страницами Библии... где еще их хранить? Библия — самое надежное место: даже если в дом заберется вор, он ее не тронет.

В Библии можно найти очень странные вещи. Твоя дочь или сестра может хранить там любовные письма. Очень разумно: эту книгу никогда не открывает ни отец, ни мать — никто. Важные телефонные номера, секретные документы — все это следует хранить в Библии. Библия — прекрасная банковская ячейка, не требующая ключа. Год за годом она собирает на себе пыль. Ты можешь написать свое имя на Библии пальцем, на ней всегда достаточно пыли — и тебе не потребуются ни чернила, ни краска.

Таковы революции: раньше в них был огонь, а теперь остался только пепел. Моему санньясину не стоит смотреть назад. Ему не стоит думать о революциях прошлого. Он должен жить в состоянии революции каждый день. И его революция никогда не прекратится. Вот почему я называю

ее *мятежом* — просто для того, чтобы обозначить различие. Его мятеж — нечто живое. Это не историческое событие, это взрыв внутри его существа. Он происходит не во времени — но во внутреннем пространстве. И мятеж непрерывен — человек живет мятежом, дышит мятежом, мятеж бьется в его сердце.

Мой санньясин не может стать ортодоксом никогда: как можно сделать ортодоксию из непрерывного мятежа? Вот почему мои высказывания столь противоречивы. Причина в том, что я никогда не читал ни одной из своих книг — так что даже и не знаю, что в них написано. И это очень хорошо для меня, потому что так мне не приходится беспокоиться о том, противоречу ли я сам себе, когда меняюсь со временем — когда говорю что-то новое. Это дает мне свободу. Если ты спросишь меня об этом, я отвечу: ***то, что я говорю прямо сейчас, и есть правда.*** А завтра видно будет. Я не могу гарантировать, что эти же слова будут правдивы и завтра, потому что завтра... Вся вселенная постоянно течет и меняется.

Я даю тебе не мертвые булыжники. Я преподношу тебе живые цветы. И ни я, ни кто-либо другой не сможет сказать тебе, как они будут выглядеть завтра. Лишь завтрашний день откроет тебе эту тайну.

Я всегда остаюсь непоследовательным, чтобы ты не смог сделать из моих слов догму. А если попытаешься, то просто с катушек съедешь. То, что я оставляю после себя, — кошмар для ученых-исследователей. Они не смогут во всем этом разобраться. Они тоже съедут с катушек — и поделом. Но никто не сможет создать ортодоксального учения на основании моих слов — это невозможно.

Если с христианством это оказалось возможно, то ответственность несет, конечно же, Иисус. Его слова были пламенными, но слишком последовательными, из них слишком легко сделать догму. Он был недостаточно бдителен. Его утверждения столь просты, что любой может составить из них катехизис.

От моих слов можно сгореть, но тебе не удастся сделать их основой какой бы то ни было технологии, какой бы то ни было системы догм. Ты можешь найти способ прожить их, но не сделать из них догму, которую можно

проповедовать. Ты можешь перенять вложенный в них мятежный дух, но не найдешь руководства для совершения революции.

Мои слова не просто пламенны. Я заложил там и тут заряды пороха, которые будут взрываться еще на протяжении веков. Я заложил их более чем достаточно — чтобы не оставить догматикам никакого шанса. Почти каждое слово будет создавать проблемы для любого человека, который попытается построить на моих словах организованную религию.

Да, у вас может быть свободно организованное сообщество — коммуна. Помните: *свободно организованное* — каждый независим, каждый свободен жить по-своему, толковать мои слова по-своему, находить в них все то, что он хочет. Он может найти свой собственный жизненный путь — как и все окружающие.

Нет никакой потребности определять, в чем состоит моя религия. Я оставляю этот вопрос без ответа. Ты можешь сам разработать определение для себя — но только для себя, да и это определение должно постоянно меняться. Ты будешь менять его по мере того, как станешь понимать все больше. Ты не можешь постоянно сжимать его в своей руке, как некий мертвый предмет. Тебе придется его изменять, и одновременно будешь меняться ты сам.

Великий Мастер Нан-инь* лежал на смертном одре. Он был одним из тех людей, кого я называю религиозными, по-настоящему религиозными. Вся его жизнь полна забавных случаев и поучительных историй, которые ясно указывают, что это был человек великого понимания.

И вот, умирая, он сказал своим ученикам:

— Я не хочу, чтобы вы оплакивали мою смерть, ибо это не смерть, так что нечего зря лить слезы и причитать. Я буду смеяться, глядя на вас с другого берега: «Вот дураки! Я всю жизнь на них потратил, а они не понимают таких простых вещей».

* Нан-инь — японский Мастер в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Это ему приписывается знаменитая дзэн-притча о профессоре и переполненной чашке чая. — *Прим. ред.*

Я хочу, чтобы вы танцевали, пели, смеялись и праздновали, потому что смерть — не смерть. Я ухожу, покидаю этот дом, ибо пользы в нем теперь уже нет. Это тело доставляет больше проблем, чем удобств, — я просто его сменяю. Так что нет нужды меня оплакивать. Вы должны радоваться, что ваш мастер идет в новую жизнь.

Ученики почтительно слушали его слова, но по лицам было видно, что они уже готовы разрыдаться. Они были печальны — да и кто не опечалился бы, когда такой человек, как Нан-инь, покидает мир? Но Нан-инь хорошо подготовился. Он сказал:

— Вам нужно кое-что запомнить...

На Востоке есть традиция — возможно, есть она и на Западе, — согласно которой перед кремированием принято омыwać тело и одевать его в новые одежды. На Востоке верят, что после смерти человеку предстоит долгое путешествие — может быть, ему представится возможность принять ванну, а может, и нет. И наверняка ему потребуется новая одежда. Поэтому тело моют и наряжают его во все новое. Это просто такой прощальный жест с этого берега: «Отныне мы уже больше не сможем тебе помогать. Позаботься о себе».

Нан-инь сказал ученикам:

— Не омывайте меня, я только что принял ванну. И мне не хочется лишний раз купаться в такую холодную погоду. Не хочу купаться даже тогда, когда стану мертвым. Я уже принял ванну, которая полагается мне по традиции. Я сделал это сам, ведь если бы меня купали вы, я не знаю, сколько воды вы бы на меня вылили, какой температуры, и вообще что бы вы со мной еще делали. В общем, этот ритуал уже не нужен: я искупался сам.

И одежду мне тоже не меняйте. Вот, посмотрите: я сам переоделся, потому что люблю хорошо подогнанную одежду: не слишком тесную и не слишком просторную. Вы знаете, как придирчиво я к этому отношусь. Так что я сам нарядился для похорон — вы можете убедиться, что моя одежда совершенно новая.

И действительно, ученики видели, что мастер принял ванну и оделся в новенький наряд.

— Итак, это мое последнее желание, — продолжал Нан-инь, — делайте что хотите, но эти два традиционных ритуала просто опустите. И еще не вздумайте провожать меня со слезами и рыданиями. Такое прощание мне не подходит.

И умер.

Хоть Мастер и велел: «Не плачьте», — но как тут с собой совладаешь? Мы не в силах остановить слезы. Потерять такого человека... только что он был переполнен необычайной жизненной силой, а теперь вот ушел неизвестно куда. «Как же много он дал нам! К кому теперь нам обращать свой взгляд? Нас будут терзать вопросы и сомнения, но кто нас теперь ободрит: «Не волнуйтесь, продолжайте идти своей дорогой. Вы на верном пути, и цель близка». Одного только звука его голоса было достаточно, чтобы вернуть человеку отвагу и силу. Кто нам теперь поможет?»

Итак, ученики принялись стенать и лить слезы, но не смогли продолжать это долго. Такие люди, как Нан-инь, — подлинные творческие гении. Когда его тело оказалось на погребальном костре, все ученики очень скоро начали хохотать помимо своей воли — и теперь их глаза наполнились слезами смеха. Забавное дело: перед смертью Мастер спрятал в своем погребальном наряде фейерверки и маленькие петарды!

Именно поэтому он запретил ученикам переодевать его, именно поэтому сам принял ванну. Он заранее подготовил себе погребальный наряд со множеством внутренних кармашков, где разместил огненное шоу почти на три часа. Люди смеялись и плакали, озаренные вспышками фейерверков — цветных и необычайно красивых, ибо в Японии делают лучшие фейерверки в мире. Ничто не сравнится с японской пиротехникой — они превратили это дело в подлинное искусство.

И вот на небе возникло написанное огненными буквами слово, которое Нан-инь не уставал твердить своим ученикам: «Осознавай!». Фейерверки взлетали в небо, взрывались маленькими цветами, из которых складывалось слово «Осознавай».

Ученики смотрели в небо, совершенно позабыв, что идут похороны, — теперь это был просто праздник с фей-

ерверками! Лишь после того, как огонь погас и тело обратилось в пепел, они поняли, что этот человек и после своей смерти продолжал делать то, чем занимался всю свою жизнь. Он позаботился о том, чтобы его работа продолжалась и после смерти. Смерть ничего не меняет — Нан-инь и после нее продолжал делать свое дело.

Точно так же и я вкладываю в каждое свое слово достаточно огня и взрывчатки, чтобы фейерверк длился веками.

Невозможно быть «ортодоксальным последователем Раджниша», если ты не изменишь само значение слов «ортодоксальный последователь», чтобы эти слова несли в себе тот смысл, который вкладываю в них я. Под словосочетанием «ортодоксальный последователь Раджниша» следует понимать человека, являющегося убежденным не-ортодоксом, не-традиционалистом, не-консерватором; мятеж для него — непрерывный процесс и образ жизни; он ничем не связан. Он далек от власти, от бюрократии, от любых иерархических организаций. Он принадлежит лишь свободному сообществу друзей, которых объединяет только одно: любовь к этому безумцу.

Во всем остальном между ними нет единства. Вся их ортодоксия сводится лишь к одному: они любят этого безумца.

ЗАГОВОР СВЯЩЕННИКОВ ДЛЯ МАНИПУЛЯЦИИ ТВОИМ СОЗНАНИЕМ

*Ошо,
что ты можешь сказать о законе кармы?*

Я очень мало могу сказать об этом — и все же разговор будет долгий: два с половиной часа!

Начнем с того, что *закон кармы* — вовсе не закон. Это слово несет в себе определенный научный оттенок, звучит совсем как «закон гравитации». Но речь идет всего лишь о надежде, а не о законе.

Люди из века в век надеются, что за добрые поступки им и воздастся добром. Такова надежда человека, но на деле мы живем в абсолютно нейтральном мироздании. Если ты всмотришься в природу, то заметишь, что в ней и вправду действуют законы — вся наука представляет собой не что иное, как открытие этих законов. Но наука не обнаружила ничего и близко похожего на закон кармы. Да, мы можем совершенно уверенно сказать, что определенного типа действия влекут за собой определенного типа последствия, — но закон кармы предполагает надежду на нечто намного большее.

Если мы просто скажем, что любое действие влечет за собой определенные последствия, то сможем найти научные подтверждения своим словам. Но человек надеется на большее. Он просит, чтобы добрые дела неизбежно влекли за собой приятные последствия, а злые дела — наоборот. Однако тут возникает целый ряд вопросов.

Во первых, что есть добро? Каждое общество определяет добро по-своему. Что добро для иудея, то не является добром для джайниста. Что добро для христианина, не добро для конфуцианца. Более того: что считается добром

в одной культуре, в другой может оказаться злом. А закон должен быть универсальным. Например, если ты нагреешь воду до ста градусов по Цельсию, она начнет интенсивно испаряться — это верно и в Тибете, и в России, и в Америке (даже в Орегоне). Конечно, в Орегоне это для многих станет неожиданностью — тем не менее при ста градусах вода закипит.

Закон должен быть универсальным, если речь идет о научном законе. Если же это закон, установленный самими людьми — записанный в их конституции, в кодексах, — тогда он не имеет ничего общего с наукой и с объективным устройством мироздания. Такой закон применим лишь в рамках установившего его общества. Он произволен, искусствен. Его можно изменить — и мы видим, что законодательство действительно постоянно подвергается изменениям. То, что было законно вчера, становится незаконным сегодня. Что незаконно сегодня, может стать законным завтра. Это законы, созданные самими людьми.

Очевидно, что закон кармы не является ни научным законом, ни частью какой бы то ни было законодательной системы. Тогда что же это за закон вообще? Это *надежда*. Человек блуждает в бескрайней тьме, ища свой путь на ощупь. Он цепляется за все, что может дать ему хоть немного надежды, немного света, — ведь все то, что мы наблюдаем в реальной жизни, полностью противоречит закону кармы. Отпетый уголовник может вскарабкаться на самый верх и стать президентом или премьер-министром. Либо же наоборот: раньше он преступлений не совершал, но, став президентом или премьер-министром, сразу же берется за грязные дела.

Я много раз под самыми разными углами обдумывал знаменитое высказывание лорда Актона и обнаружил, что оно всегда служит источником новых озарений. Актон сказал: «*Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно*». Я не разделяю этого мнения, поскольку никогда не наблюдал, чтобы все происходило именно так, как говорит лорд Актон. Но Актон основывается на опыте всей своей жизни — он сам был политиком, так что его слова не безосновательны.

И все же я отважусь не согласиться с ним, поскольку по моим наблюдениям власть, несомненно, развращает, но развращает она только людей и без того потенциально развращенных. Возможно, никто не знал о развращенности данного человека, потому что у него не было возможности ее проявить — не было власти. Но сама по себе власть не может развратить человека, у которого нет соответствующих задатков. Таким образом, власть вовсе не развращает человека — фактически, она просто *проявляет его истинную сущность*. Власть обнаруживает то, что присутствовало только в потенциале, — обнажает человека перед окружающими и перед ним самим.

Если, взглянув в зеркало, ты увидишь омерзительное лицо, скажешь ли ты, что зеркало тебя изуродовало? Зеркало просто отражает. Если твое лицо уродливо, что может поделаться зеркало?

Я слышал об одной сумасшедшей, которая разбивала все зеркала, попадавшие ей на глаза. Она была безобразна, но верила, что в ее уродстве виноваты зеркала. Если бы зеркала исчезли, то она перестала бы быть уродливой. Безупречная логика! В некотором смысле совершенно нелогичными ее действия не назовешь. Если бы эта женщина была совершенно одна на Земле — никаких зеркал, никаких глаз, — думаешь, она была бы безобразной? Одна на всей Земле, без зеркал, без отражающих ее глаз, она была бы просто собой — ни красавицей, ни уродиной. Но при этом она оставалась бы такой же, как прежде, — единственная разница в том, что теперь она не могла бы видеть свое отражение. Ничего не изменилось — просто отражений не стало.

То же самое верно в отношении знаменитого высказывания лорда Актона: «Власть развращает». Я бы сравнил власть с зеркалами. Если ты потенциально развращен, власть дает тебе все возможности для любых безобразий. Если ты в потенциале абсолютно развращен — как Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Муссолини, — при чем тут сама власть?

Власть — только возможность. Обращаться с ней можно по-разному. Если ты внутренне развращенный человек, то сделаешь с ее помощью все то, что всегда хотел делать, но не делал, потому что не имел власти. А если у тебя нет

такой потенциальной склонности, тогда никакая власть тебя не развратит. Ты будешь пользоваться властью, но в твоих действиях не будет падения — в них будет лишь творчество. Они не будут разрушительны — они будут нести благословение людям — и в этом случае *абсолютная власть станет абсолютным благословением для мира*.

Но в человеческой жизни много странного. Лишь потенциально развращенные люди рвутся к власти. Хорошие люди не испытывают жажды власти. Воля к власти — это потребность развращенного существа, ибо такой человек знает, что без власти он просто не сможет делать то, что хочет.

Адольф Гитлер поначалу хотел быть архитектором, но все архитектурные училища его отвергли, потому что у него не было потенциала, чтобы стать архитектором. Он даже прямую линию от руки начертить не мог. Потом он захотел стать художником — если не архитектором, тогда художником, — но и в художественное училище его не взяли. Если его не приняли в архитектурное училище, тогда... Искусство, в особенности живопись, требует еще более богатых задатков, чем работа архитектора, но никакого художественного таланта у него не было. Везде одни разочарования, отовсюду его отвергли — и тогда Гитлер стал рваться к власти.

Адольф Гитлер обладал необычайно сильной волей к власти. Человек, не сумевший стать ни архитектором, ни художником, сделался настолько могущественным, что в его руках оказалась судьба всего человечества. Но ты удивишься, узнав, что первое, чем он занялся, обретя власть — абсолютную власть, — было архитектурное проектирование. Он сделал уйму уродливых эскизов, а правительство вынуждено было строить все это, ибо несмотря на то что все архитекторы в один голос утверждали, что эти наброски и гроша ломаного не стоят, но их сделал сам Адольф Гитлер и отвергнуть их было никак нельзя. Отвергнуть эти наброски означало подписать себе смертный приговор, ибо разговор у него был короткий: либо ты на моей стороне, либо тебя вообще нет.

Одно из благих дел, свершившихся в результате Второй мировой войны, состоит в том, что все архитектур-

ные шедевры Адольфа Гитлера были разрушены, иначе эти уродливые сооружения стояли бы и доныне. Тем не менее сохранились эскизы, и они дают достаточные основания, чтобы заключить: у него не было зодческого таланта.

Когда Адольф Гитлер пришел к власти, он стал в свободное время рисовать. И конечно, все вынуждены были восхищаться его произведениями. Ни одно из этих полотен не заслуживает того, чтобы называться картиной, — перевод холста и красок. В этих работах не просто не было смысла — они были уродливы, тошнотворны. Если бы ты повесил его картину в спальне, то по ночам тебя бы одолевали кошмары.

Власть позволяет проявить все то, что скрыто в тебе. Но как ни странно, добрый человек не нуждается во власти, потому что добро может проявиться и без власти. Добру власть не нужна — оно обладает неким врожденным могуществом. А зло без власти бессильно.

Калил Джебран написал прекрасный рассказ. Этот человек написал огромное множество прекрасных рассказов — вероятно, никто в истории человечества не сравнится с ним. Рассказ очень короткий — и именно в этом красота произведений Джебрана. Он не пишет больших романов, по которым можно снимать фильм. Его истории вмещаются в несколько строк, но они проникают в самую глубь человеческого существа.

Итак, рассказ:

Бог создал мир и все, что должно быть в мире. Он посмотрел вокруг и понял, что в мире недостает двух вещей: красоты и уродства. Поэтому последнее, что он создал, — красоту и уродство. Естественно, он нарядил красоту в прекрасные одежды, а уродство — в мерзкие. И он сбросил их с небес на землю.

Путешествие было долгим, и на тот момент, когда красота и уродство достигли земли, оба устали и пропылились — поэтому прежде всего им захотелось искупаться. Было раннее утро, из-за горизонта только-только вставало солнце. Они пошли на озеро, скинули одежды и нырнули в воду. Прохладная и освежающая вода доставляла огромное удовольствие.

Красота заплывала далеко в озеро. Оглянувшись в какой-то момент, она с удивлением обнаружила, что уродства нигде не видно. Вернувшись к берегу, красота увидела, что исчезла ее одежда. И красота поняла, что случилось: уродство украло ее одежду и сбежало.

На этом история заканчивается: с тех пор уродство прячется под одеждой красоты, а красота вынуждена ходить в одежде уродства. Красота гоняется за уродством, разыскивает его, но пока еще не сумела найти.

Прекрасный рассказ. Уродству требуется что-то, за чем можно спрятаться, что-то, что помогло бы притвориться, — некая маска. А красоте такое поначалу даже и в голову не приходило: она ни на миг не заподозрила, что уродство может украсть ее одежду и убежать.

Человек, чье сердце наполнено добром и блаженством, не испытывает потребности стать президентом или премьер-министром. Он не станет тратить свое время на уродливые политические игры. Энергии у него достаточно. Добро обладает собственной энергией. Он будет сочинять музыку, писать стихи, ваять прекрасные скульптуры из мрамора — делать вещи, для которых не нужна власть. Все, что ему нужно, есть у него изначально. В этом красота добра — в том, что оно изначально наделено могуществом.

Уясни, можно не сомневаться: все, что нуждается во внешних источниках силы и могущества, не есть добро. Такие явления от природы бессильны, они живут на ворованной энергии. Поэтому в жизни существует странная ситуация: негодяи получают высокие должности, обретают почет и уважение — причем не только при жизни. Они попадают в историю. Учебники пестрят их именами.

Ты не найдешь в учебниках истории такие имена, как Гаутама Будда, Махавира, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы, — их нет даже мелким шрифтом в примечаниях. Зато очень много места уделено Александру Великому, Чингисхану, Тамерлану, шаху Надиру, Наполеону Бонапарту, Адольфу Гитлеру. На самом деле нам нужно полностью переписать историю, потому что всех этих людей нужно исключить из учебников. Даже память о них нужно похоронить, потому что эта память негативно влияет на людей.

Усовершенствованное человечество не оставит для таких имен места даже в примечаниях мелким шрифтом — это не нужно. Они были нашим кошмаром — лучше совершенно забыть их, чтобы они не следовали за нами тенью. Нам следует разыскать всех тех гениев, которые, живя на этой земле, делали ее прекраснее — делились радостью, танцем, музыкой, экстазом, — но так и остались анонимными. Люди совершенно забыли их имена.

Люди и представить себе не могут, как много подлинных религиозных учителей жили на этой земле, но так и остались неизвестными. Причина, почему мы знаем те имена, которые все же дошли до нас, состоит не просто в том, что они были глубоко религиозны, — на то есть некоторые дополнительные причины. Задумайся: если бы Иисуса не распяли, услышал бы ты когда-то Его имя? Получается, что Иисус стал исторической фигурой не благодаря своим человеческим качествам, не благодаря жившему в Его сердце добру — но из-за распятия.

Ты знаешь Гаутаму Будду не потому, что он обрел просветление, а потому, что он был царским сыном. Когда сын прославленного правителя отрекается от царства, естественно, что его имя оказывается на устах у всей страны и слух разносится далеко за ее пределы. Причина не в религиозных высотах, которых он достиг, но в том, что он отрекся от столь великого царства, — царства, о каком ты, возможно, мечтал на протяжении многих жизней. Да, этому человеку решимости не занимать: взял и отринул целое царство, даже не оглянувшись на него ни разу.

Поэтому ты и помнишь Будду Гаутаму. Люди то и дело упоминают его имя — ведь он был царем, отрекшимся от своего царства. Будь он сыном бедняка, никто ничего и не слышал бы о нем. Много было тех, чьи имена так и канули в забвение. Даже при их жизни лишь немногие ощущали, что в этих людях есть особое *присутствие*. Добро обладает некой врожденной властью, неким изначальным преимуществом, благословением. И все это дается вовсе не где-то в другой жизни — дескать, если ты добр и праведен сейчас, то тебе воздастся в другой жизни... Это был бы какой-то странный закон — но ведь именно так формулируется закон кармы.

Если в этой жизни ты беден и несчастен, если ты страдаешь, то закон кармы гласит, что причиной являются какие-то злодеяния в прошлых жизнях — и вот теперь ты расплачиваешься. Если же человек здоров, богат, могуществен и жизнь его полна радостей, не завидуя: просто он сделал много благих дел в прошлой жизни и теперь пожинает плоды. Некогда он посеял благие зерна и теперь пользуется урожаем.

Но почему существует такой огромный зазор между севом и сбором урожая? Неужели обязательно должно быть именно так: ты совершаешь добрые или злые дела в одной жизни, а результаты пожинаешь в другой? Лично я думаю, что здесь просто имеет место сговор. Это не закон, это сговор священников, которые не в состоянии объяснить, почему отпетые злодеи владеют несметными богатствами — и становятся день ото дня богаче, — а добрые люди голодают. Какая человеку в таком случае польза от его же добрых дел?

Да, священникам трудно объяснить эту ситуацию, существующую повсеместно. По всему миру добрые люди живут в бедности, страданиях и голоде. А злодеи добиваются успехов. Всякие негодяи — те, кто готов в любой момент перерезать человеку горло, и не раз проделывали это; те, кто шагают по головам ради обретения власти и богатства; те, кто относятся к другим людям, как к вещам, — имеют все то, что по справедливости должно бы принадлежать добрым людям.

Как может священник объяснить такое положение вещей? И он придумал закон кармы! Он не может объяснить все это на основании того, что происходит здесь и сейчас, поэтому смещает фокус. Он помещает между действием и его последствиями смерть — результаты скажутся только после смерти, в следующей жизни. Но почему? Если сунуть руку в огонь, разве ожог будет в следующей жизни? Суешь руку сейчас, и ожог возникает сейчас.

Так что хватай любого священника, любого монаха, любого человека с Востока, который рассказывает тебе о законе кармы, и тащи его к камину. Скажи ему: «Сунь руку в огонь, чтобы мы могли прямо здесь и сейчас проверить, работает ли твой закон кармы. Действительно ли

между действием и результатом проходит так много времени, что смерть наступает нас раньше, чем последствия? Действие — смерть — последствия? Ты точно знаешь, что посередине будет смерть?» Я уверен, что он не отважится сунуть руку в огонь.

Поэтому я и говорю, что могу сказать о законе кармы мало, совсем мало. Только одно слово: *бу-бу*.

Сейчас я объясню — это орегонская история...

Один сенатор — Фэтфилд, если я не ошибаюсь, — встречался со своими избирателями. В частности, он посетил резервацию индейцев. Он наведывался туда раз в пять лет — когда близились очередные выборы. Индейцы уже прекрасно уяснили, что этот человек приезжает к ним раз в пять лет, раздаёт щедрые обещания и исчезает — после чего все остается по-прежнему.

И вот он в очередной раз появился у них через пять лет и затеял прежнюю игру. Индейцы — люди простые... Вождь собрал их в месте, которое традиционно использовалось для общих собраний. Приехал сенатор Фэтфилд и начал раздавать обещания:

— Простите меня за прошлый раз. Было очень много трудностей, очень много проблем. Финансовый спад, войны... В результате я не сумел построить ни мост через реку, ни дорогу к вашей резервации, ни новые дома для вас.

И каждый раз, когда он говорил что-то — например, «мост», — собравшиеся восклицали: «Бу-бу!» Индейцы очень веселились, едва не пускались в пляс. Видя, с каким воодушевлением принимают его эти люди, Фэтфилд преисполнился уверенности в себе. Они хлопали в ладоши и кричали: «Бу-бу», — а он изо всех сил старался укрепить их воодушевление.

Он дал волю воображению: «Я построю здесь больницу, колледж, университет...» Если ты не выполняешь своих обещаний, можно обещать что угодно — ты можешь пообещать людям рай, можешь наобещать золотые горы. Что он и сделал: «Вы увидите: через пять лет здесь будет рай на Земле!» И все индейцы воскликнули: «Бу-бу!»

Сенатор Фэтфилд был счастлив. Он настолько воодушевился, что сказал вождю:

— Я хотел бы пройтись по окрестностям и посмотреть, что здесь еще нужно сделать.

— Конечно, пройдите, — ответил вождь. — Только должен вас предупредить. Мы, индейцы, люди простые — почти как дети. Так что мы используем окрестные поля в качестве туалета. Поэтому, если хотите пройтись по резервации, я не против, но только будьте осторожны: не вступите в *бу-бу*.

Теперь Фэтфилд понял значение слова *бу-бу*, но было уже слишком поздно.

Закон кармы — точно такое же *бу-бу*. Но ты-то теперь знаешь смысл этого слова, так что нет проблем.

С моей точки зрения, каждое действие несомненно имеет последствия — но не где-то далеко, не в будущей жизни. Действие и результат неразрывны, они — части одного процесса. Думаешь, посев и сбор урожая — разные вещи? Это один и тот же процесс. То, что начинается с посева, затем переходит в рост, и однажды каждое зернышко дает тысячу семян. Это мы называем урожаем. Это все то же исходное зернышко, взорвавшееся тысячей зерен. Процесс не был прерван смертью, не потребовалась никакая загробная жизнь — это непрерывность.

Итак, запомни: согласно моему взгляду на мир, каждое действие обязательно влечет за собой те или иные последствия, но они случаются не где-то и когда-то, а прямо здесь и сейчас. Наиболее вероятно, что они скажутся почти мгновенно. Когда ты делаешь что-то хорошее человеку, разве тебе не радостно? Ты не испытываешь умиротворения? Наполненности смыслом? Разве не возникает ощущение правильности сделанного? Глубокого чувства удовлетворения? А чувствовал ли ты хоть раз то же самое, когда злился, когда кипел от гнева, когда делал кому-то больно, когда давал волю ярости? Приносило ли тебе это удовлетворенность или хотя бы что-то похожее? Чувствовал ли ты умиротворение? Нисходила ли на тебя тишина? Нет, это невозможно.

Ты, конечно же, что-то почувствуешь — но это будет сожаление, что ты опять повел себя как дурак, опять совершил те же самые глупости, которые не раз обещал себе не делать. Ты почувствуешь себя ничтожеством. Почувствуешь, что ты — не человек, а машина, ибо не откликаешься на внешние обстоятельства, а *реагируешь*. Человек что-то сделал, а ты отреагировал. У этого человека в руках ключ, а ты просто танцуешь под его дудку — он обладает властью над тобой. Если в ответ на оскорбление ты бросаешься в драку, что это означает? Это означает, что ты не можешь не реагировать.

Умирал отец Гурджиева. Его последние слова к сыну были очень важными — возможно, ни один отец никогда прежде не давал сыну такого мудрого совета. Гурджиеву было всего девять лет. Отец сказал ему: «Я знаю, что сейчас ты, возможно, не сможешь понять мои слова, но времени уже не осталось, придется сказать. А у тебя время есть — так что просто *запомни*. Когда дорастешь до того, чтобы понять мои слова, тогда станешь делать, как я сказал. Но не забудь их. Запомни — это совсем простая фраза».

Он велел Гурджиеву трижды повторить свой совет — и только после этого умер спокойно. И еще он сказал: «Прости, что не оставляю тебе наследства, кроме этой единственной фразы». И в чем же состоял совет отца? Очень просто:

«Помни, если кто-то тебя разозлит, скажи этому человеку, что ты вернешься с ответом через двадцать четыре часа. Выжди эти двадцать четыре часа, а затем вернись и сделай то, что вызрело в тебе за это время».

Станный совет — но стоит хорошенько понять его, и он уже не кажется таким уж странным. Эти простые слова повлияли на всю жизнь Гурджиева. Одна фраза сделала его Георгием Гурджиевым — человеком, какой появляется на Земле один раз за многие столетия.

Видимо, старик был чрезвычайно мудр. Он ничего больше не оставил своему сыну. Он сказал ему: «Теперь тебе придется заботиться о себе самостоятельно. Твоя мама умерла, и я умираю. Тебе самому придется зарабатывать

на хлеб. Тебе придется самому учиться жизни». Девятилетнему мальчишке...

Но это стало для Гурджиева прекрасной возможностью — он стал путешествовать по стране вместе с кочевниками. Гурджиев родился на Кавказе, на территории нынешнего Советского Союза. А там до сих пор еще сохранились кочевники — странствующие племена. Даже семьдесят лет коммунистического террора не укротили этих людей, поскольку они считают, что право на странствия дано человеку от рождения, и вероятно, они правы.

Кочевники во всем мире верят, что дом создает женщина. Мужчина его строит, но именно женщина привлекает мужчину к дому — а по природе своей мужчина скиталец, предпочитает все время двигаться с места на место. Ему вполне достаточно шатра. Шатер, конь, запряженная волами повозка — этого вполне достаточно. И кому приятно год за годом жить на одном и том же месте? Кочевники постоянно в дороге — пару дней здесь, пару дней там.

И вот этот девятилетний мальчишка, оставшись один во всем мире, прибился к кочевникам. Он путешествовал то с одним племенем, то с другим. Он освоил много кочевнических языков, много кочевнических ремесел. Его научили упражнениям, которые больше уже никто не выполняет в цивилизованном мире, но кочевникам они необходимы.

Например, наступают холода, идет снег, а тебе нужно выжить в шатре... Кочевникам известны определенные дыхательные упражнения, определенный ритм дыхания, благодаря которому тело вырабатывает больше тепла. Или же, если ты идешь через пустыню в чудовишную жару, тебе нужно дышать в другом ритме, и твое тело включит свою естественную систему кондиционирования.

И первые свои уроки гипноза Гурджиев тоже получил у кочевников. Когда муж с женой, приехав в селение, вместе уходят на рынок, чтобы купить какие-то вещи, на кого они оставят маленьких детей? Кочевники на протяжении многих веков использовали в таких случаях гипноз. Они чертили вокруг ребенка круг и говорили: «До нашего воз-

вращения не выходи за эту черту». Это говорилось век за веком каждому ребенку. Малыш слышал эти слова с тех самых пор, как начинал понимать человеческий язык, и они оказывали на него гипнотическое воздействие. Стоило ему услышать их, стоило увидеть вокруг себя черту, как он расслаблялся и даже не пытался уйти: пути наружу нет, выйти нельзя.

Гурджиев очень удивился, увидев это, ведь ему на тот момент было уже десять или двенадцать лет: «Что за чепуха?» Каждого ребенка в каждом кочевом племени во время стоянки просто окружали кругом и все. Отец с матерью на целый день уходят по делам в селение. Когда они вечером возвращаются в лагерь, ребенок по-прежнему сидит в кругу.

Гурджиев стал интересоваться, как и почему это происходит, и вскоре выяснил: все дело в том, что подсознание ребенка принимает внушенную ему идею. Когда подсознание принимает некую идею, твое сознание и тело бесцельны противостоять ей.

В собственных упражнениях, которые Гурджиев разработал, когда стал Мастером, он использовал кочевнические техники, перенятые у этих удивительных народов — нецивилизованных, не имевших письменности, но владевших различными первобытными тайнами. Он с удивлением обнаружил, что гипноз действует не только на детей, но и на взрослых членов племени — ребенок становился взрослым, но внушение продолжало работать. Затем он становится стариком — а внушение работает. Оно действует независимо от возраста.

Гурджиев порой забавлялся: начнет очерчивать кругом какого-нибудь старика, а тот кричит в панике: «Не надо! Не смей!» — и старается выскочить из круга, прежде чем Гурджиев успеет его дочертить. Если круг замкнется, то выйти из него будет невозможно — ты попался. А этот мальчишка... кто знает, вернется ли он потом или нет? Пока круг еще не замкнулся, путь открыт — можно сбегать. И тогда ты спасен, а стоит чуть замешкаться — и попался. Во многих случаях Гурджиеву удавалось замкнуть круг. И тогда даже пожилой человек просто садился на землю, как ребенок, и умолял: «Разорви круг!»

Гурджиев нашел много различных применений этой технике и другим техникам, перенятым у кочевников. Например, у него было упражнение под названием «Смон!», которое он демонстрировал по всему миру, в частности в Америке и Европе. Гурджиев преподавал танцы — странные танцы, ибо никто в то время не был знаком с этими образцами кавказского хореографического искусства: странные музыкальные инструменты и странные танцы.

А еще у кочевников были странные блюда, и Гурджиев тоже научился их готовить. Его ашрам близ Парижа был словно полностью оторван от мира. У него на кухне водились странные продукты и странные специи, о которых никто никогда не слыхивал, — и Гурджиев лично готовил удивительные блюда. Всему этому он научился у кочевников. Эти блюда оказывали определенное влияние на людей. Да, некоторые блюда оказывают определенное воздействие; некоторые танцы оказывают определенное воздействие; некоторые барабаны и инструменты оказывают определенное воздействие.

Гурджиев заметил, что, когда люди танцуют под определенную музыку особые танцы, они могут танцевать босиком на раскаленных углях и не обжигаться. Этот танец пробуждает в человеке некую энергию, музыка пробуждает в человеке некую энергию, и танцующий избегает закона огня — ибо это закон низшего порядка. Это естественно: если сознание усвоило нечто высшее, оно может выйти из-под действия низших законов.

Все рассказы о чудесах — не что иное, как истории людей, которые познали те или иные высшие законы. Естественно, низшие законы перестают функционировать. Гурджиев видел подобные вещи, он познакомился с ними, когда был еще ребенком, — а дети очень любознательны. У него не было ни отца, ни матери, которые запрещали бы ему что бы то ни было, поэтому он экспериментировал с чем угодно и как угодно. Как только он перенимал все, что мог, у одного кочевого племени, он примыкал к другому племени — у них он мог научиться чему-то еще. Все свои упражнения он перенимал у кочевников.

«Смон!» — чрезвычайно важное упражнение, возможно одно из самых драгоценных даров, преподнесенных

современному миру, — хотя современный мир даже об этом не догадывается. Гурджиев велел своим ученикам заниматься самыми разными работами: кто-то копал огород, кто-то колол дрова, кто-то готовил пищу, кто-то мыл пол. В его ашраме постоянно кипела работа, но когда он произносил «Стоп!», каждый должен был мгновенно замереть — где бы он ни находился и в какой бы позе ни застало его это слово. Хитрить нельзя, потому что тогда теряется весь смысл упражнения.

Например, если твой рот открыт и ты знаешь, что Гурджиева рядом нет — он не заметит, — ты можешь закрыть рот, чтобы не так утомительно было стоять. Но тогда упражнение теряет смысл. Одна нога приподнята над землей — ты начал делать шаг — и вдруг звучит «Стоп!». Тебе нужно замереть, прекрасно зная, что сейчас ты упадешь: долго на одной ноге не выстоишь. Но именно в этом смысл: каковы бы ни были последствия, ты просто остаешься как есть — превращаешься в статую.

Ты удивишься, насколько это простое упражнение высвобождает твою осознанность. Ни Будда, ни Патанджали, ни Махавира его не знали, а ведь до чего просто... Вообще ничего сложного.

Когда ты становишься статуей, тебе не позволено даже моргать. Просто стоишь точно в той позе, в которой тебя застала команда «Стоп!». Нужно только замереть и ничего больше. Ты и сам удивишься, что вдруг действительно становишься застывшей статуей — и в этом состоянии видишь себя насквозь.

Ты постоянно вовлечен в какую-нибудь деятельность, и с деятельностью тела связана соответствующая деятельность ума. Их не разделишь, поэтому с полной остановкой тела немедленно замирает на месте и ум. Ты видишь, как замирает тело, словно оно принадлежит кому-то другому, и одновременно видишь, как внезапно обездвиживается ум — потому что утрачен объект, с которым он связан.

Это простой закон психологической связи, который был открыт другим русским человеком — Павловым. Гурджиев знал этот закон задолго до Павлова, но он не интересовался психологией, поэтому и не сформулировал его. Павлов перенял эту идею у тех же самых кочевников,

но он двигался в другом направлении — был физиологом. И он занялся разработкой закона связей.

Павлов давал подопытной собаке пищу, и в тот момент, когда он давал пищу, звонил звонок. Между звонком и кормом не существует естественной связи — но у собаки возникала ассоциация. Всякий раз, когда Павлов давал собаке пищу, звонил звонок. Через пятнадцать дней Павлов просто позвонил, а пищи не дал — но собака все равно сразу же высунула язык, приготовившись к тому, что сейчас ей дадут мяса. Где-то в сознании собаки установилась связь: мясо и звонок перестали быть для нее разными вещами.

Гурджиев делал намного более высокую работу. Он нашел простой способ *остановки* ума. На Востоке люди веками работали над тем, чтобы сконцентрировать свой ум, визуализировать его, остановить его, — а Гурджиев нашел путь через психологию. Но это было не его открытие, он просто перенял то, что кочевники делали издавна.

Гурджиев восклицал: «*Смон!*», и все замирали на месте. Когда тело вдруг застывает, ум чувствует себя странно: «Что происходит?» Дело в том, что у ума нет ассоциаций, связанных с застывшим телом: он просто в шоке. Они пребывают во взаимодействии, в глубокой гармонии, движутся совместно. Теперь, когда тело вдруг застывает, что делать уму? Куда двигаться?

На миг воцаряется полнейшая тишина — а даже единственного момента полной тишины достаточно, чтобы ты ощутил вкус медитации.

Гурджиев также разрабатывал танцы. И во время этих танцев он тоже внезапно говорил: «*Смон!*» Во время танца это слово может застать тебя в самой неожиданной позе. Люди просто падали на пол. Но даже после падения упражнение продолжается. Если рука оказалась в неудобном положении, прижатая телом к полу, менять позу нельзя, потому что тогда ты не позволишь своему уму остановиться. Ты не должен слушаться ума. Ум говорит: «Тебе некомфортно. Смени позу, чтобы было удобнее». Но нет, ты не должен делать ничего.

Демонстрируя свои танцы в Нью-Йорке, Гурджиев создал очень странную ситуацию. Он воскликнул: «*Смон!*» в

момент, когда все танцоры двигались в ряд. Первый танцор упал, второй упал, третий упал — все танцоры в ряду упали друг на друга. И после этого воцарилась мертвая тишина — ни движения.

Один из зрителей впервые обрел опыт медитации, просто глядя на это выступление. Он не участвовал — просто смотрел. Но увидев, как множество людей вначале вдруг замирают, а затем падают, словно их заморозили, не принимая ни малейших попыток как-то изменить свое положение... Их словно бы внезапно парализовало.

Тот зритель просто сидел в переднем ряду, и неожиданно для самого себя он тоже остановился, замер в той позе, в какой находился, — глаза перестали моргать, дыхание задержалось. Увидев эту сцену — он пришел сюда смотреть танцы, но что это за танец такой? — он внезапно ощутил внутри течение новой энергии. И она была настолько тихой, настолько полной осознанности, что он стал учеником. Тем же вечером он разыскал Гурджиева и сказал:

— Я не могу ждать.

Быть учеником Гурджиева очень трудно — он создавал своим последователям почти невыносимые условия. Он был истинным мастером задавать сложные задачи. Человек может вытерпеть многое, если он видит во всем этом смысл, — но в случае с Гурджиевым проблема состояла как раз в том, что смысл не был очевиден.

Того зрителя звали Николь. Гурджиев сказал ему:

— Стать моим учеником непросто.

— От меня отделаться тоже нелегко, — ответил Николь. — Я пришел, чтобы стать учеником, и стану. Я знаю, ты не простой мастер. Но и я не простой ученик!

Мужчины всмотрелись друг другу в глаза и поняли, что принадлежат к одному племени. Этот человек не собирался отступать.

— Я не уйду, — сказал Николь. — Буду сидеть здесь хоть до самой смерти, пока не примешь меня в ученики.

И это был единственный случай, когда Гурджиев взял ученика без измывательств. Всем остальным приходилось ой как непросто! Даже такой человек, как П. Д. Успенский,

который помог Гурджиеву приобрести всемирную известность, — даже с ним Гурджиев был чрезвычайно суров.

Успенский вспоминает, что, когда они ехали поездом из Нью-Йорка в Сан-Франциско, Гурджиев посреди ночи стал досажать попутчикам. Он был трезв, даже воды не пил, но вел себя, как пьяный: врвался к людям в купе, разбрасывал их вещи. Успенский только ходил за ним и увещевал:

— Что ты творишь? — Но Гурджиев не обращал внимания.

Кто-то вызвал охрану: «Должно быть, тут человек сошел с ума!» Пришел проводник с охранником. Успенский стал извиняться:

— Он не сумасшедший и не пьяный... но что поделаешь? Мне очень трудно объяснить, что он делает, потому что я сам не понимаю.

И тут прямо на глазах у охранника и проводника Гурджиев выбросил чей-то чемодан в окно.

— Ну это уже слишком, — сказал охранник. — Удерживайте его в купе. Мы дадим вам ключ. Запритесь изнутри, иначе мы высадим вас на ближайшей станции.

Естественно, Успенский чувствовал себя неловко и в то же время сердился, что этот человек создает столько проблем. Он думал: «Я знаю, что он не сошел с ума, и знаю, что он не пьян, но...» Гурджиев вел себя как безумец, кричал по-русски, кричал на каких-то кавказских языках — он знал много языков. Как только дверь купе была заперта, он тихонечко сел на свое место и улыбнулся.

— Ну? Ты как? — спросил он Успенского.

— И ты еще спрашиваешь, как я? Ты заставил этих людей практически запереть тебя в тюрьме, причем вместе со мной, потому что я не мог бросить тебя в таком состоянии. Какой в этом смысл?

— Это для углубления твоего понимания, — ответил Гурджиев. — Я все делаю ради тебя, а ты спрашиваешь: какой смысл? Смысл в том, чтобы ты не *реагировал*: не смущался, не злился. Какая польза от смущения? Что оно тебе даст? Ты просто теряешь самообладание и ничего не получаешь взамен.

— Но, — сказал Успенский, — ты выбросил в окно чемодан. Как теперь будем разбираться с владельцем?

— Не о чем беспокоиться! Это был твой чемодан.

Успенский заглянул под полку — чемодан действительно исчез. Ну что будешь делать с этим Мастером!

«У меня возникло желание выйти на следующей станции и вернуться в Европу, — писал Успенский. — Кто знает, что еще мог вытворить этот человек?»

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Гурджиев. — Ты думаешь выйти на следующей станции. Успокойся!

— Но как я могу успокоиться, оставшись без чемодана, без одежды?

— Да не волнуйся же. Твой чемодан был пуст. Я переложил все твои вещи в свой чемодан. Так что уймись.

А позже, когда Гурджиев был на Кавказе, а Успенский — в Лондоне, Гурджиев послал ему телеграмму: «Приезжай немедленно!» Когда Гурджиев говорит «немедленно», это означает немедленно! У Успенского были какие-то свои дела, но ему пришлось все бросить, упаковать чемоданы и мчаться на Кавказ. Шли бурные годы российской революции, так что путь на Кавказ был опасен — смертельно опасен. Люди бежали из России, спасая свои жизни, поэтому въезд в эту страну для такого известного человека, как Успенский, выдающегося математика, знаменитого на весь мир... Между прочим, все прекрасно знали об антикоммунистических воззрениях этого человека, о его неприятии революции. Так что звать его в Россию, да еще в такой отдаленный регион, как Кавказ...

Чтобы добраться до Гурджиева, ему пришлось пересечь всю европейскую часть России — но если Гурджиев позвал... Успенский пустился в путь. Он приехал весь на нервах: по дороге он видел горящие поезда и вокзалы, искалеченных бойцов и трупы на платформах. Ему самому не верилось, что он сумел пройти этот путь, — он уже и не надеялся добраться до Кавказа, однако справился. А что сказал Гурджиев? Он сказал:

— Ты приехал, теперь можешь возвращаться: цель достигнута. Увидимся в Лондоне.

И вот человек такого склада... У него были свои цели (в этом нет никаких сомнений), но очень странные методы

работы. Успенский — даже Успенский — не сумел понять его. Он так рассердился, что после того случая разорвал отношения с Гурджиевым, ибо: «Этот человек завлек меня в пасть к самой смерти — просто так!» Но Успенский упустил смысл произошедшего. Если бы он вернулся столь же безропотно, как приехал, то, возможно, на момент возвращения в Лондон обрел бы просветление — а так он упустил смысл. Смысл действий такого человека, как Гурджиев, не всегда очевиден — но этот смысл есть всегда.

Николь стал его учеником, и ему пришлось пройти через огромное множество странных заданий — странных во всех отношениях. Ни один мастер до Гурджиева не практиковал таких странных методов. Например, он заставлял человека есть, и есть, и есть. Он велел: «Ешь!» — и ведь нельзя же отказать Мастеру. Из глаз ученика уже катились слезы, а он требовал: «Ешь!» И еще все эти приправы, кавказские приправы — индийские по сравнению с ними ничто! Горло горело огнем, даже в желудке и в кишках пылало пламя, а он все настаивал: «Ешь! Не останавливайся, пока я тебе не позволю».

Но во всем этом был некий скрытый смысл. У тела есть определенный порог... На днях я рассказывал вам, что во время голодания наступает момент — через пять дней, — когда система организма перестраивается. Тело начинает питаться собственным жиром, и ты больше не ощущаешь голода. И некоторые люди положили этот факт в основу своего метода. Тут используется подобный метод, но только обратный. Наступает момент, когда ты уже не можешь есть, но Мастер велит: «Не останавливайся». Он пытается вывести тебя на предел твоих физиологических возможностей, куда ты никогда не выходил. Мы всегда остаемся где-то посередине. Мы не постимся и не пируем так, как Гурджиев. Наше тело живет в рутинном режиме. Поэтому и ум движется по некой устоявшейся колее. А голодание разрушает рутину.

Именно поэтому во всех религиях придают такое большое значение посту: через пятнадцать дней ты приходишь до точки, когда просто забываешь думать. Между мыслями возникают все большие и большие зазоры: час за часом тебя не посещает ни одна мысль, а через двадцать один

день твой ум совсем пустеет. Странное дело: когда желудок совершенно пуст, ум синхронизируется с ним — он тоже опустошается.

Пост — не самоцель. Только идиоты постятся ради самого поста. Это просто техника, позволяющая войти в состояние не-ума. Когда переживешь это состояние, можешь снова принимать пищу. Тогда все в порядке: ты знаешь путь. И теперь ты можешь войти в это же состояние в любой момент, питаешься нормально.

А Гурджиев шел противоположным путем, перенятым у кочевников. Это люди совсем другого склада. У них нет священных писаний. У них не было таких людей, как Будда, Махавира и прочие, — но на протяжении многих поколений, от отца к сыну они передавали из уст в уста определенные техники. Эту технику Гурджиев перенял у кочевников. Ты ешь, и ешь, и ешь, и ешь... Наконец наступает момент, когда ты уже больше не можешь, — но Гурджиев заставляет есть дальше.

Если ты подчиняешься, тогда вдруг наступает великое состояние не-ума — потому что ты разрушил естественный ритм тела-ума. Теперь ум уже не может охватить происходящее. Он не в состоянии работать в этих условиях. Раньше он не бывал в такой ситуации — а ведь ум в точности подобен компьютеру, никогда не забывай об этом. Это биокомпьютер, он функционирует в соответствии с программой. Создай где-нибудь сбой в программе... А создать такой сбой можно только в крайних точках, только в пограничных областях, где перед тобой обнажается бездна.

Гурджиев заставлял людей пить столько алкоголя — смешивая разные напитки, — что они едва не сходили с ума. Человек настолько пьянел, что уже совсем не помнил, кто он. А Гурджиев все подливал и подливал. Если человек отключался, Мастер его расталкивал, усаживал за стол и наливал еще — потому что должен наступить момент, когда все тело человека, все его сознание будет полностью оккупировано ядом. И в этот момент в разговор включается бессознательное.

Фрейдю требовалось три года, четыре года, пять лет психоанализа, чтобы к этому прийти. Гурджиев же добивался

того же за одну ночь! Бессознательное начинает говорить и выдает все твои ключи, о которых ты даже и не догадывался. Сам ты и не узнаешь о том, что обнаружили все эти ключи, — но узнает Гурджиев. А затем он станет работать с этими ключами: подберет правильные упражнения, подходящие лично тебе танцы, нужную тебе музыку.

Все эти ключи выдало твое бессознательное. А ты об этом не знаешь, потому что был до беспамьятства пьян. Ты отсутствовал, когда Гурджиев работал с твоим бессознательным и убедил его выдать ему всю ключевую информацию о тебе. Речь ведь идет о твоих секретах — и теперь все ключи в его руках. Если кто-то отказывался: «Я не могу больше пить», — Гурджиев его выгонял. Он говорил: «Тогда тебе здесь не место».

Закон кармы — сугубо психологическое явление. Не юридическое, не социальное, не моральное, но сугубо психологическое. Но пока что никто еще не проработал данный вопрос с этой стороны. Любое твое действие содержит в себе собственные последствия.

Не имеет значения, назовешь ли ты его добрым или злым, ибо то, каким ты его называешь — добрым или злым, — зависит от твоего воспитания. Если магометанин, или христианин, или иудей питается мясом, то у него и мысли не возникает, что это «зло». Другой человек может делать то же самое, но давать собственным действиям совсем другую нравственную оценку. Джайнисту, или буддисту, или брамину есть мясо изначально непозволительно. Если же он все-таки ест его, то оценивает это как деяние несправедное, как зло, — то же самое действие!

Итак, с одной стороны, джайнист ест мясо, а с другой — христианин. Действие одно и то же, но совесть христианина оценивает его как добро, а совесть джайниста — как зло. Действия одинаковые, но последствия будут разными — потому что здесь речь идет о человеческой психологии, а не о природе. Иначе последствия были бы одинаковыми.

У этих людей разная психология, разный ум, разное воспитание. Джайнист почувствует себя виноватым и ему станет страшно. Он будет жестоко порицать себя и по-

чувствует себя полным ничтожеством — он утратил благо-
дать. Таково последствие — но это не последствие самого
действия, а последствие преломления этого действия через
его психологическую структуру.

А христианин не видит в этом ничего плохого, он очень
даже доволен: отличное угощение, было вкусно. Теперь он
сидит в своем кресле, покуривает сигару и с удовольстви-
ем вспоминает трапезу. Думаешь, таково последствие его
действия? Нет. Дело только в психологии.

Если ты хочешь по-настоящему понять, что влечет за
собой то или иное действие, тогда нужно отбросить все
психологические настройки. Лишь тогда ты познаешь
закон кармы — не раньше. До этого тебе известен лишь
результат преломления закона через твою психологию —
а твоя психология совершенно его изменяет.

Для джайниста это был грех, и теперь ему самое место
в аду. Для христианина никаких проблем нет. Иисус ел
мясо, Моисей ел мясо, полагаю, и сам Бог ест мясо, — во
всяком случае, иудейский, христианский и магометан-
ский Боги. Нельзя отказывать Богу в такой питательной и
вкусной пище. Или ты считаешь, что Его нужно держать
на вегетарианской диете?

Когда-то по соседству со мной жил доктор из Бенга-
лии. Доктор Датта. Бенгальцы — не вегетарианцы. Вре-
мя от времени, когда я заболел, доктор приходил меня
проведать — он был очень дружелюбно ко мне настроен.
Моя тетушка, с которой мы тогда жили в одном доме, не-
изменно спрашивала:

— Доктор, наверное, дело в еде? Что ему можно, чего
нельзя?

— Не беспокойтесь, — отвечал доктор Датта. — Вы все
равно питаетесь одной травой. Что еще можно исключить
из вашего рациона? Вы и так все время на диете. Ничего
не могу вам посоветовать. Вот мы можем сесть на диету —
и перейти на одну траву, как это делаете вы. Это будет для
нас диетический рацион. Но если посадить на диету вас,
тогда вам конец. Придется вообще отказаться от пищи...
так что даже не думайте.

Для джайниста совершенно невозможно представить
себе, что Иисус может быть просветленным: ведь он ест

мясо, он пьет вино! А самое непостижимое даже не то,
что он пьет вино, а то, что он превращает воду в вино.
С точки зрения джайниста, подлинное чудо — это пре-
вращение всего вина в мире в воду. Вот это было бы под-
линное чудо — религиозное чудо. Вы называете чудом
превращение воды в вино? Но это же преступление!

Если не отказаться от своих психологических устано-
вок... Например, у меня психологических установок нет,
поэтому между мной и моей жизнью не стоит ум. Я прямо
и непосредственно соприкасаюсь с собственной жизнью.
Если я ем мясо, то не отправлюсь из-за этого в ад. Глупость
какая! Во-первых, никакого ада нет. Во-вторых, не су-
ществует закона природы, согласно которому едоки мяса
отправляются в ад, ведь если бы такой закон был, тогда все
хищные животные и почти все люди отправлялись бы в ад;
небеса пустовали бы. И поскольку хищники едят только
мясо, то у них не было бы ни малейшей возможности
подняться до уровня высшего сознания.

Я говорил джайнистским монахам:

— Вы проповедуете глупости. Вы говорите, что живот-
ные постоянно растут, поднимаются все выше и наконец
становятся людьми. Как они могут стать людьми? Если
употребление мяса низвергает человека в ад, как может
хищное животное достичь более высокого уровня созна-
ния и стать человеком? Если животное, поедая мясо, мо-
жет вырасти духовно и стать человеком, тогда и человек,
поедая мясо, тоже может вырасти и стать богом. Никаких
проблем: мясо росту не мешает.

— С тобой невозможно спорить, — отвечали джайни-
сты. — Откуда ты берешь все эти свои идеи? Мы всю жизнь
читаем писания, и там написано, что животное растет и
становится человеком, но эта твоя идея никогда не при-
ходила нам в голову. Да, ты прав: если они, употребляя
мясо, дорастают до человеческого уровня сознания, тогда
что плохого в поедании мяса?

— Более того, — сказал я, — употребляя в пищу мясо
животных, ты даже поможешь их эволюционному ро-
сту.

На самом деле, именно так считают магометане. У них
есть очень странная идея — сейчас я с тобой ею поделюсь.

Они говорят, что мы даже обязаны есть мясо животных, потому что, поедая, ты их трансформируешь и тем самым помогаешь двигаться выше. Когда ты принимаешь в себя плоть и душу животного, оно получает возможность устремиться ввысь, поэтому освободи как можно больше животных. Бог совершенно ясно сказал в *Коране*, что он создал животных для пропитания человека. Какой еще авторитет тебе нужен?

Я не джайнист, не иудей, не магометанин, потому что у меня нет никаких психологических установок. Все эти установки созданы религиями для достижения их собственных целей. А я полностью отринул психологическую структуру.

Я не ем мясо просто потому, что мне само это действие видится отвратительным. Причина не в том, что я боюсь страданий в будущей жизни. Нет, но само это действие и даже мысль о том, что тебе нужно отнять у кого-то жизнь лишь для услаждения своих вкусовых рецепторов, которые к тому же весьма немногочисленны... все вкусовые сосочки сосредоточены на задней части языка, каких-то пара дюймов. Если очистить язык при помощи лезвия, то вкусовые ощущения исчезнут.

Был такой случай. Во время Второй мировой войны человека подстрелили в шею. Врачи спасли ему жизнь, но пищевода пришлось перекрыть. В желудке сделали отверстие и подвели к нему трубку. Человек подавал пищу непосредственно в желудок, и система функционировала отлично... вот только спасенный был не рад, потому что не чувствовал вкуса. Через трубку в желудок можно было подать любую пищу — без проблем, — но мужчина сердился:

— Это не решение! Я не чувствую вкуса пищи. Жизнь утратила смысл. Без вкуса теряется больше половины жизни.

И тогда доктор нашел решение:

— Вначале пережевывай пищу, чтобы ощутить вкус, и только потом помещай ее в желудок.

Ведь его язык был в полном порядке. Просто пищевода был перекрыт, из-за чего он не мог нормально глотать. Идея отлично сработала. Тот человек прожил потом еще

двенадцать лет — двенадцать лет пережевывал свою пищу. И она доставляла ему больше удовольствия, чем любому из вас, потому что он жевал дольше. Это было его единственное удовольствие — так зачем же жевать наспех и быстро заглатывать?

Поскольку твой глотательный аппарат расположен так близко к жевательному, ты никогда не пережевываешь пищу идеально. Если хочешь прожевать идеально, нужно сделать сорок два жевательных движения. Я пытался, но на двадцатом, двадцать первом, двадцать втором движении... это дело смертельно надоедает, я махнул рукой на рекомендации ученых и просто глотал. Но если совершить ровно сорок два движения челюстями, твоя пища будет прожевана идеально. А тот человек, возможно, совершал даже восемьдесят четыре движения — почему нет? — и только после этого перемещал пищу в желудок. Мы делаем то же самое, только наш пищевод напрямую соединен с жевательным аппаратом, а у него был отделен. Он прожил еще двенадцать лет, наслаждаясь всеми доступными лакомствами.

Убивать ради этих маленьких сосочков на языке, отнимать чью-то жизнь просто не эстетично. Это не вопрос морали, не вопрос религии — это вопрос эстетики, твоего чувства прекрасного, твоего уважения к жизни. Но, отказавшись от мяса, ты не обеспечишь себе место в раю — потому что никакого рая тоже нет.

Между тем, на мой взгляд, само по себе обретение этой эстетической восприимчивости — уже рай. Человек, не обладающий эстетической восприимчивостью — недочеловек. Он остается животным. Двуногим, конечно, — но то обстоятельство, что ты ходишь на двух ногах, а не на четырех, еще ничего не меняет. Думаешь, есть большая разница? Если единственное различие между людьми и животными состоит в том, что они ходят на четырех, а ты на двух и их тело расположено параллельно земле, а твое перпендикулярно... Неужели ты и правда думаешь, что твое отличие от животных — сугубо геометрическое?

Ты когда-то тоже двигался горизонтально, в точности как все другие животные. Именно поэтому сон приносит

такой глубокий отдых: ты возвращаешься в свое перво-
данное положение, горизонтальное — и ум переносится
в коллективное бессознательное, в далекое прошлое, когда
ты тоже двигался на четырех.

Если ты всмотришься в морды животных, то увидишь,
что они красивы. Видел ли ты на мордах животных такие
же гримасы, какие бывают на людских лицах? Нет, по-
тому что у них нет эмоций, нет восприимчивости — их
морды все время остаются неизменными. Но твое лицо
постоянно меняется, потому что ты восприимчив. Вос-
приимчивость — базовое качество, отличающее тебя от
животных.

На мой взгляд, если к некоему действию тебя побужда-
ет твое эстетическое чувство, то ты чувствуешь огромное
удовлетворение сразу же.

Я не пытаюсь всучить тебе векселя. Все религии зани-
маются именно этим. Я убежденный сторонник наличных!
Я не верю в векселя, я верю только в наличные. Моя рели-
гия — религия наличных: ты действуешь — и твои действия
немедленно приводят к соответствующим результатам, это
единая непрерывная последовательность. Никакого раз-
рыва нет. Таков мой закон кармы. Он коренным образом
отличается от всех кармических философских систем, про-
поведовавшихся в прошлом, особенно на Востоке. Мой
закон кармы принадлежит иному измерению: он имеет
эстетическую природу. Чем более остры твои чувства, тем
больше ты благоговеешь перед жизнью — это неизбеж-
но. С обострением восприимчивости ты преисполнишь-
ся столь глубокого уважения к живому, что даже сорвать
цветок с дерева будет для тебя отвратительно.

Есть один великий художник, не очень знаменитый
на Западе, хоть он — западный человек. Он долгое время
прожил в Гималаях. Его зовут Николай Рерих, и он при-
надлежал к царской семье. Во время революции, когда
были убиты девятнадцать членов царской семьи, включая
шестимесячного ребенка (иногда революции бывают чу-
довищно уродливыми), Николаю Рериху удалось сбежать.
Тогда он был еще совсем мальчишкой.

Николай жил в Гималаях. Он был художником, но ра-
ботал не для галерей и базаров. Он не продал ни одной из

своих картин — не потому, что люди не готовы были их
покупать, но потому, что он сам не хотел продавать. Он
говорил: «Это не товар. Это я сам, нанесенный на холст.
Как я могу продавать такое?» На момент смерти художника
все его картины находились у него дома.

Я был у него в гостях — он тогда был уже очень стар —
и, увидев, что он вегетарианец, спросил у него:

— Вы ведь русский, почему вы решили стать вегета-
рианцем?

— Из-за картин, — ответил он. — Я не могу уничтожить
даже картину, хотя она и не живая. Как я могу ради про-
питания уничтожить живое существо? И если я могу убить
льва или тигра, тогда почему бы не убить и человека?

...Ведь человеческое мясо даже лучше усваивается, оно
лучше сочетается с потребностями твоего организма. Что
плохого в каннибализме? Почему все не одобряют канни-
балов лишь из-за того, что те питаются людьми? Канниба-
лы утверждают, что человеческое мясо очень вкусно. Они
говорят, что нет ничего вкуснее во всем мире, чем мясо
человека — особенно мясо маленьких детей. Если вкус так
важен... Возможно, людоеды говорят чистую правду: ведь
они пробовали разную другую пищу, но все в один голос
утверждают, что человечина вкуснее. Но если ты и мысли
не допускаешь о том, чтобы есть человека... Как ты можешь
допустить мысль о том, чтобы есть тигра? Как ты можешь
допустить мысль о том, чтобы есть оленя? Если у тебя нет
заложенных в тебя кем-то мнений, если ты в состоянии
отстраниться от этих мнений и взглянуть на вещи прямо,
то ты будешь потрясен людскими действиями.

Вегетарианство не должно быть вопросом морали или
религии. Это вопрос эстетический — вопрос чувственно-
сти, вопрос почтения к жизни. Для меня это и есть закон
кармы. Все другие толкования в корне ошибочны — *бу-бу*,
и только.

ПОСТОРОННИЙ, ПРОСТО ГОСТЬ

*Ошо,
Ты говоришь, что Христос был последним христианином. А Ты — последний раджнишевец? Объясни, пожалуйста.*

Не я сказал, что Христос был последним христианином. Я цитировал Фридриха Ницше — это он сказал. В некотором смысле Фридрих Ницше абсолютно прав, потому что в этом мире ни одна личность не повторяется.

Уникальность каждой личности абсолютна.

Второго такого человека, как ты, нет не только в современности — во всей вечности никогда не будет такого человека, как ты. И раньше никогда не было. Ты — это просто ты, несравненный.

Так что в этом смысле я согласен с Ницше — я тоже считаю, что последний христианин был распят две тысячи лет назад. Но я хотел бы и кое-что добавить. Во-первых, Иисус был не только последним христианином, а и первым — первым и последним христианином.

Но это лишь один из смыслов данного высказывания. А в других смыслах я с ним не согласен, ибо что касается самого слова «христианин», то Иисус вообще никогда его не слышал. Он родился иудеем и жил как иудей — всю свою жизнь старался проявить себя как истинный иудей. Его и распяли как раз за то, что он пытался доказать, что является иудейским мессией. Он никогда не слышал слов «Христос» или «христианин», поскольку не знал ни греческого, ни латыни — он знал лишь арамейский и немного иврит.

В обоих языках есть слово «мессия», а «христос» — перевод этого слова на греческий.

Само слово «Христос» вошло в употребление уже после Иисуса — по прошествии трехсот лет. А уже от него произошло слово «христианин». И постепенно люди совершенно забыли о том, что бедняга Христос даже и не догадывался, что его станут называть Христом, а его последователей — христианами.

Ты удивишься, но на хинди слово «мессия» будет «*масиха*», а «христианин» — «*масихи*». *Масихи* намного ближе к исходному слову на арамейском и на иврите, чем то слово, которое употребляют в качестве самоназвания христиане всего мира. Возможно, индийские слова *масиха* и *масихи* возникли в результате того, что Иисус, сбежав с распятия — это было не Воскресение, а бегство, — долго жил в Индии и умер в возрасте ста двенадцати лет. А его любимый ученик Фома последовал за ним.

Индийское христианство — самое древнее в мире. Ватикан возник гораздо позже. Иисус остановился в Кашмире... усталый, возможно разочаровавшийся в человечестве и утративший надежду на светлое будущее для людей. Ведь если они ведут себя так — распинают человека, который работает ради их искупления и спасения... Несомненно, он не был идиотом: он усвоил урок.

Все оставшееся время Иисус хранил молчание. Да, многие люди приходили к нему сами, но это не грозило перерасти в проблему, поскольку в Индии очень много воплощений Бога и принято считать, что это личное дело человека: если кто-то ощущает себя воплощением Бога, пусть. Что в этом плохого? Где-то в другом месте этого человека распяли бы, посадили бы в тюрьму, подвергли бы психоанализу, постарались бы перепрограммировать. Много всяких глупостей делают с людьми, считающими себя воплощением Бога, — но в Индии им *поклоняются*.

Никто не станет спорить. Даже мысль такая ни у кого не возникает, ведь точно можно сказать лишь одно: мы никак не можем судить, действительно ли он является воплощением Бога. Нет никаких критериев, никаких методов, позволяющих определить это. И в Индии было так много людей, подобных Иисусу, что к индийцам пришло осознание: каждый из них настолько уникален, что мы не можем выделить никаких общих признаков.

Будда просто был собой. Ты не найдешь никакого сходства между Буддой и Кришной — они во всем противоположны друг другу. Но Индия насчитывает тысячи и тысячи лет религиозного философствования, учения, дискуссий. Здесь развилась особого рода открытость ума в отношении религии.

Индия знает, что Кришна, живущий в роскоши, может быть воплощением Бога; и Будда, отрешившись от царской власти, роскоши и комфорта, может быть воплощением Бога; и Махавира, отказавшийся даже от одежды, тоже может быть воплощением Бога.

Индия видела столь многих людей, подобных Иисусу, что пришла к выводу: их нужно оставить в покое. Если можно чему-то у него научиться, хорошо, а если нет, то не будет никакого вреда, если ты проявишь к нему уважение. Возможно, он прав. А если он ошибается, ты ничего не теряешь. Нет ничего плохого в том, чтобы проявить уважение к человеку — даже если он не прав.

Так что в Кашмире Иисуса никто не преследовал. Там такие люди — не новость. В Индии это не новость. Он послал Фому на юг Индии — и на то была особая причина. На севере жили интеллектуалы и все великие учителя: Будда, Махавира, Патанджали, Горакх, Кабир — перечислять можно бесконечно — все он родились и жили в Северной Индии по той простой причине, что Северная Индия заселена *ариями*.

Юг Индии не арийский, он заселен представителями негроидной расы. Некогда юг Индии и Южная Африка составляли единое целое, а потом Южная Африка отделилась и отодвинулась. Таково одно из недавних географических открытий: континенты всегда двигались и движутся до сих пор. Их смещения очень малы — по футу в год, — так что мы этого не замечаем. Но континенты постоянно смещаются — они не закреплены на месте. И за тысячи лет в их очертаниях происходят немалые изменения.

Со стороны Иисуса это была очень удачная мысль — послать Фому на юг Индии, чтобы проповедовать слово Иисуса. Там были подходящие условия. В Северной Индии это никому не было интересно. В Северной Индии было слишком развито искусство философского диспута, там ца-

рила атмосфера истинного интеллектуализма — кто стал бы там слушать Фому, простого, необразованного человека?

Но от Южной Индии можно было ожидать большей восприимчивости — и это действительно оказалось так. Целый штат Керала на восемьдесят процентов христианский — и это случилось не в последнее время, это еще работа Фомы. Штат Гоа полностью христианский — именно там похоронено тело Фомы.

В связи с этим мне вспомнилось: тело Фомы — единственное за пределами Тибета, которое сохранилось до сегодняшнего дня в том же виде, в каком было в момент смерти. Его не консервировали при помощи каких-либо химикатов или научных методов. Это один из редчайших феноменов на планете. Ежегодно тело выносят из внутренних покоев церкви для публичного обозрения.

Я видел это тело, и ты тоже можешь его увидеть — такое впечатление, что человек даже не мертв, а просто задремал. Да, он не дышит, но за два тысячелетия тело совсем не разложилось. Ученые пытались выяснить, каким образом удалось сохранить его. Но выяснять нечего, потому что тут дело не в каких-либо консервантах. Дело в упорных занятиях йогой и в определенных дыхательных упражнениях, которые изменяют биохимические процессы в организме.

Фома практиковал йогу в течение тридцати лет, он жил как индуистский брамин. Если вы увидите портрет Фомы, то будете удивлены. Разве это христианин? Его голова выбрита, как у индийского монашествующего брамина, оставлен лишь небольшой клочок волос — *чоти*. И еще он носил нить *йогайонавум*, которую носят лишь брамины. Из одежды он использовал только небольшой отрез ткани, закрывающий нижнюю часть туловища — так называемую набедренную повязку.

Если ты видел портреты Махатмы Ганди, то знаешь, о чем речь: кусок ткани, прикрывающий тело от талии до колен, и этого достаточно. На юге многие ограничиваются такой повязкой. Вот и Фома носил эту повязку-*лунги*, закрывающую тело лишь от талии до колен. А еще у него были деревянные сандалии. В общем, он выглядел как самый настоящий индуист.

В Индии он стал вегетарианцем. Фома постарался максимально овладеть йогой и в конце концов совершил самое настоящее чудо. Он велел: «После смерти не хороните мое тело, не кладите в могилу. Я сумел изменить внутренние процессы в теле». Фома предсказал — и возможно, его предсказание верно, — что его тело сохранится до самого конца света. Прошло уже две тысячи лет, а тело не разложилось. Лишь в прошлом году были обнаружены первые признаки разложения. Возможно, конец света уже близок. Если этот человек был прав по поводу того, что его тело не подвергнется разложению после смерти, возможно, и предсказание по поводу конца света верно — тем более что о его близости говорят многие источники.

Лишь в прошлом году впервые были обнаружены некоторые признаки разложения. Возможно, к концу этого века тело разложится полностью. И Фома предсказал, что в тот день, когда его тело полностью разложится, наступит конец света.

Фома и Иисус принесли в Индию слово *мессия*, которое со временем трансформировалось в *масиха*. Когда слово переходит из одного языка в другой, оно неизбежно приспособляется к особенностям этого второго языка. Слово *мессия* не вписывается в общее звучание хинди, а *масиха* — вписывается. Слово *мессия* навсегда осталось бы чем-то чужеродным, но превратившись в *масиха*, оно органично вписалось в язык, и вот уже две тысячи лет христиан в Индии так и называют: *масихи*.

Я все это говорю к тому, чтобы подчеркнуть: Иисус и не догадался бы, что могут означать такие слова, как христианин или Христос. Он никогда этих слов не слышал. В этом смысле высказывание Ницше неверно. Подобным же образом я могу сказать тебе: хоть я и слышал словосочетание «раджнишевец», но сам не являюсь таким последователем — ни первым, ни последним. Я не принадлежу ни к какой группе, ни к какой религии, ни к какой организации. Даже в вашей коммуне я посторонний, просто гость. Я в гостях у последователей Раджниша, но я не последователь Раджниша.

Христианин в чем-то подобен индуисту, иудею, буддисту, джайнисту и даже коммунисту — все они создают

сплоченные организации. Все они верят одному лидеру, одному пророку, одному мессии, одному Богу, одной священной книге. Утверждение Ницше неприменимо ко мне, так как у движения Раджниша нет Бога, нет священной книги, нет мессии.

Я не мессия. Чтобы быть мессией, в первую очередь нужен Бог. А я сам все зарубил на корню, объявив, что Бога нет. Теперь я не могу назвать себя мессией — эта возможность для меня закрыта. Ведь мессий и посланников посылает на землю Бог, а теперь это сделать некому. Нет никого надо мной и никого подо мной.

Есть лишь два способа стать выше других. Либо тебя прислало сюда с заоблачных высот самое главное начальство, как это было в случае Иисуса и Магомета: они пришли с поручением от самого главного начальника и Он наделил их всеми возможными полномочиями. Это один из способов объявить, что ты выше других. Не все родились сыновьями Божьими, только Иисус. Не все — мессии, только Иисус. Иисус заявляет о своем превосходстве: все вы только овцы, а он пастырь. Он — единственный пастырь, единственный среди миллионов овец. Мне бы такая перспектива не понравилась. Миллионы овец, а я — единственный пастырь? Что это за компания такая? А ведь о человеке судят по окружению — и даже если ты пастырь, то хвастаться тут нечем. Но все же это способ утвердить свое превосходство.

Другим путем следуют буддисты и джайнисты. Ни те, ни другие не верят в Бога, так что первая возможность им недоступна. Но они нашли другую возможность, которая называется *тиртханкара* — джайнистский эквивалент мессии. *Тиртханкара* не послан Богом, поскольку Бога нет, но он достиг состояния Космического Сознания благодаря тому, что прилагал огромные усилия к этому на протяжении миллионов жизней. Ты отстаешь от него на миллионы жизней, ты ниже его. Чтобы достичь такого же состояния, тебе потребуются миллионы жизней.

Это другой способ объявить свое превосходство — и, вероятно, этот способ намного лучше, ведь он подразумевает огромный труд. Чтобы стать мессией, тебе нужны только умственная отсталость, глупость и упрям-

ство — и вот ты уже провозглашаешь себя. Что нужно для того, чтобы объявить себя единственным Сыном Божиим? Одно только бесстыдство, и все — иначе в такую глупость... Любой разумный человек, даже если он действительно является единственным сыном Божиим, постарается скрыть этот факт: если люди прознают, что они об этом подумают?

Даже если он действительно уверен, что является посланцем Бога, то никому об этом не скажет. Он передаст послание и удалится — слишком уж глупо это выглядит: ты, необразованный сын плотника, и вдруг выбран Божиим посланцем. Неужели Бог не сумел найти себе какого-нибудь образованного и мудрого раввина? А их ведь были тысячи! Ведь раввины — в числе самых ученых людей в мире. Похоже, Бог сошел с ума: Ему следовало бы выбрать какого-нибудь благородного и образованного, знатока писаний — а Иисус даже читать не умел. Ведь были же люди, вся жизнь которых проходила в обучении, размышлениях, раздумьях, — такие люди были частью традиции.

Иудаизм и индуизм — две основные религии в мире. Все остальные религии являются ответвлениями либо индуизма, либо иудаизма, но эти две не связаны друг с другом. Между ними нет связи, между ними не было общения — но обе они огромное значение придают учености.

Если Бог выбирает Кришну, чтобы в нем воплотиться, это можно понять. У Кришны была пронизательность, мудрость, образование. Ему было доступно лучшее достояние человечества — его учили лучшие учителя. В нем специально развивали мудрость, он и был мудрецом.

Существовало так много раввинов, комментировавших Тору, и их комментарии были столь глубокими, что и сегодня читались бы чрезвычайно современно. Пусть этим комментариям хоть три тысячи лет, но они преисполнены красоты и пронизательности. Коротенькие фразы из Торы или Талмуда обрели свой колоссальный вес именно в комментариях раввинов — прочитав сами исходные фразы, ты и не заметил бы в них ничего особенного.

Но читая комментарии и комментарии к комментариям, ты осознаешь, какие бездны измерений скрываются за банальной фразой. В ней не было ничего — лично

ты не обнаружил бы в ней ничего... но у комментаторов словно есть Третий глаз. Они пристально вглядываются в текст — как будто просвечивают его рентгеновским лучом — и проникают в немыслимые глубины. Возможно, они сами и создают эти глубины: их творческий гений настолько силен, что наделяет значением и смыслом самые пустые слова... Богу следовало бы выбрать кого-то из этих людей, а не плотницкого сына.

Но Иисус провозгласил себя Божиим посланником. Должно быть, он выглядел как шут. Просто не могу этого не сказать. Он путешествовал на осле и заявлял, что является единственным Божиим сыном. Мессия, которого вы ждали тысячи лет, приехал на осле? Наверняка люди хохотали над ним. Вначале этот человек был просто пошмишем — ведь и вправду смешно, — но он не унижался, никак не желал остановиться. Вскоре люди начали осознавать, что все это уже не смешно, дело приняло серьезный оборот, ведь Иисус собрал вокруг себя группу идиотов, твердивших, что он — мессия.

Тогда, как и во все времена, существовали классы людей, которых общество отвергало: воры, проститутки, игроки, сборщики податей. Эти люди — отверженные, и именно их Иисус собирал вокруг себя. Собрать их было легко, общество отвергало их, и то же общество отвергало Иисуса. Они нашли для себя великого мессию: «Пойдемте же за Ним». Ни один раввин не пошел за Иисусом. И это странно: ничего подобного нигде больше не случилось.

Будда выступал против браминов, против индуистов, но все величайшие его ученики были браминами. И в этом есть смысл, ибо он апеллировал ко всему лучшему, что было в культуре. Хотя он и выступал против браминов, но брамины были на вершине общества и именно брамины составляли основную часть интеллектуальной элиты.

Шарипутра был брамином, Маудгальяна был брамином, Махакашьяпа был брамином. Все они пришли к Будде не потому, что были отщепенцами и безграмотными идиотами — игроками, проститутками, мытарями, ворами, — но потому, что, будучи выдающимися учеными, могли понять, насколько верны слова Будды. Они не были никем.

Когда Шарипутра пришел к Будде, он привел с собой пять сотен собственных учеников — все выдающиеся ученые. Вначале он явился к Будде для диспута, и тот был очень рад: это ведь прекрасно! Будда спросил:

— Постиг ли ты истину на опыте или же ты всего лишь великий ученый?.. Я слышал твое имя.

Шарипутра некоторое время смотрел на Будду в полном молчании, словно обнаженный человек, глядящийся в зеркало. Затем сказал:

— Да, я ученый. Но что касается истины, то я ее не познал.

— Тогда нам будет сложно дискутировать, — произнес Будда. — Диспут возможен между двумя людьми, которые не знают истины. Они могут спорить целую вечность, ибо ни один не знает. Оба невежественны, поэтому могут сколько угодно играть словами, и логическими построениями, и цитатами, и целыми писаниями. Но поскольку ни один из них не знает, нет никакой надежды, что они придут к некоему завершению. В лучшем случае, более умный, хитрый и изворотливый победит оппонента и тот станет последователем более ловкого или более искушенного в спорах. Но разве это имеет какое-то отношение к истине?

Либо же встретиться могут двое знающих истину. Но тогда спора быть не может. О чем спорить? Они просто будут сидеть молча, возможно, с улыбкой на устах, возможно, они возьмутся за руки — но что тут можно сказать? Заглянув друг другу в глаза, они поймут, что сказать нечего: «Мы оба знаем одно и то же, мы в одном пространстве», — так что между ними будет только тишина.

Есть и третья возможность, когда один знает, а другой не знает. И тут возникают трудности, потому что знающий не может перевести свои знания на язык незнающего. А незнающий будет без пользы тратить время и напрягать ум, потому что не сможет переубедить знающего. Весь мир не может переубедить знающего — ведь он знает, а ты нет.

— Ты пришел ко мне с пятью сотнями учеников, — продолжал Будда. — Ты не знаешь. И можно с уверенностью сказать, что ни один из этих пяти сотен тоже не

знает — иначе такой человек был бы не твоим учеником, но мастером. Ты более образован, они менее образованны. Ты старше, они младше. Они твои ученики.

И как же мы будем вести диспут? Я готов, но я *знаю*. Одно можно сказать наверняка: ты меня не обратишь. Есть лишь возможность того, что тебя обращу я, поэтому подумай дважды.

Но Шарипутра на тот момент *уже* был обращен. Просто увидев этого человека... А Шарипутра был достаточно умен, он победил в диспутах многих великих ученых.

В те времена в Индии существовала традиция: ученые путешествовали по стране и при всякой возможности вступали в дискуссии с другими учеными. Пока человек не победит в диспутах всех остальных ученых, ученое сообщество не признает его мудрецом. Но когда ты стоишь перед Буддой, перед *знающим*, твоя ученость не имеет никакого значения, равно как и то, скольких ученых мужей ты переспорил. Будда просто сказал:

— Я готов. Если хочешь спорить, я готов. Но какой спор между нами возможен? У меня есть глаза, у тебя нет. Я не могу объяснить тебе, что такое свет. Ты не можешь иметь никакого представления о свете. Ты только услышишь слово «свет», но слово не будет иметь для тебя никакого значения. Оно останется бессодержательным: ты услышишь, но не поймешь.

Поэтому, если тебя правда интересует истина, а не победа или поражение в споре... Мне это не интересно. Я уже *достиг* — какой смысл кого-то побеждать? Зачем? Если тебя действительно интересует истина, тогда просто оставайся здесь и делай, что я скажу. Спорить можешь потом, когда познаешь что-то существенное, что-то реальное. Тогда можешь спорить.

Но Шарипутра был необычайно умным человеком. Он сказал:

— Я знаю, что не могу спорить сейчас и не смогу спорить потом. Ты положил конец моим спорам. Сейчас я не могу спорить, потому что я незряч; потом я не смогу спорить потому, что стану зрячим... Я остаюсь с тобой.

И Шарипутра остался вместе со своими пятьюстами учениками. Он сказал ученикам:

— Отныне я вам не мастер. Вот этот человек. Я и сам буду сидеть рядом с ним в качестве ученика. Пожалуйста, забудьте, что я был мастером. Если хотите быть рядом, тогда ваш мастер — он.

Если бы такой человек, как Будда, сказал: «Я — посланец Бога», — над ним бы никто не смеялся. Но он ничего подобного не говорил. Он жил в одно время с Махавирой, и оба они твердо верили в свое ощущение, что Бога нет. Но они нашли иной путь.

Между тем, с моей точки зрения, это одно и то же. Можно спуститься сверху и быть особым... А вот они поднялись снизу и возвысились над тобой — вознеслись в непостижимую высь. Тебе придется работать миллионы жизней, чтобы подняться до того же состояния, — это почти невозможно.

Я не могу объявить себя мессией, потому что Бога нет. Я не могу объявить себя *тиртханкарой* или *аватарой*, потому что, с моей точки зрения, к истине приходят не ценой напряженных усилий на протяжении миллионов жизней. Ее можно обрести мгновенно, непосредственно, здесь и сейчас — ибо она у тебя уже есть. Вопрос не в том, чтобы достичь ее, — тебе не нужно куда идти, чтобы ее найти.

Ты постоянно несешь истину в себе.

Просто ты еще не проснулся. Для пробуждения не требуются миллионы жизней. Достаточно хорошенечко стукнуть тебя по башке, и ты пробужден — более чем пробужден.

Так что я не считаю, что я выше тебя. Я никого не считаю ниже себя. И никого не считаю выше — ни Иисуса, ни Будду, ни Махавиру. Я не думаю, что они выше меня, ибо речь идет об очень простом человеческом опыте. Зачем делать так много шума из ничего? Каким-то образом даже в Махавире и Будде сохраняется некоторая тень эго. Они пришли, но они не целостны. Возможно, кому-то из них не хватает ноги, кому-то руки, но чего-то не хватает. Что-то потеряно.

Пуштунистан — совсем небольшая национальная территория, разделенная между Пакистаном и Афгани-

станом — преимущественно в Афганистане. Некогда эти земли принадлежали Индии, а теперь официально они являются частью Пакистана. Но пуштуны не желают быть частью Пакистана, они мечтают быть частью Индии — хоть это и невозможно... Потому что сейчас между их землями и Индией лежит пакистанская территория: такие же магнетане, но другой народности.

Пуштуны — очень красивый народ, вероятно, они самые высокие в мире, самые сильные в мире и продолжительность жизни у них самая большая. Ты не отыщешь ни одного жирного пуштуна, они сложены исключительно пропорционально — рослые и прекрасные, словно скульптуры Леонардо и Микеланджело. Они не хотят оставаться частью Пакистана и предпочли бы присоединиться к Афганистану.

У этого племенного народа есть странная идея. Мне она вспомнилась, когда я сказал, что Будда и Махавира как будто потеряли что-то. Согласно пуштунским верованиям, человек должен умереть с целым телом. Ни одна часть не должна отсутствовать, поскольку Бог спросит: «Где твоя рука? Когда я посылал тебя в мир, ты был целым». Поэтому они не позволяют делать себе операции или совершать ампутации. Пуштун скорее умрет, чем позволит удалить себе почку, — это простые люди почти с первобытным укладом, и логика у них простая: когда-то Бог спросит: «Где твои почки?»...

Вспомнил одну красивую историю. Во время Первой мировой войны в Лахоре пуштуна ранили в руку. Началась гангрена: чтобы спасти жизнь бойцу, необходимо было ампутировать ему руку. Решение нужно было предпринять немедленно — любое промедление могло оказаться фатальным. Сам пуштун был без сознания, в коме. Родные его находились где-то в Пуштунистане, и найти их было бы сложно — в Пуштунистане тогда еще не было системы почтовой связи, не было телеграфа, не было телефона, даже дорог.

Лишь одна дорога вела из Пакистана в Афганистан, да и по той дороге путешествовать было очень опасно, так как повсюду вдоль нее пуштунские дети упражнялись

в стрельбе — подстреливали водителей, подстреливали пассажиров в автобусах! Это очень простой первобытный народ. Где тренироваться? Делать мишени они не додумались — да и зачем их делать, если вокруг полным-полно живых мишеней?

Когда я путешествовал по Пуштунистану, мой водитель сказал:

— Я не позволю тебе вести машину здесь.

— Почему? — спросил я. — Такая красивая местность.

— Ты просто ничего не знаешь, — сказал он. — Водители здесь — мишени! Я не позволю тебе вести. Сядь на пассажирское сиденье, а поведу я. Я не раз ездил по этим дорогам, а поэтому знаю, где ожидать опасности и как ее избежать. Это всего лишь дети, но они постоянно стреляют. С самых юных лет им интересно лишь одно: оружие.

И как в таких условиях искать его семью, чтобы получить разрешение на ампутацию? А ведь это пуштун: когда он придет в сознание и обнаружит, что руки нет, проблем не оберешься. Но выхода не было. Врач, англичанин, сказал:

— Я беру ответственность на себя. Я этого человека знаю и сумею его как-нибудь успокоить. Ампутуруем!

Придя в сознание, пуштун рассвирепел. Врач выслушал его проклятия, а затем объяснил ситуацию:

— Я взял на себя ответственность за ампутацию. К тому же смотри: я сохранил твою руку, — и он показал пациенту большую банку с заспиртованной рукой внутри. — Я ее сохранил, так что, когда умрешь, рука будет с тобой.

Пуштуны — народ простой, и он понял логику. Он ответил:

— Вот и правильно. Действительно, что еще можно было сделать? Очень хорошо. Храни ее у себя, потому что мы, пуштуны, постоянно в пути.

Пуштуны все время путешествовали по всей Индии, торгуя сушеными фруктами из Пуштунистана (ведь там растут самые лучшие фрукты в мире!) и шерстяными изделиями — свитерами и одеялами. Эти пуштунские товары пользовались большим спросом в Индии.

Но после отделения Пакистана ты уже больше не встретишь в Индии пуштунов. И этих замечательных сушеных фруктов уже не купишь. Никто другой просто таких не делает.

Итак, он сказал:

— Я все время в пути. И странно было бы везде таскать за собой эту руку. К тому же я могу забыть ее где-нибудь. Или уронить... Банка — то стеклянная, разобьется. Сохрани ее у себя, а я попрошу родных, чтобы они у тебя ее забрали, когда я умру.

— Договорились! — ответил доктор.

Но потом госпиталь сторел и вместе с ним рука пуштуна. Доктор не особенно беспокоился, потому что ему пора было выходить на пенсию и возвращаться в Англию — слишком далеко от Пуштунистана, чтобы родственники могли потревожить его. Как они узнали бы, кто этот доктор? Куда он уехал? Где его искать? Тем более что они люди бедные и в Англию им не добраться в любом случае.

И все равно, даже в Англии ему было не по себе: «Кто знает? Это опасный народ. А вдруг все-таки найдут возможность приехать...» Поэтому в местной больнице он раздобыл правую руку, заспиртовал ее и хранил в своей спальне на случай, если кто-то все же объявится.

И вот однажды вечером раздался стук в дверь. Врач открыл и увидел на пороге того самого пуштуна, злого как черт. Врач просто не верил своим глазам. Пуштун не сказал ни слова, а просто протянул обрубок левой руки и спросил:

— Где моя рука? — он спросил это не словами, просто жестом. — Отдай руку.

Доктора чуть удар не хватил. Он побежал к шкафу и достал банку с заспиртованной конечностью. И только тогда до него дошло: это правая рука! Пуштун швырнул банку на пол, схватил руку и зашвырнул ее в комнату. Он сказал:

— Завтра вечером я вернусь. Найди мою руку!

И для доктора начался ежевечерний кошмар...

Возможно, вторая часть этой истории носит чисто психиатрический характер. Врачом овладевает идея, что пуштун умер. Возможно, кто-то из Лахора (допустим,

коллега — другой врач) на всякий случай сообщил ему о смерти пуштуна. Возможно, он сам придумал себе его смерть — и теперь ему видится призрак бывшего пациента. Лично я в призраков не верю, но навоображать себе можно что угодно... Если ты создал в своем воображении Бога, почему бы не призрак? — это для тебя сущие пустяки. Если ты можешь видеть Иисуса, и Кришну, и Будду, тогда нет проблем: человеку вполне под силу узреть в своих галлюцинациях несчастного пуштуна. И ведь на то была весома причина: доктор нарушил взятое слово.

Пуштуны — очень честный народ. Если уж пуштун дает обещание, то исполняет его любой ценой. Он готов рисковать жизнью ради сущего пустяка — но если уж дал слово, то сдержит. Возможно, поэтому доктор и переживал так. Доктор достаточно долго жил среди пуштунов в Лахоре и знал, что это за люди. А в Англии призраки вообще очень распространены.

Чем-то Англия привлекательна для призраков. В этой стране домов с привидениями больше, чем в любой другой части мира. Британия притягивает их как магнит. Возможно, именно поэтому британцы всегда так серьезны и даже пугливы.

Не вздумай заговаривать с санньясином Пропером Сагаром, если вас ему должным образом не представили. Вероятно, причиной его неприветливости служит все тот же страх перед призраками: ведь не известно, кто это пытается поговорить с ним. Если тебя представили, тогда все нормально... А если нет, тогда кто его знает? Вот, полагаю, и тот доктор был такой же «Пропер Сагар».

История заканчивается печально: врач умер от этих нескончаемых кошмаров. Однажды утром его нашли мертвым. Видимо, ему казалось, что его душит пуштун, но в действительности он сам сдавил свое горло. Наверное, у него была особенно яркая галлюцинация и он себя убил, пребывая в полной уверенности, что погибает от рук пуштуна.

Так или иначе, за этой пуштунской верой, что человек должен возвращаться в иной мир целым, кроется глубокий смысл.

А Будда что-то потерял: *он все еще в той или иной форме ставит себя выше других*. Он утверждает, что достиг наивысшего уровня космического сознания, которого не достигал никто прежде. Он играет в ту же самую игру — просто играет в нее более изощренно. Однако он стремится к тому же, к чему стремился Иисус, когда говорил: «Я — единственный Сын Божий. Таких никогда не было прежде и никогда не будет впредь. Я — единственный». Он возвышает себя навеки. То же самое делает и Будда, говоря, что его состояние — результат упорных усилий *на протяжении миллионов жизней*.

В одной из жизней он был слоном — но все равно выше других слонов. Будда рассказывает, что в его бытность слонем в джунглях случился пожар. Дул сильный ветер. Огонь распространялся очень быстро. Все животные в панике бежали из джунглей. Он тоже бежал, но, найдя большое дерево, остановился под ним, чтобы немного передохнуть в тени его развесистых ветвей.

Он уже собрался двинуться дальше и даже поднял одну ногу, но в этот самый миг маленький кролик, убегающий вместе со всеми от пожара, тоже решил передохнуть под тем же самым деревом и улегся как раз там, куда слон собирался поставить свою ногу. Опустить ногу означает убить кролика, а не опускать... Как долго он сможет простоять на трех ногах? Сами подумайте: стоять на трех ногах — нелегкое дело для слона, отсутствие всего одной опоры добавляет огромную нагрузку на остальные ноги.

Но как рассказывает Будда, «Я так и стоял, не опуская ногу. Тем самым я спас жизнь кролика, хотя из-за непомерных усилий сам ослабел, завалился на бок и погиб. Но благодаря этому благому делу я родился человеком».

Так что даже в теле слона он был не обычным слоном, а *самым лучшим*. Ведь я не думаю, что какой попало слон стал бы так заботиться о кролике. Начнем с того, что он вообще не заметил бы этого зверька. Слоны большие, а глаза у них очень маленькие. Замечал эту странность: такие маленькие глаза у таких огромных животных? Любопытно, кто разрабатывал дизайн? Следовало бы все же соблюдать пропорции... Или ты действительно думаешь, что слон разглядит кролика, сидящего у него под ногой? Полагаю,

просто для того, чтобы заглянуть себе под ногу, слону придется долго заниматься йогой — это для него нелегкая задача. Вот возьми и нарисуй слона... я тут себе нарисовал и пытаюсь представить, что я слон, — и я не вижу кролика! Вот моя нога, а кролик полностью скрыт под ней — такими маленькими глазками при таком огромном теле разглядеть его просто невозможно.

Даже пребывая в теле слона, Будда был настолько чужд насилия, что пожертвовал собственной жизнью ради сохранения жизни кролика. Он рассказывает много историй о своих прошлых жизнях — и всегда он лучше других. Его вечное превосходство сохранилось и до этой, самой последней жизни: сейчас он далеко превосходит всех людей в своей просветленности.

Тебе придется затратить миллионы жизней — возможно, ты пока еще не поднялся даже до уровня того слона. Готов ли ты умереть ради спасения кролика? Ты и жену — твою не готов спасти — особенно жену, а ведь муж и жена обещают друг другу...

Мужчина говорил своей возлюбленной:

— Без тебя я умру, я не смогу дышать. Без тебя моя жизнь лишена смысла. Когда я тебя не вижу, мой день тесен и уныл, но стоит тебя увидеть, я преисполняюсь такой радости, что вижу все звезды даже на дневном небе.

Женщины более практичны: они не слушают всю эту чушь. Девушка догадалась, что воздыхатель просто выучил монолог из какого-то фильма. Поэтому она спросила:

— А какие планы на завтра? Завтра ты придешь?

— Если не будет дождя... — ответил он, — мой зонтик в ремонте.

Поэзия поэзией, но на деле мир выглядит совсем иначе.

Будда не просто пытается доказать, что он выше тебя. Он еще и такую историю рассказывает: «Когда я обрел просветление, все три индуистских бога...» Как в христианстве есть Троица, так в индуизме есть *тримурти*, три Божьих лика — тело одно, но лика три. Что выглядит более

логично, чем христианская троица — Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

Христианская троица выглядит как неполная семья: без матери, без сестер, без братьев. А ведь эта история относится к древним временам, когда типичная семья состояла из нескольких поколений. Для тех времен такая неполная семья совсем не характерна — подумать только: лишь отец и сын, и даже тот неженатый! Вот это, я понимаю, контроль над рождаемостью: даже от жены отказались. Но как-то все это нереалистично выглядит.

Индуистский Бог более логичен: одно тело, три лика. Брахма — лицо творца, создающего мир; Вишну — хранитель, поддерживающий мир; а Шива — разрушитель, уничтожающий мир. Это выглядит более логично и, вероятно, более научно обоснованно.

Странное дело: наука непрестанно разделяет — молекулы разделены на атомы, и сами атомы уже разделены. В конечном счете ученые пришли к делению материи на три. Первая составляющая позитивная, и ее можно отождествить с творческим началом; вторая нейтральная — сохраняющее начало; и третья составляющая разрушительная, или негативная, ее можно отождествить с третьим ликом индуистского бога.

Рано или поздно индуисты станут похвастаться, что именно это изначально означали их лики — электрон, нейтрон и протон. Просто они другим способом высказали ту же самую научную истину: единое тело, единое электричество, единая сила. А как обошелся с тримурти Будда? Он сказал: «Когда я обрел просветление, все три индуистских бога — Брахма, Вишну и Шива — пришли, чтобы прикоснуться к моим стопам».

И это даже круче, чем случай Иисуса. Иисус был всего лишь сыном. А Будда добился того, чтобы все три индуистских бога прикоснулись к его стопам и признали: «Просветленное существо намного выше бога. Мы тоже желаем в какой-то из жизней достичь этого состояния бытия».

В индуизме боги не являются сущностями неизменными. Они проводят на небесах лишь некоторое время, и это право нужно заслужить благими деяниями в мире — им требуется некий счет в банке добродетелей. Они живут на

небесах до тех пор, пока счет не исчерпается. Как только средства в банке заканчиваются, они низвергаются в наш мир и вынуждены снова пройти по этой дороге, закрутиться в колесе рождений и смертей. А просветленное существо не отправляется на небеса. Оно отправляется в *мокишу*.

Мокиша выше небес, и падение оттуда невозможно — она достигается не через благие деяния, а через осознание, полное осознание. А как можно упасть после того, как обрести полное осознание? Так что Будда использовал намного более умную стратегию, чтобы обеспечить себе превосходство. Эту же стратегию использовал и Махавира.

Тиртханкара становится *тиртханкарой* благодаря миллионам жизней, исполненных суровых испытаний, и в одном цикле мироздания бывает лишь двадцать четыре *тиртханкары*.

Западные физики только недавно стали говорить о таких огромных промежутках времени, но индуисты, джайнисты и буддисты оперируют ими уже давным-давно. В индийском языке существуют слова для обозначения многих чисел, для которых в английском нет особого названия. Цикл мироздания — немалый промежуток времени, это миллионы и миллионы лет. Творение состоялось не тогда, когда говорят христиане... надо же, всего четыре тысячи и четыре года до Рождества Христова — да это просто детский сад!

На Востоке над такими представлениями просто смеются: «Вы что, шутите? Мир создан за четыре тысячи и четыре года до Рождества Христова?» Китай существует не меньше десяти тысячелетий. Индия, согласно представлениям индийских ученых, существует не менее девяноста тысячелетий.

Если ты не склонен им верить, тогда как ты оспоришь следующий аргумент? В *Ригведе* присутствует описание созвездий, которые, по свидетельствам современных астрономов, существовали девяноста тысяч лет назад. Если такое взаимное расположение звезд было известно авторам *Ригведы*, это является достаточно убедительным доказательством того, что *Ригведе* намного больше девяноста тысяч лет.

Даже если *Ригведа* была написана позже, значит, люди как минимум хранили в памяти это расположение звезд — которое и согласно самой *Ригведе* существовало девяноста тысяч лет назад. Их книге девяноста тысяч лет. Вашему мирозданию всего шесть тысяч на сегодняшний день. Однако вам будет очень сложно отстаивать свое мировоззрение. Индусы будут просто смеяться и пожимать плечами: «Да что вы говорите!»

Аргументация джайнов тоже очень точно выверена математически. Имя их первого *тиртханкары* упомянуто в той же *Ригведе*. Проблема усложняется тем, что их первый *тиртханкара*, Ришабхадэва, упоминается там с огромным почтением.

Все очень логично: если ты выказываешь столько почтения к человеку, выступающему *против* твоей религии, мы можем с уверенностью сказать лишь одно: *он не может быть твоим современником*. Это простой и логичный образ мысли. Эта идея заложена в самом английском языке: если человек является твоим *современником* (*contemporary*), ты его *презираешь* (*contempt*). Вероятно, в этом истинный смысл слова «современник» — человек, в которого ты не можешь верить.

Потому-то в свое время люди и не поверили в Иисуса Христа. Они не могли в него поверить. Индуисты, чьим современником был Будда, не признавали его. Но через пять сотен лет после смерти Будды они вынуждены были признать в нем одну из инкарнаций индуистского бога, ибо влияние этого человека сильно выросло. Теперь отвергать Будду означало бы отвергать всех буддистов. А это стало бы слишком большой потерей для индуистских священнослужителей. Они предпочли интегрировать их, взять под крыло индуизма, чтобы эксплуатировать, — ведь в противном случае буддисты просто совсем отстранились бы и стали чужими.

Поэтому в течение пяти сотен лет индуисты постоянно критиковали Будду, а потом вдруг изменили свою тактику, свою стратегию. До того момента они признавали только десять инкарнаций бога, и Будде среди них места не было, но буддисты не соглашались на меньшую позицию

для него. Так что пришлось расширить квоту! Через пять столетий после Будды индуисты изменили свою позицию и сказали: «Если у нас будет двадцать четыре *аватары*... Как у джайнистов есть двадцать четыре *тиртханкары* и у буддистов есть двадцать четыре будды, так и у нас теперь есть двадцать четыре *аватары*».

Гаутама Будда родился в семье индуиста (подобно тому, как Иисус родился в иудейской семье), а следовательно, он был индуистом и умер индуистом. Таким образом, они предъявили на него свои права и объявили одной из инкарнаций индуистского бога. Но для своих современников Будда был всего лишь объектом презрения.

Во всем мире есть обыкновение окружать почтением мертвецов — и чем дольше человек мертв, тем лучше. Если он вообще находится за пределами твоего исторического периода, тогда тебе совсем легко проникнуться к нему уважением — ни малейших проблем. Он настолько далек, что в этом нет ничего обидного для тебя.

Но если кто-то сидит прямо напротив и объявляет себя единственным Сыном Божиим!.. Ты никак не можешь поверить, что вот этот парень — потеющий и дурно пахнущий — является единственным Божиим Сыном. Тебе хочется его вздуть! Единственный Сын Божий? Ты зол на него, на Бога, на все, что этот человек... Но по прошествии двух тысячелетий никто уже не беспокоится — похоже, никому уже нет дела до того, насколько обоснованы притязания Иисуса на статус Сына Божьего.

Христиане эти притязания приняли, но иудеи о нем просто помалкивают. Магометане его приняли, потому что у них нет с ним проблем. У индуистов, джайнистов, буддистов тоже нет проблем с Иисусом. Ты не сможешь обратить в христианство ни одного джайниста или буддиста, так как христианство — гораздо более примитивная религия. Джайнисты и буддисты намного превосходят христиан в своей аргументации и логических построениях.

Многие христиане стали буддистами, но ни один буддист не стал христианином. В этой религии ничто не может его привлечь. Думаешь, буддиста впечатлит тот факт, что Иисус — сын девственницы Марии? Нет, он просто

рассмеется и скажет: «Забавная шутка!» Что может предложить ему христианство?

Однажды христианский миссионер пошел со своей Библией к дзэнскому мастеру. Он стал читать ему Нагорную проповедь. И не удивительно — ведь это лучшее, что там есть. На самом деле, в этой проповеди заключено все христианство.

Едва он прочел одно или два предложения, дзэнский монах перебил его: «Стоп. Кем бы ни был этот парень, он — *бодхисаттва*». *Бодхисаттвой* называют того, кто в одной из будущих жизней станет буддой. Дзэнский монах имел в виду вот что: «Хватит! Эти слова доказывают, что в одной из будущих жизней этот парень станет буддой. Но меня он не интересует, потому что пока еще не является буддой, а только *бодхисаттвой*».

Бодхисаттва — это тот, кто в сущности своей будда. Но ведь каждый человек — бодхисаттва в сущности своей. Между тем, возможно, тебе потребуются многие жизни, чтобы реализовать эту свою сущность. Все зависит от тебя... но ты — будда. И не только ты, а также деревья, птицы, даже собаки в сущности своей — бодхисаттвы. Возможно, их путь продлится несколько дольше, а может случиться и так, что какой-то особенно одаренный пес рванет вперед и перегонит тебя. Сейчас именно это и происходит: все одаренные псы примчались в Орегон. И устроили здесь вечеринку под названием «1000 друзей Орегона»*. Недаром ведь их прозвали сторожевыми псами!

Я задумался о том, почему их все-таки называют сторожевыми псами. И наконец меня осенило: они действительно псы, но псы необычайно умные — ведь большинство из них сподобились приобрести профессию сторожа. Даже псы, сторожевые псы Орегона — *бодхисаттвы*. Так что слова дзэнского мастера были не особенно лестными — тем не менее миссионер обрадовался чрезвычайно. По всему христианскому миру распространился слух, что дзэнский мастер принял Иисуса... а дело лишь в том, что

* «1000 друзей Орегона» — природозащитная общественная организация, имевшая претензии к Раджнишпураму. — *Прим. перев.*

миссионер не вполне понимал значение слова *бодхисаттва*.

Бодхисаттва не означает будда. *Саттва* значит сущность, потенциал. Но потенциал может так навсегда и остаться всего лишь потенциалом — семя не обязательно превращается в дерево. Семя может так и остаться семенем. У семян разная судьба: некоторые из них предпочитают весь свой век сидеть на камне. Ты можешь сколько угодно медитировать, сидя на камне, но не станешь буддой. На камне семя так и остается семенем.

Чтобы стать деревом, семя должно умереть и уйти в землю, полностью раствориться: лишь после его смерти рождается дерево. Смерть совершенно необходима. Здесь оно умирает, а на другой стороне рождается дерево, маленький росток, но живой. Семя было почти мертвым. Я говорю «почти», потому что в нем был потенциал жизни. Но семя может так и остаться семенем — и это случается с миллионами семян.

Так что в этом не было ничего особенного — тот дзэнский мастер на самом деле подшутил над миссионером. Он сказал: «Стоп! Достаточно. Двух строк достаточно. Тот, кто сказал эти слова... — Он даже не спросил, кто их сказал. — Тот, кто сказал эти слова, — *бодхисаттва*. Закрой книгу и поговорим о более важных делах».

Я не первый последователь учения Раджниша и не последний последователь этого учения. Я вообще не представляю учения Раджниша. Я посторонний. Вы можете быть последователями Раджниша, но не нужно тащить меня на это Большое Пыльное Ранчо. Сами наслаждайтесь своим Большим Пыльным Ранчо, а меня оставьте в стороне*.

Я просто гость — прежде всего потому, что я не хочу, чтобы меня распяли, — мне это не интересно. Я не хочу, чтобы меня обожествляли, — не интересно. Меня всецело удовлетворяет, кто я есть, и я не испытываю ни малейшей потребности быть кем-то еще. Я не вижу никого, кто был бы выше меня, и никого, кто ниже.

* Очевидно, имеется в виду Раджнишпурам. — Прим. перев.

В действительности оба состояния существуют лишь в паре. Всякий, кто считает, будто кто-то выше него, считает кого-то ниже себя. И наоборот: если ты смотришь на кого-то свысока, то неизбежно смотришь на кого-то другого снизу вверх. Это один и тот же тип ума — эти два измерения в действительности не измерения, но полюса одного явления.

А я просто *вне* всего этого. Я не играю в превосходство и неполноценность.

Если тебе действительно интересно то, что я думаю, что говорю и чем являюсь, тогда никогда не допусти, чтобы движение Раджниша уподобилось христианству, индуизму, магометанству — нет. Никогда не относись к нему серьезно. «Движение Раджниша» — только слова, только обозначение. Это не credo, не культ, не догма, за которую тебе нужно сражаться, ради которой нужно идти в крестовый поход. Не нужно становиться Дон-Кихотом, не нужно никого обращать.

«Раджнишевец» — просто имя. Нужно ведь какое-то имя. Э, ю, я — подойдет все что угодно, лишь бы обозначить себя. Ты не индуист, не магометанин, не христианин. Люди спросят: «Тогда кто же ты?»

Я никогда не ходил на выборы. Моего имени даже нет в индийских списках избирателей, потому что, когда во время переписи населения чиновники предложили мне заполнить анкеты, там был вопрос: «К какой религии вы принадлежите?».

— Это сложно... — сказал я. — Я не принадлежу ни к какой религии.

Но они настаивали на том, что в анкете нужно заполнить каждую графу — только тогда они смогут меня зарегистрировать. Тогда я ответил:

— Значит, забудьте. Не регистрируйте — мне все равно. Это ваша анкета и ваше дело. Теперь убирайтесь. Я не буду заполнять эту графу, потому что тогда мне придется врать. Я не принадлежу ни к одной религии.

— Не может быть, чтобы не принадлежали, — настаивали чиновники. — Если вы атеист, тогда так и напишите: «Я атеист».

Но я не атеист! Я не одержим идеей о том, что Бога нет, и я не собираюсь его отрицать. Если Бога нет, зачем мне его отрицать? И зачем мне называть себя атеистом, если Бога нет? Теизм — это вера в Бога; атеизм — неверие в Бога. Бог мой!.. Неверие в Бога?!

— Во мне нет веры и нет неверия, — сказал я этим людям, — я просто никак не отношусь к Богу.

— Но ведь вы как-то молитесь... — предположили они.

— Отнюдь, — отрезал я. — Никогда я не молюсь. Зачем молиться?

Они очень рассердились. Итак, в первый раз они пришли ко мне домой и ушли очень раздраженными. А потом они же явились ко мне в университет, но не узнали меня. Дело в том, что дома я был в одном *лунги*, полуобнаженный, а в университете на мне была мантия. Так что они не поняли, что уже общались со мной, и снова дали ту же анкету.

— Послушайте, если вы еще раз подсунете мне эти бумаги, я вас побью. Сильно побью, — сказал я.

— Еще раз? — удивились они. — Но мы не знакомы.

— Вы просто забыли. Я тот самый парень, который...

Вглядевшись, они вспомнили:

— Ах да! Впредь будем внимательнее. Ведь мы можем встретиться где-нибудь еще.

А я тогда был весьма силен — весил сто девяносто фунтов (86 кг) и бегал по восемь миль каждый день (почти тринадцать километров), утром и вечером, когда мог выкроить время. Поэтому, если я грозился, что «побью сильно», человек сразу догадывался, что ему придется нелегко.

Я так любил бегать, прыгать, плавать, что родные беспокоились:

— Ты вообще чем-то еще собираешься в жизни заниматься? К тому же ты досаждаешь окружающим.

— Но я ведь просто занимаюсь своими делами. Никому не мешаю, — возразил я.

Но они знали, о чем говорят, — кто-то уже пожаловался. Поэтому родные сказали мне:

— А вот и неправда. По каким это делам ты бежал в четыре часа утра, да еще и спиной вперед? Мы знаем, что

некоторые люди устраивают пробежки... но чтобы спиной вперед?

В Индии есть поверье, что призраки ходят задом наперед. Я жил тогда в очень красивом месте. Там были большие высокие деревья и длинная сумрачная бамбуковая аллея. Стояла ночь полнолуния, и я просто выполнял свои упражнения возле зарослей бамбука. А бегать спиной вперед намного приятнее, потому что ты движешься в неизвестность и не знаешь, что тебя ждет. В четыре часа утра улицы почти пусты... Между тем в Индии существует поверье, что призраки ходят спиной вперед.

В самом начале той аллеи жил владелец чайной лавки. Видя меня, он очень пугался, но лишь поначалу. Со временем, заметив это, я подошел к нему и сказал:

— Не бойтесь, я обычный человек. Я никакой не призрак. Это меня вы видите каждое утро. Так что не переживайте и спите спокойно.

Но в тот день там оказался молочник... Молочники встают рано-рано и везут молоко из окрестных деревень. Обычно его транспортируют в двух больших бидонах, прикрепленных к велосипеду. Вот такой молочник ехал по дороге и вдруг увидел меня. Он потерял равновесие и свалился с велосипеда. Бидоны громко загремели, и я обернулся: «Что произошло?» Я увидел велосипед, бидоны, потоки молока на дороге... И вдалеке — бегущего со всех ног молочника!

Я как-то не подумал, что гнаться за ним не следует. Мне хотелось помочь ему, объяснить, что я никакой не призрак, вот я и побежал следом. А поскольку я занимался бегом регулярно, у него не было шансов от меня оторваться. Заметив, что я настигаю, бедняга просто свалился наземь без сознания.

Тут подошел владелец чайного магазина и сказал:

— Вот-вот: точно так же пугался и я. Послушай, если он и так свалился с велосипеда, зачем ты стал еще и гнаться за ним?

— Я просто хотел помочь. Заверить его, что я человек.

— Ну и что же, заверил?.. Как бы он теперь сам не стал призраком!

Слухи об этом происшествии дошли до моих родных, поэтому они и сказали мне:

— Это нехорошо. Нельзя так досаждать людям.

Итак, эти переписчики сказали мне:

— Сэр...

Ведь они обязаны были говорить с университетским преподавателем почтительно. Дома они меня застали в саду, копающим яму. Они подумали, что я простой садовник или разнорабочий, болтающий всякие глупости, и разозлились... Надо же: он не может заполнить эту графу! А в университете они говорили уже по-другому:

— Сэр, если наши пути вновь пересекутся, вы только напомните нам и мы пойдем своей дорогой. Мы не станем больше вам докучать.

Поэтому моего имени нет в реестре индийских избирателей. Я не голосовал ни разу в своей жизни, мое имя просто отсутствует в списках. Его нет даже в результатах переписи по той простой причине, что я не смог сказать, какова моя религиозная принадлежность.

Тебе повезло больше: ты можешь назвать себя последователем Раджниша. Но не стоит принимать это учение всерьез. Тебе не нужно за него сражаться, тебе не нужно за него умирать.

Тебе нужно *прожить* его, наслаждаться им, смаковать его. А меня, пожалуйста, во все это не впутывай!

Учение Ошо не поддается никакой классификации, оно охватывает все сферы — от индивидуального поиска смысла жизни до самых насущных социальных и политических вопросов, которые стоят сегодня перед обществом. Он не писал своих книг, это распечатки с аудио- и видеозаписей его бесед, которые всегда были импровизациями и проводились перед слушателями разных стран на протяжении тридцати пяти лет. Он выражает свое послание так: «Помните: то, о чем я говорю, адресовано не только вам, но и будущим поколениям».

Лондонская газета *Sunday Times* назвала Ошо одним из «тысячи людей, которые определили лицо XX столетия», а американский писатель Том Роббинс сказал о нем, что «это самый опасный человек со времен Иисуса Христа». Издание *Sunday Mid-Day* (Индия) выбрало Ошо одним из десяти человек — наряду с Ганди, Неру и Буддой, — изменивших судьбу Индии.

Ошо как-то сказал, что он помогает создавать условия для рождения нового человека. Он часто называл такого человека Зорбой-Буддой, потому что тот будет способен радоваться и земным удовольствиям, как Грек Зорба, и пребывать в тихой безмятежности, как Гаутама Будда. Красной нитью через все сферы деятельности Ошо проходит представление, охватывающее извечную мудрость Востока и высочайшие возможности западной науки и технологий.

Ошо также известен своим революционным вкладом в науку внутренней трансформации и таким подходом к медитации, который соответствует ускоренному темпу современной жизни. Уникальные динамические медитации Ошо разработаны прежде всего для высвобождения накопленных стрессов тела и разума, чтобы было легче перейти к расслабленному и свободному от мыслей состоянию медитации.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕДИТАЦИЙ ОШО

Расположение: Международный центр медитаций Ошо — это место, где тебе предоставлены все возможности, чтобы сочетать отдых с личностным ростом. Он расположен в Индии, приблизительно в 160 километрах на юго-восток от Мумбая в процветающем современном городке Пуна. Территория центра представляет собой живописный сад площадью в 40 акров.

Уникальные возможности: Ежегодно в наш Центр медитации приезжают тысячи людей более чем из 100 стран. В городке Центра царит уникальная атмосфера, позволяющая на опыте познать новый образ жизни — более осозанный, более расслабленный, более радостный и наполненный творчеством. Круглые сутки и круглый год мы предлагаем тебе богатейший выбор самых разнообразных занятий — включая полную расслабленность и ничегонеделание! Ты сам выбираешь себе программу.

Все программы сориентированы на концепцию Ошо о новом человеке, которого он называл Зорбой-Буддой. Зорба-Будда в равной степени способен принимать активнейшее участие в повседневной жизни и всецело погружаться в тишину и медитацию.

Медитации: Здесь действует полномасштабная программа медитативных практик для людей любого типа. Это медитации как активные, так и пассивные, как традиционные, так и революционные. Особое место занимают активные медитации Ошо. Медитации проводятся в одном из самых больших залов для медитации во всем мире — *Osho Auditorium*.

Обучение: Мы предлагаем индивидуальные занятия, курсы и семинары по широчайшему спектру дисциплин, включая искусства, общее оздоровление организма, личностную трансформацию, взаимоотношения и продолжение жизни, работа-как-медитация, эзотерические науки, дзэнский подход к спорту и отдыху. Секрет успеха наше-

го учебного центра в том, что все образовательные программы подкреплены медитацией. Это помогает ученикам осознать, что мы представляем собой нечто намного большее, чем сумма наших частей.

Basho Spa: Это возможность плавать в открытом бассейне в окружении тропической зелени. Кроме того, к твоим услугам просторные джакузи, сауны, спортзал, теннисные корты — и все это посреди потрясающе красивого ландшафта.

Кухня: На территории центра ты найдешь кафе с европейской, азиатской и индийской вегетарианской кухней. Большинство блюд приготовлены из экологически чистых продуктов, выращенных специально для Центра медитации. Хлеб и сдобу печем в собственной пекарне при центре.

Ночная жизнь: Здесь есть из чего выбирать. В первую очередь — танцы! Или же медитации под звездным небом. Или разнообразные представления, концерты и медитативные практики. Можно и просто наслаждаться общением в кафе. Или прогуляться по безмятежным и сказочно прекрасным садам и паркам.

Быт: Все, что необходимо для повседневной жизни, ты можешь купить в расположенном на территории торговом городке. *Multimedia Gallery* предлагает широкий ассортимент ОШО-медиа-продукции. Кроме того, к твоим услугам банк, бюро путешествий и киберкафе. К тому же сам город Пуна не даст заскучать любителям покупок. Здесь ты найдешь все — от изделий традиционных народных промыслов Индии до бутиков мировых торговых марок.

Проживание: Ты можешь остановиться в одной из уютных комнат нашего отеля. Есть варианты для более продолжительного проживания. Кроме того, можно снять жилье в гостиницах Пуны или просто у горожан.

Посети наш сайт:

www.oshocom/meditationresort

Литературно-художественное издание

ОШО

РОЖДЕННЫЙ С ВОПРОСОМ В СЕРДЦЕ

Перевод: *Е. Мирошниченко*

Редактор *И. Старых*

Корректоры: *Т. Селезнева, Е. Яковенко*

Оригинал-макет: *Г. Булавко*

Обложка: *И. Дерий*

ООО Издательство «София»

107140, Россия, Москва, ул. Красносельская Нижняя, д. 5, стр. 1

Для дополнительной информации:

Издательство «София»

04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 29.05.2013 г.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж 2500 экз. Зак. С-1313.

**Отделы оптовой реализации
издательства «София»**

в Киеве: (044) 492-05-10, 492-05-15

в Москве: (499) 317-56-22, 317-56-44

в Санкт-Петербурге: (812) 676-07-68

<http://www.sophia.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Вопросы заложены в нас с самого рождения, человек приходит в этот мир с большим вопросительным знаком прямо в сердце — и это на самом деле большая удача. Ведь иначе мы были бы совсем другим биологическим видом. У деревьев нет вопросов, у птиц нет вопросов — только у человека есть такая привилегия. Во всем Сущем лишь он один способен спрашивать.

С самого детства я непрестанно спрашиваю. Мне возражали, меня осуждали, меня критиковали, но никто не ответил ни на один мой вопрос — ответов нет.

Невольно задумываешься, а что, если все существующие ответы случайны, если они созданы людьми просто для того, чтобы нам стало спокойнее?..

ISBN 978-5-399-00478-5

9 785399 004785

софия
www.sophia.ru